МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ФИЗІОЛОГІИ ОБЩЕСТВА

ВЪ ГЕРМАНІИ.

—

В. Безобразова.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1858.

Пров. 1935

НМ
57

Пр.

[illegible]
АКАДЕМІЯ

140
33

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 4-го іюня 1858 года.

Цензоръ *И. Фонъ-Крузе*.

ФИЗІОЛОГІЯ ОБЩЕСТВА

(Е. С. Е. .у)

ВВЕДЕНІЕ.

Во всѣхъ слояхъ и проявленіяхъ современной европейской жизни, мы безпрестанно наталкиваемся на понятія *общество, общественный, общественность;* эти выраженія повторяются всѣми, и придающими имъ сознательный смыслъ, и употребляющими ихъ машинально, вслѣдствіе всеобщаго обыкновенія, моды Но новое слово, вошедшее во всеобщее употребленіе, никогда не можетъ быть дѣломъ случая; мода на какое-нибудь выраженіе, проникающая во всѣ слои жизни, — не мода на платье, порожденная барышничествомъ портнаго и пресыщеннымъ воображеніемъ свѣтскаго франта ; новое слово, новое понятіе знаменуютъ новое явленіе, нерѣдко новую фазу въ развитіи народовъ И дѣйствительно съ понятіемъ *общество*, проникнувшимъ и въ современную практическую жизнь, и въ искусство, и въ литературу, и въ науку, связано многое; въ немъ обнаруживаются многіе симптомы современнаго и грядущаго движенія въ европейскомъ мірѣ Поэтому вторженіе понятія *общества* во всѣ сферы современной жизни заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

I.

Въ толкахъ о воспитаніи мы слышимъ требованіе приготовлять ребенка къ тому, чтобы онъ сдѣлался полезнымъ членомъ *общества*; дабы онъ былъ дѣйствительно полезнымъ членомъ, говорятъ, необходимо воспитать его сообразно съ условіями и требованіями той общественной среды, въ которой онъ будетъ жить и дѣйствовать. Цѣлью воспитанія уже не полагается скроеніе человѣка по тѣмъ отвлеченнымъ понятіямъ о чести и добродѣтели, которыя составилъ себѣ воспитатель, какъ бы эти понятія ни были возвышенны, но въ современныхъ воззрѣніяхъ на воспитаніе замѣтно желаніе развить въ молодомъ поколѣніи, вмѣстѣ съ своеобразными и прирожденными свойствами отдѣльныхъ личностей, лучшія стремленія окружающаго ихъ общества, внушить ему сочувствіе къ его идеаламъ, отвращеніе отъ его пороковъ, такъ чтобы юноша, вступая въ практическую жизнь, не обратился въ отвлеченнаго мечтателя, влачащаго свою тоску съ одной станціи до другой, но въ здороваго дѣятеля, стоящаго въ уровень съ тѣмъ обществомъ, посреди котораго ему суждено жить.

Въ романѣ насъ уже не удовлетворяетъ болѣе или менѣе хитрозавязанный и развязанный разказъ, какъ *онъ* любитъ *ее*, какія были на тернистомъ пути его любви препятствія, какъ *онъ* преодолѣлъ ихъ, и какъ наконецъ все уладилось къ общему удовольствію. Отъ самаго простаго разказа мы требуемъ отвѣта въ какой *общественной* средѣ происходитъ дѣйствіе, требуемъ изображенія въ герояхъ *общественныхъ типовъ*, требуемъ, чтобы препятствія были дѣйствительно общественныя препятствія, то-есть исходили изъ общественныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, чтобы примиреніе было дѣйствительно возможно, сообразно съ тѣми общественными условіями, которыми вызваны препятствія; наконецъ, если въ обществѣ нѣтъ торжества добродѣтели, то мы не хотимъ его и въ романѣ, какъ ни готовы мы оплакивать судьбу героя, какъ ни восхитительно прекрасна героиня. Но мы идемъ далѣе, мы ожидаемъ отъ искусства художественнаго возсозданія тѣхъ общественныхъ положеній, посреди которыхъ кружится наша жизнь, тревогъ, волненій, болѣзней общества, какъ ни успокоительно дѣйствуютъ на нервы пѣснопѣніе о благоуханіи лѣт-

няго вечера и теорія творчества, лишеннаго сознанія и разумѣнія, — эстетическая теорія, преклоняющаяся передъ внѣшнимъ обаяніемъ красоты· но публика равнодушно проходитъ мимо всѣхъ этихъ перловъ поэзіи и пластическихъ прелестей, и съ жадностію останавливаетъ свой взоръ хотя бы на менѣе привлекательныхъ чертахъ этихъ черствыхъ типовъ дѣйствительности, заживо снѣдаемыхъ общественнымъ недугомъ въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ Крутогорскѣ. Въ праздношатающейся толпѣ модныхъ франтовъ встрѣчаемъ мы людей, считающихъ священною своею обязанностію разсуждать о повѣсти, въ которой, какъ они слышали, затронуты *общественные вопросы*, хотя бы въ ихъ мысляхъ эти вопросы заключались въ перемѣнѣ узкихъ фраковъ на широкіе. Какъ въ прежнее время они думали придать себѣ серіозность въ глазахъ прекраснаго пола, выставляя свое знакомство съ политикой, такъ теперь берутъ они за вывѣску своего серіознаго направленія общественные вопросы. Конечно, не отъ нихъ ожидаютъ эти вопросы своего рѣшенія, но намъ всегда казалось, что безсознательный выборъ праздною толпою той или другой вывѣски для своего щегольства лучше всего указываетъ на духъ и направленіе времени

Въ основаніи самаго пониманія и возсозданія характеровъ, во всѣхъ отрасляхъ современнаго искусства, лежитъ *идея общества*, идея, вполнѣ принадлежащая нашему вѣку. Для современнаго искусства изображеніе и анализъ характеровъ, страстей, добродѣтелей, пороковъ общечеловѣческихъ, не имѣетъ уже значенія; теперь всѣ требуютъ, чтобы общечеловѣческое и индивидуальное были облечены въ *общественный типъ* Понятіе *типа* преобладаетъ вездѣ, и въ литературѣ, и на театрѣ, и въ живописи, и даже начинаетъ проникать въ ваяніе; а что же такое *общественный типъ*, какъ не частный характеръ, развившійся въ ту форму, какая налагается на отдѣльнаго человѣка условіями среды, въ которой онъ живетъ? Отсюда блистательные успѣхи *типистовъ*, *tableaux de genre*, во всѣхъ родахъ искусства. Попытка изобразить общіе характеры въ родѣ Лабрюеровскихъ, хотя бы со стороны самаго мощнаго художника, не возбудила бы въ наше время никакого любопытства.

Самое понятіе *общественнаго порока* есть понятіе новое, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ явился въ

европейской литературѣ, начиная со второй четверти XIX столѣтія. И въ прошедшемъ вѣкѣ, любознательные путешественники описывали народные нравы и обычаи посѣщенныхъ странъ, народные предразсудки и суевѣрія; но въ настоящее время намъ уже недостаточно знать подобныя этнографическія особенности народа, болѣе или менѣе странныя и уродливыя. Мы хотимъ знать нравственныя его воззрѣнія, развившіяся подъ вліяніемъ его историческихъ судебъ и условій настоящаго общественнаго порядка. Современные моралисты, и свѣтскіе и духовные, уже перестали однообразно оплакивать грѣховную нечистоту человѣка, необузданность его страстей и т. д.; они гремятъ противъ общественнаго порока, противъ того нравственнаго міазма, который, распространяясь между людьми, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ общественныхъ ихъ отношеній, даетъ извѣстное, опредѣленное направленіе ихъ наклонностямъ, эпидемически дѣйствуетъ на ихъ волю, на ихъ умъ, на ихъ нравственную слабость.

Историки прошедшаго времени, и между ними самые глубокіе, излагали возникновеніе государствъ, развитіе ихъ могущества и упадокъ, измѣненіе въ формахъ правленія, касались нѣсколько законодательства, характера монарховъ, правителей, министровъ, и упоминали о народѣ только въ тѣ моменты, когда, на внѣшней поверхности исторіи, онъ являлся созидающимъ и разрушающимъ государственный порядокъ. У историковъ XIX вѣка народъ, *общество*, являются на первомъ планѣ; они вводятъ насъ въ ту внутреннюю лабораторію народной жизни, въ которой издалека, иногда за нѣсколько вѣковъ, вырабатываются тѣ политическія событія, въ которыхъ добродушіе прежнихъ историковъ видѣло только суровый нравъ правителей, не удавшуюся придворную интригу, волненіе черни. Намъ стали разказывать исторію народа, исторію общества, часто едва упоминая о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ и собственныхъ именахъ, сокрушавшихъ память прежняго школьнаго люда.

Со всѣхъ сторонъ вокругъ насъ раздаются воззванія къ *общественному мнѣнію*, требованія гласности, публичности, общественнаго суда. На общественное мнѣніе ссылаются, общественнаго мнѣнія желаютъ всѣ правительства, къ нему прибѣгаютъ самыя противоположныя направленія и интересы. Безпрестанно стараются обмануть, поддѣть, подкупить общественное мнѣніе;

но обманываютъ, подкупаютъ только силу. И дѣйствительно, общественное мнѣніе, въ современной Европѣ, стало силой. На него опираются, въ него рядятся всѣ оттѣнки убѣжденій; при крайнемъ размельченіи партій одно только общее у всѣхъ желаніе, искреннее или притворное,—желаніе *общественнаго* мнѣнія. Во всемъ розняться, въ одномъ согласны, въ томъ, чтобы общественному мнѣнію данъ былъ возможно-большій просторъ.

И въ самый міръ отвлеченной мысли религіознаго созерцанія, въ кабинетъ ученаго, въ келью монаха вторгается свѣжій воздухъ *общественности*. И отъ ученаго, какъ бы ни были далеки отъ практическихъ интересовъ его изслѣдованія, требуютъ живаго слова, понятнаго массѣ, обществу, и отъ отшельника ждутъ горячей проповѣди для воодушевленія массы, для бичеванія *общественнаго* зла. Но и самъ современный мыслитель ищетъ единенія съ обществомъ; послѣ побѣдъ отвлеченной мысли въ мірѣ науки, онъ видитъ ея торжество въ общественномъ вліяніи; въ призваніи ученаго онъ видитъ и *общественное призваніе*.

Если мы взглянемъ теперь на теченіе практической жизни въ Европѣ, то общественный элементъ еще болѣе выступаетъ наружу. Всѣ интересы современной жизни превращаются мало-по-малу въ *общественные*, или уступаютъ имъ мѣсто. Такова участь и интересовъ науки, и искусства, и промышленности, и политики; и частные и государственные поглащаются въ общественныхъ. Возникаетъ вопросъ въ наукѣ, и для разрѣшенія не только сходятся между собою ученые одного города, одной страны, но учреждаются конгрессы ученыхъ всѣхъ странъ и народовъ. Таковы международные конгрессы, собиравшіеся въ разныхъ пунктахъ Европы для статистики, таможенъ, благотворенія, и т. д. Значеніе подобныхъ всемірныхъ съѣздовъ ученыхъ знаменательно; собираются люди, живущіе подъ самыми разнообразными условіями мѣстности, племени, наконецъ—и это самое главное—подъ самыми разнообразными условіями политическими, люди ничего не имѣющіе между собою общаго, кромѣ интереса науки, или интереса того теоретическаго вопроса, который ихъ собралъ. Но чтобы интересъ науки или теоретическаго вопроса могъ собрать вокругъ себя столько людей, съ самыхъ противоположныхъ точекъ земнаго шара и политическаго міра, чтобы подобный конгрессъ, вызванный не административнымъ распоряженіемъ,

составленный изъ представителей, не имѣющихъ никакого офиціяльнаго полномочія, могъ имѣть вліяніе на судьбы разрѣшающагося вопроса внутри каждаго отдѣльнаго государства, — для этого нужно, чтобы интересъ науки сдѣлался *интересомъ общественнымъ*. Членъ международнаго конгресса является здѣсь не просто частнымъ лицомъ, ибо тогда конгрессъ не имѣлъ бы никакого авторитета, а между тѣмъ авторитетъ ему необходимъ, и онъ его имѣетъ. На конгрессѣ рѣшается вопросъ о наиболѣе выгодной, для науки и администраціи, организаціи статистическихъ работъ во всѣхъ государствахъ конгрессъ не можетъ ничего и никому предписать, его административная власть менѣе власти самаго небойкаго волостнаго писаря, а между тѣмъ къ сужденіямъ конгресса всѣ прислушиваются, его рѣшенія дѣйствительно имѣютъ вліяніе на устройство статистической части во многихъ государствахъ. Членъ конгресса присутствуетъ на немъ вовсе не какъ подданный какого-нибудь государства, не какъ подданный Англіи, Бельгіи, Франціи, Америки. онъ не имѣетъ на это никакого полномочія, никакого права; притомъ же, въ случаѣ такого полномочія, рѣшенія конгресса были бы обязательны. Членъ конгресса есть вопервыхъ членъ общества, — англійскаго, французскаго, бельгійскаго, американскаго — образованнаго общества; и вовторыхъ членъ того всемірнаго ученаго общества, которое, несмотря ни на какія разъединенія физическія, племенныя, политическія, имѣетъ одни и тѣ же интересы, чувствуетъ себя солидарнымъ во всѣхъ своихъ членахъ, гдѣ бы они ни жили, на берегахъ Миссиссипи или Дуная Вопросъ политическій можетъ внушать совершенно иныя чувства жителю Дуная, иныя — жителю Миссиссипи; но вопросъ статистики влечетъ ихъ обоихъ въ одну и ту же сторону. Въ искусствахъ, въ промышленности—то же явленіе; сотни тысячъ людей со всѣхъ концовъ земнаго шара собираются вокругъ всемірныхъ выставокъ; представители народнаго труда и генія наперерывъ стремятся къ самой высшей чести получить награду изъ рукъ цѣнителей, собравшихся изъ всѣхъ странъ и народовъ, выставки устраиваются, организуются частною дѣятельностію; ихъ воодушевляетъ *общественный интересъ*. Въ промышленности каждое частное предпріятіе разрастается въ общественное, ищетъ себѣ опоры, мысли, суда во всемъ обществѣ; всѣ частныя дѣя-

тельности связываются въ одну; самая ничтожная затѣя какого-нибудь спекулянта интересуетъ все общество; акціи даютъ возможность соединить сотни, тысячи людей, которые будутъ идти по одному направленію, будутъ воодушевлены одною мыслію, однимъ *общественнымъ дѣломъ*. И промышленныя предпріятія все болѣе и болѣе обобщаются, распространяются, проникаютъ во всѣ изгибы и закоулки общества; связываютъ отдѣльныя нити труда и мысли къ одной цѣли, къ одной системѣ общественныхъ интересовъ Возникаютъ громадныя компаніи, которыя обхватываютъ собою не только цѣлое государство, но нѣсколько государствъ, цѣлыя части свѣта, скоро весь земной шаръ; этими компаніями созидаются общіе интересы для всѣхъ частей государствъ, странъ, частей свѣта. Владѣлецъ 500 акцій главной компаніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, житель ли онъ Петербурга, Саратова, Парижа, Лондона, Бостона—имѣетъ одинъ и тотъ же интересъ; конечно, кромѣ участія, принимаемаго имъ въ успѣхѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, у него могутъ быть другіе интересы, нравственные, умственные, религіозные, но важно уже то, что есть хотя одинъ общій интересъ. Этотъ интересъ не подчиняется никакимъ мѣстнымъ особенностямъ, онъ одинаковъ, онъ тождественъ и у жителя Петербурга, и у жителя Саратова, Лондона, Бостона, и у Русскаго, и у Англичанина и у католика, и у протестанта, и у бонапартиста, и у англійскаго хартиста, и у купца города Шуи, и у петербургскаго льва. Въ силу этого интереса люди самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій могутъ въ данную минуту желать одного и того же, стремиться къ одной цѣли, употреблять отдѣльныя усилія на одно общее дѣло; напримѣръ и бонапартистъ, несмотря на всю отвагу своего воинственнаго духа, и купецъ города Шуи, несмотря на всю силу воспоминаній 1812 г., ненависть къ антихристу-Французу, могутъ заодно желать мира, безпошлиннаго провоза въ Россію иностранныхъ рельсовъ, пріѣзда иностранныхъ мастеровъ и т. д. Странно имъ встрѣтиться въ одномъ желаніи; но можетъ-быть они того и не знаютъ, что у нихъ одинъ и тотъ же общественный интересъ. Вспомнимъ одну изъ мыслей, указанныхъ компаніею Credit Mobilier въ ея отчетахъ, мысль о международномъ кредитѣ, то-есть выпускѣ такихъ кредитныхъ билетовъ компаніи, которые бы обращались во всѣхъ государ-

ствахъ, обмѣнивались повсюду на всякія другія цѣнности и такимъ образомъ замѣняли бы во многихъ случаяхъ монету, съ тою только разницей, что монета всякаго государства имѣетъ весьма тѣсный кругъ обращенія, а бумажныя деньги, выпускаемыя правительствами, принимаются въ торговыхъ оборотахъ исключительно только въ предѣлахъ своего государства, тогда какъ бумажные знаки компаніи Crédit Mobilier имѣли бы силу и кредитъ всюду. До сихъ поръ эта мысль еще не осуществилась. Мы не станемъ здѣсь ни порицать, ни восхвалять ее; пока для насъ важно только то, что нѣтъ никакихъ, ни практическихъ, ни теоретическихъ препятствій къ ея выполненію. Такимъ образомъ естественнымъ ходомъ вещей возникла бы въ Европѣ монета *частная* и притомъ *всеобщая*; послѣдствія этого порядка вещей для промышленности и торговли были бы велики. Предпріятія французской компаніи Crédit Mobilier весьма разнообразны; многія изъ нихъ даютъ совершенно новый видъ современнымъ промышленнымъ сдѣлкамъ. Мы никакъ не думаемъ, чтобы учредителямъ этой компаніи принадлежала честь открытія новыхъ политико-экономическихъ истинъ или новыхъ путей для народнаго хозяйства; мы скорѣе думаемъ, что новый характеръ нѣкоторыхъ его финансовыхъ предпріятій есть послѣдствіе естественнаго движенія современной экономической жизни народовъ, что Crédit Mobilier только ловко воспользовался новыми промышленными условіями. Во всякомъ случаѣ мы указали на одно явленіе, въ которомъ частная общественная дѣятельность мало-по-малу замѣняетъ или лучше весьма скоро можетъ замѣнить государственную; это явленіе, при всемъ кажущемся своемъ ничтожествѣ, принадлежитъ именно къ такому кругу, который доселѣ считался неотъемлемою прерогативой государства и былъ совершенно закрытъ для частной дѣятельности.

Повсюду въ политической жизни европейскаго міра (причисляемъ сюда и образованныя части народонаселенія Америки) выступаетъ наружу общество, и общественные интересы постоянно болѣе и болѣе заглушаютъ собою политическіе или государственные въ тѣсномъ смыслѣ. Отвлеченнымъ реформаторамъ и утопистамъ, конечно, никогда не принадлежали ни настоящее, ни будущее; но имъ принадлежитъ значительное мѣсто въ исторіи развитія человѣчества, если только ихъ дѣятельность не была

совершенно изолированная, а сопровождалась нѣкоторымъ отголоскомъ въ народныхъ массахъ, встрѣчала въ нихъ какое-нибудь сочувствіе. Если, по отзывамъ врачей, въ характерѣ преобладающихъ въ данную эпоху душевныхъ болѣзней всегда отражается духъ времени и настроеніе всего общества, то тѣмъ болѣе мы обязаны примѣнить это ко всѣмъ восторженнымъ и мечтательнымъ движеніямъ, обнаруживающимся въ нѣкоторыхъ членахъ общества. Въ утопическихъ твореніяхъ вѣка отражается его духъ, его сокровенныя думы и идеалы; въ той жадности, съ которою прислушиваются къ нимъ массы, скрывается болящая сторона вѣка. Конечно эти мечты не трезвая дѣятельность народной мысли, а скорѣе грезы больнаго; но этотъ сонъ, на которомъ онъ на минуту отводитъ душу отъ своихъ страданій, находится въ тѣсной, органической связи съ самыми страданіями. Утопія — призракъ, миражъ — это такъ, — но онъ образовался въ той самой атмосферѣ, которою окруженъ путешественникъ, онъ свидѣтельствуетъ о состояніи этой атмосферы, въ немъ отражается какая-нибудь все-таки дѣйствительная страна; къ ней когда-нибудь да можетъ добрести путешественникъ, въ своемъ безконечномъ шествіи, хотя въ миражѣ страна представлялась совершенно въ другомъ видѣ, можетъ-быть, въ самомъ извращенномъ. Во всякомъ случаѣ, исторія не можетъ пренебрегать утопическими стремленіями времени, это одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ ея матеріяловъ. Толпы реформаторовъ и утопистовъ стоятъ при самомъ исходѣ прошедшаго вѣка и началѣ нынѣшняго, особенно во Франціи, съ двадцатыхъ годовъ на нихъ обращены всѣ взоры, къ нимъ прислушиваются народныя массы, ихъ афоризмы вытверживаются наизусть въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, въ тѣхъ слояхъ, гдѣ, казалось бы, работа мышцъ должна была парализировать всякую работу мозга. Но это движеніе, не политическое, въ немъ не поднимается ни одинъ политическій вопросъ, въ немъ не слышится жалобы ни на одну государственную форму или силу; всѣ твердятъ о необходимости измѣненія *общественнаго порядка*, объ общественныхъ реформахъ. Всѣ планы идеальнаго порядка вещей, самыя крайнія и пылкія требованія затрогиваютъ, въ самыхъ основаніяхъ, религіозныя, нравственныя, юридическія, экономическія стороны народной жизни, но они могли бы одинаково быть примѣнены (или лучше оди-

наково не сбыточны) при всякой внѣшней государственной формѣ; во всякомъ случаѣ, въ нихъ нѣтъ никакой положительной вражды ни противъ одной государственной формы, ни противъ одного государственнаго учрежденія. Еслибы внутреннія условія общественной жизни не были противны формамъ, которыя хотѣли наложить на нихъ разнообразныя ученія западныхъ соціялистовъ и коммунистовъ, то эти формы были бы одинаково совмѣстимы и съ Китайскою имперіей, и съ восточнымъ сатрапствомъ и съ Сѣверо-Американскимъ Союзомъ. Во всѣхъ ученіяхъ и на всѣхъ знаменахъ слова: семейство, собственность, трудъ, капиталы, рабочій классъ, капиталисты, кредитъ; яростные клики—противъ существующего порядка всѣхъ этихъ общественныхъ отношеній, восторженные—о возможности пересозданія ихъ на иныхъ началахъ; но ни единой искры вражды противъ того или другаго государственнаго института, ни единой мечты, связанной съ тою или другою государственною формой. И все это весьма естественно. и самыя крайнія злоупотребленія собственности и самыя крайнія ея теоріи одинаково примирялись, одинаково были бы совмѣстимы съ самыми противоположными политическими формами. По какому-то недоумѣнію, 1848 годъ соединяетъ во Франціи на одну сторону и партіи, враждующія противъ общественнаго порядка, и остатки нѣсколькихъ чисто-политическихъ партій; неожиданно, въ нѣсколько часовъ, прежнія государственныя силы исчезаютъ, и политическая власть переходитъ въ руки политическихъ агитаторовъ и враговъ существующаго экономическаго порядка. Первые получаютъ перевѣсъ, и такимъ образомъ поставлены въ радикальное противорѣчіе съ самими собою. Здѣсь и начинается печальная исторія ихъ несостоятельности. Они все время говорили о различіи общества и государства, о правахъ общества, о необходимости общественныхъ реформъ, о своемъ равнодушіи къ политическимъ вопросамъ; теперь въ ихъ рукахъ государственная диктатура Весь государственный порядокъ поколебленъ; отъ нихъ ожидаютъ государственныхъ распоряженій, государственной дѣятельности, но у нихъ нѣтъ никакихъ государственныхъ принциповъ, никакихъ политическихъ убѣжденій. Короткое время французской республики окончательно доказало и несостоятельность государственной диктатуры на почвѣ общественныхъ вопросовъ, и несостоятельность утопистовъ на государ-

ственной почвѣ Если этотъ трехлѣтній конкурсъ надъ несостоятельностію соціялистовъ повлекъ за собою окончательное ихъ банкрутство, то, съ другой стороны, развязка его доказала и совершенную несостоятельность всѣхъ политическихъ партій во Франціи Полемъ овладѣла именно та партія, которая имѣла въ то время наименѣе политическаго значенія; овладѣла она полемъ не потому, что заключала въ себѣ симпатіи всѣхъ партій, но потому именно, что къ ней были всѣ одинаково равнодушны Торжествующая партія не несла за собои никакихъ новыхъ *политическихъ* убѣжденій, которыя бы могли соединить вокругъ себя массы или обобщить нѣсколько мелкихъ партій въ одну болѣе крупную и болѣе сильную, мысль, соединившая всѣхъ не къ признанію ея торжества, но къ безмолвію передъ нимъ, мысль, громко высказывавшаяся со всѣхъ сторонъ, была—*спасеніе общества. Il faut sauver la societé* — говорилось со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ кружкахъ, во всѣхъ журналахъ, прежде и послѣ переворота. По поводу декабрьскаго переворота много говорилось людьми самыхъ различныхъ, противоположныхъ убѣжденій, о ничтожествѣ политическаго характера Французовъ, объ упадкѣ самостоятельнаго сознанія въ народѣ, о непослѣдовательности его, о томъ всеобщемъ равнодушіи, съ которымъ онъ переходитъ отъ одной политической формы къ другой. Мы полагаемъ, что въ это всеобщее *равнодушіе*, если только можно назвать равнодушіемъ то состояніе умовъ, въ которомъ находилась Франція, во время декабрьскаго переворота, надо вникнуть поглубже. Спрашивается, былъ ли бы принятъ съ такимъ же равнодушіемъ переворотъ, который бы далъ торжество сильнымъ землевладѣльческимъ интересамъ, со всѣми аттрибутами разныхъ феодальныхъ привилегій? Такой переворотъ былъ рѣшительно невозможенъ, — въ этомъ конечно никто не усумнится; но не потому невозможенъ, чтобы во Франціи уже вовсе не было людей, которымъ бы подобный порядокъ вещей улыбался. На внѣшнемъ политическомъ переворотѣ всѣ примирились, ибо съ тѣми или другими политическими формами не было связано въ массахъ никакой глубокой симпатіи и никакой глубокой вражды. По политическимъ принципамъ всѣ партіи одинаково ненавидѣли государственную диктатуру,—и, несмотря на то, всѣ покорились еи, ибо она была необходима для общественныхъ вопросовъ Вокругъ этихъ вопро-

совъ сосредоточились всѣ страсти, вся злоба, вся ненависть, вся любовь. Но на этой почвѣ переворотъ заключалъ много задатковъ для всѣхъ партій, столько, сколько не могла дать ни одна изъ нихъ: онъ не предосуждалъ ни одного вопроса, онъ не давалъ возможности ни одному изъ враждующихъ общественныхъ интересовъ организоваться насильственнымъ образомъ въ ущербъ другихъ. Все это отрицательныя достоинства: но на нихъ примирились съ государственною диктатурой, исшедшею изъ декабрьскаго переворота. Дальнѣйшія ея судьбы зависятъ сколько отъ нея самой, столько же, и едва ли не больше, отъ тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые созрѣютъ при ней и придутъ между собой къ той или другой сдѣлкѣ. Но несправедливо было бы не упомянуть, рядомъ съ отрицательными достоинствами декабрьскаго переворота, и о нѣкоторыхъ другихъ положительныхъ его отношеніяхъ къ общественнымъ вопросамъ во Франціи. Онъ опирался на двухъ силахъ: всеобщей подачѣ голосовъ и войскѣ. Всеобщая подача голосовъ было единственное требованіе, предъявленное февральскимъ движеніемъ и получившее какой-нибудь практическій смыслъ,—единственное убѣжденіе взволнованныхъ массъ, развившееся въ формы государственнаго убѣжденія. Войско было единственный зрѣлый общественный элементъ; мы не называемъ здѣсь войска чисто-государственнымъ элементомъ, ибо съ нимъ не соединилось никакихъ политическихъ убѣжденій; это были не наемники, не преторіянцы, и не послушная бездушная сила, готовая признать власть перваго встрѣчнаго. Не таково войско во Франціи; это единственная общественная группа, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ и всеобщею популярностію. Такого характера не имѣютъ ни работники, ни капиталисты, ни богатые землевладѣльцы. Наконецъ, вокругъ имени Наполеона соединились единственныя народныя воспоминанія, не утратившія своей свѣжести и своей поэзіи, единственные народные предразсудки, не утратившіе всей наивности, всей творческой силы народнаго суевѣрія.

Намъ было бы весьма грустно, еслибы слова наши были приняты за попытку оправдать насильственный переворотъ; по нашимъ глубокимъ убѣжденіямъ, намъ противны всякаго рода насильственные перевороты, съ какой бы стороны они на приходили. Мы хотѣли здѣсь только указать на факты, и, въ мѣрѣ нашего

пониманія, объяснить ихъ, вывести наружу ту внутреннюю мысль, которую они въ себѣ воплощаютъ вслѣдствіе историческаго движенія общества. Отъ свободнаго произвола историческихъ лицъ, которымъ, по волѣ Провидѣнія, суждено осуществить эту мысль, зависитъ избраніе тѣхъ или другихъ средствъ къ осуществленію. Въ выборѣ этихъ средствъ заключается нравственное осужденіе или оправданіе личностей передъ судомъ исторіи. Здѣсь насъ занимаетъ только послѣдовательность событій въ западно-европейскомъ обществѣ; объяснять послѣдніе перевороты во Франціи крайнимъ развращеніемъ народа, упадкомъ его національнаго генія, его историческою агоніей — мы не въ силахъ. Ибо противъ подобныхъ объясненій краснорѣчиво говорятъ всѣ современные успѣхи Франціи на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности.

Но не въ одной Франціи замѣчается въ настоящее время совершенное разстройство политическихъ партій. Оно повсемѣстное въ западной Европѣ; во Франціи оно достигло только своего крайняго апогея; въ странахъ, отставшихъ отъ современнаго промышленнаго движенія — въ Италіи, Испаніи, оно менѣе замѣтно, на передовыхъ постахъ этого движенія — болѣе. Въ Англіи, въ классической странѣ политической свободы, строго сформулированныхъ политическихъ убѣжденій, строго поставленныхъ граней между политическими партіями, — прежнія партіи смѣшались, они до сихъ поръ не могутъ подняться отъ того удара, который нанесенъ былъ имъ государственною дѣятельностію Роберта Пиля. Эта дѣятельность, принявъ въ основаніе промышленные и общественные интересы народа, насущныя требованія того внутренняго движенія, которое постепенно, но неуклонно подкапывается подъ средневѣковыя привилегіи, связывающія между собою всѣ части государственнаго и общественнаго организма Англіи, — эта дѣятельность бодро стала поперекъ всѣмъ прежнимъ разграниченіямъ политическихъ партій, поперекъ вигамъ и торіямъ. Консерваторъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Робертъ Пиль произвелъ въ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ сословій въ Англіи такую реформу, отважность которой далеко оставила за собой всѣ либеральныя поползновенія виговъ. Съ тѣхъ поръ виги и торіи—едва не мертвая буква въ Англіи; министерства составляются изъ разныхъ комбинацій, берущихъ своихъ членовъ въ обѣихъ партіяхъ.

Въ другихъ странахъ западной Европы еще большее отсутствіе организованныхъ политическихъ партій, рѣзкихъ отличій между чисто-политическими воззрѣніями. Доказательство этому уже можно видѣть въ томъ, что чисто-политическіе вопросы улаживаются весьма скоро и легко, посредствомъ разныхъ взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ; для примѣра можно бы представить нѣсколько вопросовъ внѣшней политики, возбуждавшихся въ послѣднее время, грозившихъ войною и улаженныхъ дипломатіей къ общему удовольствію. Такъ нефшательскій вопросъ, въ которомъ однако дѣло шло объ исключеніи цѣлой области изъ государственной территоріи одной изъ первостепенныхъ державъ Европы. Но въ настоящее время никакая партія никогда и не помышляетъ требовать войны или оправдывать ее во имя государственныхъ вопросовъ, для увеличенія государственной территоріи, блеска и славы государства, политическаго вліянія лицъ, стоящихъ во главѣ государства, на меньшія государства и т. д. Если подобныя побужденія и могутъ руководить тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, то во всякомъ случаѣ они бережно скрываются за громко-высказываемыми требованіями другаго рода: говорятъ о необходимости учрежденія новыхъ путей для торговли, объ открытіи морей для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ, о защитѣ притѣсняемымъ народностямъ Послѣдняя восточная война грозила, въ глазахъ всѣхъ, рядомъ нескончаемыхъ браней и внутреннихъ и внѣшнихъ, вслѣдствіе тѣхъ многосложныхъ общественныхъ и народныхъ интересовъ, которые въ связи съ нею готовы были пробудиться и придти къ столкновенію въ роковой, безграничной борьбѣ. Интересы не пробудились, и на чисто-политической почвѣ война стихла весьма скоро; въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто-государственныхъ вопросовъ миръ утвердился весьма легко и на довольно-прочныхъ основаніяхъ, несмотря на всю злобу, какою горѣли оба стана въ началѣ войны.

Размельченіе и блѣдность политическихъ партій, скудость опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій или лозунговъ, соединяющихъ отдѣльныя личности въ цѣлыя группы партій, еще болѣе выказываются при сравненіи ихъ съ партіями на поприщѣ вопросовъ общественныхъ, научныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ. Здѣсь мы видимъ несравненно болѣе ожесточенія, болѣе строго-опредѣленныхъ принциповъ, и менѣе путей для примиренія.

Вездѣ вопросъ о свободѣ торговли раздѣляетъ людей на два стана: протекціонистовъ и фритредеровъ, которыхъ отличительные признаки для насъ гораздо яснѣе, чѣмъ такъ-называемыхъ консерваторовъ и либераловъ; то же самое можно сказать и о партіи, которая требуетъ насильственной, искусственной организаціи народнаго хозяйства, и партіи, защищающей естественный промышленный порядокъ, то же о партіи католической и партіи свободы религіи и т. д. Легитимисты, конституціоналисты, республиканцы — названія, едва не потерявшія всякое значеніе, всякое внутреннее содержаніе; представители тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ — поземельныхъ владѣній, капиталовъ, труда, науки, церкви, религіозныхъ сектъ, — всѣ это представители понятій живыхъ, имѣющихъ плоть и кровь въ современной жизни. Мы видимъ не только безсиліе отдѣльныхъ личностей предъ силою общественнаго мнѣнія, но безсиліе цѣлыхъ парламентовъ, большинства которыхъ не могутъ ни сокрушить, ни удержать министерства, дѣйствующія согласно или вопреки общественному мнѣнію Нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ экономическіе и общественные вопросы болѣе или менѣе затрогиваютъ политическую почву, но только косвенно, всѣ они прямо построены на тѣхъ или другихъ общественныхъ интересахъ, ими обусловливаются, отъ нихъ получаютъ свое направленіе. Всякая государственная мѣра, всякая государственная форма оправдывается или осуждается въ настоящее время вреднымъ или благодѣтельнымъ вліяніемъ на общественное благосостояніе, нравственное или матеріяльное; поклонники тѣхъ или другихъ государственныхъ формъ, ради абсолютной отвлеченной прелести или пластической стройности этихъ формъ,—въ наше время весьма рѣдки Наконецъ, замѣтимъ повсемѣстное развитіе въ Европѣ мѣстныхъ вопросовъ о внутренней организаціи, общинъ, товариществъ, которыя возникаютъ нынѣ на почвѣ личной свободы, свободнаго труда, и привлекаютъ къ себѣ массы несравненно болѣе, чѣмъ политическіе вопросы.

Мы бѣглымъ образомъ взглянули на разныя стороны современной жизни въ европейскомъ мірѣ, и вездѣ встрѣтились съ понятіемъ *общества;* цѣль нашего очерка не была собственное изученіе и изслѣдованіе всѣхъ тѣхъ явленій, въ которыхъ это понятіе преобладаетъ; мы хотѣли только доказать, что это понятіе не вы-

думанное, что оно обнаруживается въ сознаніи массъ дѣйствительными фактами. Но чтобы еще болѣе очевиднымъ образомъ выдвинуть впередъ необходимость этого новаго понятія въ движеніи современной жизни, необходимость его для разумности этого движенія, — взглянемъ на отношенія главныхъ результатовъ современнаго общественнаго развитія къ политическому міру или къ сферѣ государства.

Мыслители всѣхъ оттѣнковъ убѣжденій, всѣхъ школъ, всѣхъ направленій — согласны въ томъ, что современно-историческое движеніе западно-европейскихъ народовъ представляетъ рѣшительное, ежедневно усиливающееся развитіе демократическаго духа, то-есть, стремленіе къ уравненію всѣхъ правъ и обязанностей отдѣльныхъ личностей, къ сглаживанію всѣхъ привилегій и преимуществъ, завѣщанныхъ средними вѣками отдѣльнымъ сословіямъ, корпораціямъ, союзамъ, къ равномѣрному распредѣленію между всѣми членами государства даровъ нравственнаго и матеріяльнаго благосостоянія. На успѣхи демократіи одни смотрятъ восторженно, другіе съ досадою, третьи съ грустію, но всѣ сколько нибудь мыслящіе признаютъ ихъ, въ нихъ не сомнѣваются. Еще недавно свидѣтельствовали объ этихъ успѣхахъ такіе голоса, какъ Монталамберъ и Гизо; конечно, ихъ свидѣтельство не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи. А между тѣмъ, какія требованія предъявляетъ демократическое движеніе государству, политической власти? Оно требуетъ отъ него уничтоженія остатковъ всѣхъ средневѣковыхъ сословныхъ привилегій, всѣхъ тѣхъ преимуществъ, вслѣдствіе которыхъ одна часть народонаселенія насильственно была привлекаема къ услугамъ другой, недопущенія никакихъ новыхъ привилегій и монополій въ государствѣ, основанныхъ на политическихъ и гражданскихъ преимуществахъ сословій, званій, корпорацій; требуетъ равенства всѣхъ передъ судомъ и закономъ. Таковы требованія сколько-нибудь трезвой демократіи, предъявляемыя государству дѣйствительно существующему, а не воображаемому Кажется, очевидно, что всѣ эти требованія чисто-отрицательныя, или лучше, вся та дѣятельность, къ которой они обязываютъ государственную власть, дѣятельность чисто-отрицательная. Государственная власть не должна дѣлать то-то, не должна покровительствовать одному классу преимущественно предъ другимъ, одному интересу пре-

имущественно предъ прочими, не должна препятствовать распространенію просвѣщенія, благосостоянія въ массахъ и т. д. Мы понимаемъ, что вслѣдствіе этихъ обязанностей возникаетъ цѣлый рядъ положительныхъ мѣропріятій внутренней и внѣшней политики; но конечная цѣль ихъ все-таки отрицательная. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, достаточно взглянуть на другую характеристическую черту духа времени въ западной Европѣ; всѣ общественные интересы, находящіеся въ самой непримиримой враждѣ между собою, всѣ направленія мнѣній, такъ безконечно разнообразныя въ современной Европѣ, разбѣгающіяся по такимъ противоположнымъ путямъ, согласны въ одномъ — въ ненависти къ бюрократическому духу, чрезмѣрно развившемуся въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы. Бюрократія, выросшая въ западной Европѣ на развалинахъ средневѣковаго зданія, была именно та сила, съ помощію которой монархи боролись противъ феодальныхъ неравенствъ и правъ. Воплощая въ себѣ ту идею государственнаго единства и централизаціи, которая, налагая на всѣхъ подданныхъ равное тягло передъ государствомъ, собирала всѣ разсѣянныя въ организмѣ общества силы къ одному фокусу, къ одному центру, чтобы изъ этого центра идти на помощь угнетеннымъ классамъ, поднимать одинъ классъ на другой, и такимъ образомъ водворять равновѣсіе между напирающими другъ на друга общественными группами,—бюрократія была въ послѣдніе три вѣка дѣйствительно представительницею демократическаго духа въ Европѣ. Но возникнувъ какъ средство къ осуществленію идеи, вырабатывавшейся исторіей, бюрократія далеко зашла за предѣлы своего первоначальнаго общественнаго назначенія. Рядомъ съ интересами и цѣлями общества, которому она призвана была служить, она создала свои собственные интересы и цѣли, во имя началъ отвлеченныхъ, потерявшихъ живое значеніе для общества. Между тѣмъ результаты и современныхъ общественныхъ и политическихъ наукъ, и современной практической жизни въ Европѣ, таковы, что они противятся преслѣдованію подобныхъ отвлеченныхъ государственныхъ цѣлей оторванныхъ отъ живыхъ общественныхъ интересовъ.

Итакъ, духъ времени, въ главнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, налагаетъ на государство только отрицательныя обязанности Такимъ направленіемъ отличаются всѣ политическіе принципы,

предявленные въ концѣ прошедшаго столѣтія; въ нихъ нѣтъ никакихъ непосредственно организующихъ элементовъ; какъ только эти принципы переходили къ творчеству и организаціи, они или оказывались несостоятельными, или влекли къ насильственнымъ переворотамъ, за которыми слѣдовали анархія и деспотизмъ: вспомнимъ печальные подвиги конвента во Франціи. Но это весьма естественно, ибо цѣль всѣхъ этихъ принциповъ отрицательная — освобожденіе общества отъ насильственной политической организаціи; эти принципы и вступали съ нею въ болѣе или менѣе удачныя сдѣлки, ознаменованныя болѣе или менѣе долговѣчными конституціями заподно-европейскихъ народовъ. Абсолютный характеръ имѣетъ движеніе западно-европейскихъ народовъ только на общественной почвѣ, здѣсь только всѣ его требованія дѣлаются и могутъ сдѣлаться положительными. Демократическій духъ, чтобы сдѣлаться чемъ-нибудь живымъ и дѣйствительнымъ, долженъ проникнуть въ нравы и обычай общества, въ воспитаніе, въ народное хозяйство, во всѣ нравственныя, юридическія и экономическія отношенія членовъ общества между собою. Наконецъ ненависть къ бюрократическому духу также обращается въ положительный принципъ толко на общественной почвѣ, отвлеченные бюрократическіе интересы могутъ быть замѣнены только общественными, которые созидаютъ авторитетъ, крѣпко связанный съ землею и дѣйствительными потребностями общества.

Все нами сказанное объ обществѣ вовсе не исчерпываетъ предмета, который далеко выходитъ за предѣлы краткой журнальной статьи: но если не ошибаемся, мы сказали достаточно, чтобы выдвинуть общество и общественные интересы какъ фактъ, крупно выступающій впередъ во всѣхъ дѣйствительныхъ проявленіяхъ современной жизни образованныхъ народовъ, и какъ понятіе, необходимо связанное со всѣми современными воззрѣніями образованнаго міра, со всѣмъ пониманіемъ современнаго человѣка. Общество, съ современной точки зрѣнія, только новое *понятіе*, но не новое *явленіе*, точно такъ же не новое, какъ всѣ явленія природы, изъ которыхъ многія точно также весьма недавно проникли въ человѣческое сознаніе и сдѣлались предметомъ наблюденій. Общество существовало и въ древнемъ классическомъ мірѣ, но тамъ оно было такъ неразрывно сплочено съ го-

сударственнымъ организмомъ, формы политическія были въ такомъ гармоническомъ соотвѣтствіи со всѣми общественными отношеніями, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которыя сознавалъ и которыхъ требовалъ древній человѣкъ, что общество всецѣло воплощалось въ государствѣ, и общественная жизнь въ политической. Человѣкъ, членъ общества, исчезалъ въ гражданинѣ, членѣ государства. Но новѣйшіе изслѣдователи стали уже изучать и древнее общество, и тамъ стали они отыскивать тѣ общественныя отношенія и интересы, изъ которыхъ сложился политическій организмъ: и въ древнемъ классическомъ мірѣ политическія формы, какъ и въ новѣйшее время, принимаются уже не за причину, а за послѣдствіе, за продуктъ тѣхъ или другихъ общественныхъ интересовъ. Съ появленіемъ христіянской религіи, начинается разложеніе политическаго организма древняго міра; независимо отъ государства, рядомъ съ нимъ, является общество христіянъ. Человѣкъ въ первый разъ почувствовалъ, что, кромѣ обязанностей въ отношеніи къ государству, у него есть другія, не менѣе священныя обязанности. Разсѣянное, преслѣдуемое, христіянское общество сосредоточилось, окрѣпло, и не только само развилось въ формы государственнаго учрежденія, но и въ свою очередъ стало подчинять имъ западно-европейскія общества. Много разъ видимъ мы въ историческомъ развитіи европейскихъ народовъ новое движеніе общественныхъ интересовъ, выступающее изъ государственныхъ формъ и опредѣленій, созданныхъ общественными интересами прежняго времени, то медленно и постепенно преобразующее ихъ, то бурнымъ потокомъ разрывающее ихъ. Общественная жизнь, то мирно, иногда цѣлое столѣтіе, течетъ по своему руслу, то выходитъ изъ береговъ, ищетъ другаго направленія, отыскиваетъ его и пробиваетъ себѣ новое ложе. Но ни на одно мгновеніе не останавливается движеніе. Много можетъ-быть предстоитъ еще переворотовъ въ судьбахъ образованнаго міра; законъ движенія впередъ непреложенъ, одна, другая группа человѣчества можетъ оцѣпенѣть, но движеніе переходитъ въ другія группы. Много народовъ останавливались въ своемъ историческомъ шествіи, но всегда былъ хотя одинъ народъ, въ которомъ движеніе продолжалось.

Движеніе общества было всегда. Но только нашему времени принадлежитъ честь сознанія, что и это движеніе, какъ все су-

ществующее въ мірѣ, имѣетъ свои законы. Многіе перевороты въ судьбахъ государствъ доказывали, что произвольное измѣненіе политическихъ формъ можетъ имѣть то или другое вліяніе на развитіе общества, но что оно не касается самой его сущности, что эта сущность, рано или поздно, воздѣйствуетъ на политическія формы, и что, наконецъ, самые произвольные порывы, и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ массъ, къ измѣненію формъ общежитія, въ свою очередь условливаются тою общественною средой, въ которой они получили свое начало, что они также продуктъ той общественной почвы, на которой получили жизнь. Созидались республики, объявлялось уничтоженіе сословій, абсолютное равенство всѣхъ гражданъ; аристократія пряталась, бѣжала; проходило нѣсколько лѣтъ, и она съ торжествомъ возвращалась, получала отъ народа вознагражденіе за безчестіе и брала въ свои руки его судьбы. Сословія были объявлены несуществующими, а они рѣзко отличаются другъ отъ друга, и до сихъ поръ въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ предразсудкахъ, во всемъ образѣ жизни, наконецъ различаются въ той степени и характерѣ умственнаго и нравственнаго развитія, которые даютъ возможность одной общественной группѣ имѣть въ своемъ распоряженіи одинъ только родъ общественной дѣятельности, имѣть одно только, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вліяніе на другія группы Если взять примѣръ въ менѣе-обширномъ кругу явленій, то мы видимъ изданіе строгихъ законовъ противъ роста, опредѣленіе таксы процента, чрезвычайныхъ наказаній за нарушеніе этой таксы, и между тѣмъ ростовщичество не ослабѣваетъ, а усиливается, ибо, пропорціонально строгости закона, оно возвышаетъ свой процентъ Опредѣляется самая строгая мѣра наказанія противъ самовольныхъ лѣсныхъ порубокъ, а невѣжество въ отличіи чужой и своей собственности, грубое понятіе объ общественной собственности, не исчезаютъ вдругъ передъ свѣтомъ истины въ силу новаго закона; они обнаруживаются подкупомъ, продажностію лѣсныхъ стражей, поджогами лѣсовъ. Законъ усилилъ опасность преступленія, онъ не измѣнилъ направленія преступной воли, онъ не посѣлилъ новыхъ юридическихъ понятій о собственности. Такія понятія выростаютъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ общественныхъ отношеній, заставляющихъ по необходимости искать юридическаго смысла тамъ, куда двигаютъ лич-

ные интересы, искать справедливости тамъ, куда влекутъ душевныя потребности.

Отъ наблюденія надъ подобными фактами въ жизни народовъ пришли постепенно къ сознанію связи *причины* и *слѣдствія* между явленіями въ человѣческомъ обществѣ. Начали пристально вглядываться въ эти явленія, и замѣтили, что и здѣсь не игра случая и произвола, а также свои законы. Была открыта періодичность многихъ явленій въ самыхъ великихъ политическихъ событіяхъ, и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ ежедневной жизни; стали выводить среднюю жизнь государства и среднее число писемъ, брошенныхъ въ теченіе года въ почтовые ящики безъ адресовъ. Такъ, въ послѣднее время, видимъ мы повсемѣстныя попытки къ изученію общества и общественныхъ явленій, выступившихъ съ такою силой и въ сознаніи, и въ практической жизни современнаго человѣка; слѣды этого изученія общественной жизни, во всей простотѣ ея дѣйствительности, во всей самобытности ея проявленій, рядомъ съ жизнію природы, находимъ мы и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ наукѣ. На нѣкоторыя черты этого движенія мы уже указали въ самомъ началѣ. Человѣкъ хочетъ узнать себя не въ отвлеченіи, не въ зеркалѣ своей души, отражающей большею частію то самое, что̀ онъ хочетъ видѣть, а на той почвѣ, гдѣ онъ только проявляется какъ человѣкъ, въ той именно средѣ, въ которой обнаруживается вся особенность его естественнаго типа, въ сравненіи со всѣми другими типами природы. Въ этой дѣятельности заключается зародышъ новой науки — *науки объ обществѣ;* имя ея уже произнесено. Конечно, все, что̀ до сихъ поръ было сдѣлано на этомъ полѣ, мы не можемъ еще назвать иначе, какъ болѣе или менѣе удачными попытками или матеріяломъ; но эта дѣятельность ежедневно усиливается, и во всѣхъ странахъ Европы совершены уже весьма замѣчательные труды, въ которыхъ мы рѣшительно имѣемъ право видѣть начало новой науки. Во всякомъ случаѣ *общественная наука, общественная физіологія, общественная физика, соціологія* — какъ бы ни называли ее въ настоящую минуту, — есть несомнѣнный фактъ въ исторіи наукъ, и если сама наука еще смутно представляется въ человѣческомъ сознаніи, она уже положительно существуетъ въ немъ. Элементъ изслѣдованія законовъ общества уже проникъ во всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣческой

жизни; *точныя наблюденія* надъ общественными явленіями постоянно накопляются; запасы этихъ наблюденій всего болѣе собраны въ экономической наукѣ и статистикѣ, но они уже существуютъ и въ другихъ наукахъ. Всего же важнѣе для будущаго развитія науки объ обществѣ то, что необходимость ея уже сознана, и что она усвоиваетъ себѣ *методъ точнаго наблюденія надъ общественными явленіями*, заимствованный ею изъ естественныхъ наукъ и чуждый всѣмъ наукамъ прежняго времени, касавшимся общества и государства. Въ этомъ отношеніи наука объ обществѣ обязана не однимъ только общественнымъ и политическимъ переворотамъ, выдвинувшимъ впередъ понятіе объ обществѣ, но и успѣхамъ всѣхъ естественныхъ наукъ, общимъ результатамъ пытливости человѣческаго духа въ изслѣдованіи природы и усовершенствованіи его логическихъ пріемовъ. Здѣсь мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе

II.

Въ исторіи наукъ мы можемъ отмѣтить два явленія первостепенной важности, около которыхъ группируются всѣ фазы развитія разныхъ отраслей человѣческаго знанія: *вопервыхъ* — постепенное развитіе самостоятельности науки *какъ знанія; во-вторыхъ* — постепенное усовершенствованіе *точности* научнаго метода. Взглянемъ бѣгло на ту и другую сторону въ исторіи наукъ

При настоящемъ положеніи наукъ естественныхъ, мы легко отличаемъ науки *чистыя* отъ наукъ *прикладныхъ* или теорій разныхъ искусствъ; первыя изслѣдуютъ законы природы, вторыя примѣняютъ законы къ разнымъ человѣческимъ потребностямъ. *Умозрительная механика* изучаетъ законы равновѣсія и движенія тѣлъ; *прикладная* или *практическая* механика указываетъ способы, по которымъ можно сдѣлать изъ этихъ законовъ полезное для человѣка употребленіе. Химія изслѣдуетъ составъ тѣлъ; технологія ищетъ полезныхъ для человѣка комбинацій этихъ составовъ. Очевидно, что мы только тогда можемъ сдѣлать полезное употребленіе изъ какой-нибудь вещи, когда зна-

емъ ея свойства. тогда только можемъ примѣнить какой-нибудь законъ природы къ нашимъ цѣлямъ, когда знаемъ его Но остановимся на послѣднемъ. Подъ закономъ природы мы разумѣемъ ту нормальную зависимость, въ которой между собою находятся два или нѣсколько явленій природы, то-есть зависимость какъ причины и слѣдствія. Мы замѣчаемъ, что за нагрѣваніемъ нѣкоторыхъ тѣлъ слѣдуетъ увеличеніе въ ихъ объемѣ; сравниваемъ между собою нѣсколько случаевъ подобнаго нагрѣванія и увеличенія въ объемѣ, — замѣчаемъ, что эти два явленія находятся въ постоянной нормальной между собою зависимости, и выводимъ законъ *увеличенія объема тѣлъ пропорціонально ихъ нагрѣванію*. Но мы хотимъ знать степень жара въ окружающей насъ атмосферѣ и примѣняемъ къ этой потребности открытый нами законъ, опять и здѣсь нужна теорія, которая отыщетъ между нѣсколькими тѣлами то, которое наиболѣе удобно для нашего употребленія, и изслѣдуетъ способы, по которымъ общій законъ можетъ быть примѣненъ къ устройству нашего инструмента. Возникаетъ термометръ теорія уст ства термометровъ, которая есть не что иное, какъ одна изъ прикладныхъ теорій чистой физики. Законъ природы указываетъ на взаимныя отношенія между собою явленій, то-есть имъ опредѣляются *тѣ условія*, по которымъ одно явленіе измѣняется подъ вліяніемъ другаго. Искусство, узнавъ эти условія и желая имѣть сообразно съ своими цѣлями то или другое вліяніе на явленіе, ставитъ явленіе подъ вліяніе тѣхъ или другихъ условій, беретъ ртуть, наливаетъ ее въ трубку и ожидаетъ какъ слѣдствія непреложнаго закона расширенія ртути подъ вліяніемъ тепла, движенія ея по тому или другому направленію въ трубкѣ То же самое повторяется во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка на явленія природы, во всѣхъ искусствахъ, въ которыхъ онъ хочетъ пользоваться для своихъ цѣлей силами природы. Такъ измѣняетъ онъ свойство почвы для возможно-обильнѣйшаго произращенія на ней нужныхъ ему растеній; узнаетъ, въ какомъ соотношеніи находится растительность разныхъ хлѣбовъ съ тѣми или другими составными частями земли, и вноситъ ихъ въ данную почву. Вездѣ вноситъ онъ въ окружающую природу эту новую, незаключающуюся въ ея нѣдрахъ, силу своего духа, силу возмущающую, разстраивающую однообразное теченіе явленій при-

роды. Но никогда не можетъ онъ имѣть другаго вліянія на природу, лишь какъ то, которое собразно съ ея законами, никогда не можетъ онъ измѣнить послѣдовательность ея явленій въ томъ направленіи, какого желаетъ, если напередъ не знаетъ закона этой послѣдовательности. Безъ сомнѣнія, всякое вмѣшательство человѣческой воли въ природу повлечетъ за собой какія-либо послѣдствія, но не зная естественной зависимости условій обнаруженія силъ природы, она можетъ произвести именно измѣненія, противоположныя своему намѣренію. Итакъ только знаніе, наука даетъ силу дѣйствовать на природу, силу творить, силу разрушать, сообразно задуманной цѣли. *Знать, чтобы предвидѣть; предвидѣть, чтобы дѣйствовать*: такова формула, соединяющая науку съ искусствомъ.

Несмотря на всю непреложность этого начала, которое мы въ свою очередь также можемъ назвать закономъ природы, мы видимъ, что всѣ науки получили свое начало въ разныхъ практическихъ обращеніяхъ человѣка съ силами природы; у колыбели всякой науки найдемъ мы какое-нибудь искусство. Никакое явленіе въ человѣческомъ обществѣ не развивается подъ вліяніемъ одного какого-нибудь простаго закона; каждое общественное явленіе обусловливается въ своемъ историческомъ значеніи дѣйствіями многихъ причинъ, многихъ законовъ взаимно другъ съ другомъ сочетающихся, пересѣкающихся. Потому-то такъ и трудно изученіе общественныхъ явленій; они самыя сложныя въ природѣ. Точно то же въ исторіи человѣческихъ знаній, которая представляетъ также явленіе общественное. Прежде чѣмъ знать, прежде чѣмъ разрѣшать сокровенныя задачи окружающей природы, человѣкъ по необходимости долженъ жить, то-есть возобновлять свои органическія силы пріобщеніемъ къ своему организму элементовъ окружающей среды, долженъ приспособлять силы природы къ своимъ потребностямъ. Кромѣ того, человѣкъ въ жизни своей осуществляетъ не одну только строгую послѣдовательность логическаго закона; вслѣдствіе не преодолимаго влеченія обнаружить свои силы, человѣкъ *прежде дѣйствуетъ*, но потомъ мало-по-малу ощущаетъ и другую необходимость—*знать, чтобъ дѣйствовать;* постепенно съ удовлетвореніемъ первыхъ своихъ потребностей и первыхъ своихъ порывовъ къ дѣятельности, все болѣе и болѣе покоряется онъ

этой необходимости, дѣлается осмотрительнѣе въ проявленіи своей воли, страстнѣе въ своихъ стремленіяхъ къ познанію.

Дѣйствительно, если взойдти къ источникамъ всѣхъ наукъ, то мы найдемъ тамъ искусства, изъ которыхъ мало-по-малу выдѣляются чистыя науки. Такъ астрологія, мореплаваніе повели къ астрономіи, алхимія къ химіи, медицина къ физіологіи. Всѣ эти знанія были первоначально такъ смѣшаны съ ихъ практическимъ употребленіемъ, что самая идея самостоятельной науки, изслѣдующей законы природы съ одною только чистою цѣлію знанія, ищущая истину ради истины — была невозможна. Странною показалась бы астрологамъ и алхимикамъ мысль, что они должны проводить всю свою жизнь, истощать всѣ свои силы, не для того, чтобы искать въ тверди небесной указаній на человѣческія судьбы, въ ретортѣ всеобщаго благоденствія,—а только для самаго процесса всѣхъ ихъ труженическихъ подвиговъ. Между тѣмъ теперь ни астроному, ни химику не нужны эти внѣшнія возбужденія къ труду; эти чаянія матеріяльнаго счастья отъ тайнъ природы для нихъ ничтожны въ сравненіи съ наслажденіемъ разгадать истину для самой истины, помѣряться силами человѣческаго духа съ бездушными силами природы. И чѣмъ болѣе развивается умственная дѣятельность, тѣмъ становится она независимѣе отъ удовлетворенія всякихъ житейскихъ прихотей, чѣмъ болѣе пытаетъ человѣкъ свой духъ надъ природой, тѣмъ болѣе эта пытка сама по себѣ его удовлетворяетъ; съ знаніемъ развивается потребность знанія, которая уже сама по себѣ дѣлается практическою потребностію; *понимать значитъ уже дѣйствовать.*

Но замѣчательно то, что чѣмъ независимѣе отъ искусства становятся науки, чѣмъ самостоятельнѣе преслѣдуютъ онѣ свои цѣли, тѣмъ результаты ихъ обильнѣе для самой практической жизни. Никогда промышленность не дѣлала такихъ блистательныхъ примѣненій науки къ своимъ цѣлямъ, какъ въ послѣднее время, когда естественныя науки занимаются своими изслѣдованіями безъ всякой мысли о практическомъ примѣненіи. И это весьма естественно: чѣмъ менѣе ученый развлекается побочными для науки цѣлями, тѣмъ вниманіе его строже направлено на предметъ, тѣмъ его выводы вѣрнѣе. А практикѣ остается только заимствовать результаты науки и не заботиться уже о

повѣркѣ ихъ. Когда наука движется подъ вліяніемъ непосредственныхъ практическихъ примѣненій и выводовъ, тогда взоръ ея туманенъ, умозаключеніе шатко; въ науку по необходимости вносятся такія начала, которыя въ природѣ вещей не существуютъ, а ищутъ снбѣ оправданія только въ житейской полезности, въ благородствѣ намѣреній, въ возвышенности цѣлей.

Въ настоящее время мы рѣшительно можемъ различить, въ числѣ наукъ естественныхъ, цѣлую группу наукъ чистыхъ, первоначальныхъ. Ихъ немного: астрономія, физика, химія, физіологія и кромѣ того наука естественныхъ наукъ — математика. Подлѣ нихъ цѣлый рой наукъ прикладныхъ, соединяющихъ въ болѣе или менѣе обширные круги правила, которыми руководствуются разнообразныя примѣненія законовъ, открытыхъ чистыми науками, къ разнымъ практическимъ цѣлямъ: мореплаваніе, геодезія, технологія, медицина, фармакопея и т. д Въ настоящее время начинаетъ образовываться цѣлая самостоятельная сфера знаній, которая соединяетъ всѣ подобныя прикладныя знанія въ одно цѣлое подъ названіемъ *политехники* или *инженернаго искусства,* входящимъ въ употребленіе въ западной Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи; *инженерное искусство,* въ обширномъ значеніи этого слова, занимаетъ то среднее мѣсто между наукой и практикой, въ которомъ истины науки и потребности жизни, законъ природы и воля человѣка, ищутъ взаимной гармоніи, взаимнаго примиренія.

Наконецъ, не должно забывать, что подлѣ названныхъ выше основныхъ или *умозрительныхъ* наукъ, группируется въ соотвѣтствіи съ ними цѣлый рядъ наукъ второстепенныхъ, также чистыхъ, но *описательныхъ,* то-есть поставляющихъ своею цѣлію собственно не изслѣдованіе законовъ природы, а описаніе тѣхъ формъ, которыя *развились дѣйствительно въ природѣ подъ вліяніемъ законовъ*; таковы: географія, менералогія, естественная исторія, то-есть зоологія, ботаника и т. д

Другое замечательное явленіе въ исторіи наукъ, это постепенное усвоеніе ими *точнаго* метода. Значеніе и характеръ точнаго метода, послѣ приведенныхъ выше примѣровъ, уже легко понятны Чтобы выразиться какъ можно короче и крупнѣе, скажемъ: точный методъ заключается въ построеніи умозаключеній науки только на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ явленіями природы

а не наоборотъ, то-есть не въ представленіи тѣхъ или другихъ явленій на основаніи чистыхъ, отвлеченныхъ умозаключеній разума. Какъ ни очевидна совершенная необходимость этого метода, но и онъ достался человѣку не вдругъ, а путемъ продолжительныхъ, тяжкихъ подвиговъ. Собственно абсолютно-чистаго умозаключенія, безъ всякаго предварительнаго наблюденія надъ какимъ-нибудь явленіемъ природы, не можетъ быть; но можно составить себѣ какое-нибудь понятіе о первомъ бросающемся въ глаза предметѣ и переносить это понятіе произвольно на всѣ другіе предметы, вывести изъ перваго впечатлѣнія этого предмета на нашу душу разныя отношенія его къ намъ и переносить это впечатлѣніе на всю природу, выводить изъ него всѣ наши отношенія къ ней и на нихъ строить теорію природы. Такъ было въ младенческомъ состояніи всѣхъ наукъ: замѣчали, что прохожденіе въ небесномъ пространствѣ нѣкоторыхъ свѣтилъ совпадало съ нѣкоторыми событіями въ жизни человѣчества; это совпаденіе производило впечатлѣніе на наблюдателей, и его произвольно переносили на всю вселенную, искали въ ней вездѣ связи съ судьбами человѣчества, съ самыми мелкими подробностями жизни отдѣльнаго человѣка. Но рядъ горькихъ опытовъ и разочарованій привелъ наконецъ къ убѣжденію, что не такъ быстръ полетъ человѣческой мысли, что значеніе каждаго явленія должно быть непосредственно выводимо изъ наблюденія надъ нимъ самимъ Такъ науки становятся постепенно болѣе точными, и наконецъ, въ настоящее время, всѣ усилія обратились къ выводу только законовъ явленій, то-есть къ опредѣленію взаимной ихъ между собою зависимости, къ обобщенію нѣсколькихъ явленій къ болѣе нормальнымъ формамъ, къ возможно-большему расширенію круга явленій, который подлежитъ тому или другому закону. Отъ приложенія общихъ понятій къ цѣлой группѣ неизслѣдованныхъ предметовъ, отказались; путемъ безпрерывнаго различенія и сличенія стали медленно, но вѣрно строить зданіе науки. Это усовершенствованіе метода естественно шло рука объ руку съ отдѣленіемъ наукъ отъ искусства; чѣмъ болѣе мы руководствуемся практическою цѣлію при изслѣдованіи природы, тѣмъ наклоннѣе мы предпосылать нашимъ выводамъ разныя напередъ составленныя понятія, нужныя намъ для нашихъ практическихъ цѣлей Всѣ естественныя науки уже окончательно вошли въ положеніе наукъ

точныхъ; вся дѣятельность ихъ обращена къ изслѣдованію законовъ явленій. Только самый запоздалый дѣятель на этомъ поприщѣ дерзнетъ создавать себѣ какое-нибудь отвлеченное понятіе о мірѣ, и будетъ на основаніи этого понятія объяснять жизнь природы. Всѣ естественныя науки обратились теперь къ наблюденіямъ надъ явленіями, къ накопленію возможно-большаго числа ихъ и къ сравненію ихъ между собою. Только на этомъ пути каждый трудъ составляетъ новое пріобрѣтеніе для науки, служитъ новымъ шагомъ впередъ; на другомъ пути, построенія отвлеченныхъ и произвольныхъ теорій, громадныя усилія пропадали нерѣдко даромъ или, по крайней мѣрѣ, далеко не соотвѣтствовали ничтожеству результатовъ, ибо какъ скоро подрывалась въ своей правильности теорія, такъ разрушались въ прахъ и всѣ, построенныя на ней, свѣдѣнія.

Вглядываясь въ постепенность перехожденія наукъ въ періодъ точнаго метода и самостоятельнаго развитія, мы не можемъ не остановиться на одномъ замѣчательномъ законѣ, высказанномъ уже давно французскимъ ученымъ и мыслителемъ, Августомъ Контомъ. Вступленіе наукъ въ эту фазу точнаго развитія совершалось въ строгой постепенности, по мѣрѣ большей сложности явленій, которыя онѣ изслѣдуютъ, прежде всѣхъ сдѣлалась самостоятельною и точною математика, за нею астрономія, потомъ физика, химія и на нашихъ почти глазахъ физіологія. Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ позднѣе наука, изслѣдующая ихъ, стала точною и чистою (не прикладною). Еще весьма недавно физіологія была въ пеленкахъ, медицины (искусства) съ одной стороны, и разныхъ отвлеченныхъ, бездоказательныхъ воззрѣній на жизнь и причины жизни съ другой стороны.

Очередь настала теперь для науки объ общественныхъ явленіяхъ, которыя также своего рода явленія природы, видимыя, осязаемыя, могущія быть предметомъ наблюденій.

Общественныя явленія—самыя сложныя въ природѣ. Всѣ другія явленія природы, и астрономическія и физическія, и химическія и физіологическія—производятъ здѣсь свои вліянія, взаимно другъ друга обусловливающія. Подъ вліяніемъ законовъ движенія тѣлъ вселенной, земли, всей окружающей природы, всѣхъ ея до-историческихъ переворотовъ, животныхъ отправленій человѣческаго организма, физіологическихъ различій чело-

вѣческихъ расъ, и наконецъ подъ вліяніемъ всѣхъ нравственныхъ началъ человѣческаго духа, создающихъ всемірную исторію, —живетъ и развивается человѣческое общество. Необходимы значительные успѣхи всѣхъ другихъ наукъ, чтобы возможно было изслѣдованіе явленій общественныхъ. Но, кромѣ того, въ этихъ явленіяхъ играетъ главную роль тотъ самый человѣческій духъ, который долженъ искать въ нихъ законовъ; долго не могъ онъ свыкнуться съ идеею о необходимости на томъ полѣ, гдѣ казалось ему все подвластнымъ его свободной волѣ, долго не хотѣлъ онъ признавать предѣловъ произволу, который казался ему безпредѣльнымъ. Наконецъ, явленія общественныя находятся въ такомъ безпрерывномъ и тѣсномъ соприкосновеніи со всею нашею дѣятельностію, со всѣми нашими страстями и влеченіями, что мы легко переносимъ къ объясненію ихъ всѣ наши личныя желанія и стремленія, всѣ наши практическія побужденія и цѣли. Такимъ образомъ, мы дѣйствительно видимъ, что всѣ понятія объ обществѣ, всѣ свѣдѣнія объ общественныхъ явленіяхъ заключались единственно въ разныхъ практическихъ наукахъ, созданныхъ для удовлетворенія той или другой житейской потребности, для той или другой пользы. Едва не до настоящаго времени всѣ науки общественныя—политическія, юридическія, экономическія—строились на той или другой необходимости примѣненія истинъ науки къ жизни. Всѣ онѣ были не болѣе какъ теоріи искусствъ, то-есть, руководства къ возможно-лучшему устройству государства, къ начертанію законовъ, къ устройству судовъ, къ увеличенію народнаго богатства. Во всѣхъ этихъ теоріяхъ преобладала практическая необходимость, подъ вліяніемъ ея становились опредѣленныя начала, и съ помощью ихъ объяснялись общественныя явленія. Наказаніе было нужно для уменьшенія числа преступленій въ государствѣ; отсюда криминалисты выводили необходимою, органическую связь между преступленіемъ и наказаніемъ, полагали въ основаніе этой связи то ту, то другую идею, съ помощью которой объясняли исторію уголовнаго законодательства съ сотворенія міра до новѣйшаго времени, и строили теорію уголовнаго права для сушествующихъ государствъ. Одна уголовная теорія падала за другою и увеличивала собою только запасъ теорій, подлежавшихъ критикѣ со стороны послѣдующей теоріи, въ утѣшеніе-ея послѣдователей. Экономиче-

ская наука, можетъ-быть, первая приступила къ анализу общественныхъ явленій, безъ всякой преднамѣренной теоріи, напередъ составленнаго на нихъ взгляда. Въ этомъ отношеніи заслуга политической экономіи велика, мы можемъ сказать это безъ всякаго личнаго пристрастія. Но и политическая экономія имѣетъ своею цѣлію изслѣдованіе *условій матеріяльнаго благосостоянія* человѣческихъ обществъ, цѣль ея все-таки практическая — извлечь изъ общихъ законовъ общественныхъ явленій тѣ именно начала, по которымъ созидается и рушится народное богатство. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ политическая экономія, прямо и безъ всякой мысли о примѣненіи, изучаетъ общественныя явленія, но она была вынуждена къ этому по недостатку самостоятельной науки объ обществѣ. Притомъ экономическая наука занимается только одною группой интересовъ общественныхъ; въ обществѣ же кромѣ экономическихъ интересовъ, есть и другіе — нравственные, умственные, юридическіе.

Всѣмъ наукамъ, касавшимся общественной дѣятельности, именно не доставало этого прочнаго основанія, не доставало науки, которая бы изслѣдовала общество во всѣхъ составныхъ элементахъ силахъ, движеніяхъ безъ всякаго напередъ заданнаго принципа, *общество какъ оно есть, а не такъ какъ оно должно быть*. Наука объ обществѣ должно была служить для наукъ политическихъ, юридическихъ, экономическихъ тѣмъ же, чѣмъ служатъ чистыя науки естественныя для прикладныхъ; послѣднія примѣняютъ къ жизни законы, открытые первыми.

Въ наукахъ общественныхъ только одна наука занималась изслѣдованіемъ общества безъ всякой практической цѣли, — это исторія. Только исторія заключала въ себѣ точныя, положительныя свѣдѣнія объ общественныхъ явленіяхъ. Также возникшая для служенія практическимъ цѣлямъ, *для примѣра*, исторія прежде всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ сдѣлалась самостоятельною Потому мы и видимъ, что, съ конца прошедшаго столѣтія и начала нынѣшняго, всѣ науки обратились къ исторіи, въ историческомъ методѣ чаяли обрѣсти спасеніе отъ безконечной измѣнчивости теорій и системъ. Историческій методъ, дѣйствительно, много сдѣлалъ для наукъ политическихъ и юридическихъ; онъ впервые выдвинулъ науку изъ тѣсныхъ предѣловъ отвлеченнаго разума на почву наблюденія, дѣйствительности,

на почву дѣйствительныхъ явленій. Труды, совершенные на этомъ полѣ, останутся навсегда пріобрѣтеніемъ въ наукѣ права и не могутъ сравниться ни съ какими предшествовавшими отвлеченными трактатами права, которые будутъ жить въ памяти только исторіи науки. Еще живы для всѣхъ насъ воспоминанія о томъ юношескомъ увлеченіи, съ какимъ бросились всѣ на историческій методъ; казалось, послѣднее слово науки было сказано, казалось, наступило давно-желанное примиреніе между всѣми противоположными системами и теоріями государства, права, наказанія, изъ которыхъ каждая была самымъ искреннимъ образомъ убѣждена въ своемъ призваніи владѣть міромъ нераздѣльно, исключительно передъ всѣми прочими. Но и съ водвореніемъ историческаго метода не наступила еще пора полной гармоніи въ мірѣ наукъ государственныхъ и юридическихъ, равно какъ и экономическихъ. Мы можемъ сказать *не наступила*, — ибо разнорѣчія въ самыхъ основныхъ убѣжденіяхъ юридическихъ экономическихъ, политическихъ не прекратились. *Описанія историческаго процесса* или *развитія* общественныхъ элементовъ еще недостаточно, чтобы заимствовать изъ этого процесса твердыя начала для построенія теорій, стремящихся къ водворенію порядка, справедливости, благосостоянія въ обществѣ Въ исторіи повѣствуютъ намъ о тѣхъ фазахъ, черезъ которыя прошло развитіе человѣчества, развитіе общественныхъ элементовъ; пожалуй, даже раскрывается законъ этого развитія. Но для водворенія порядка, справедливости, благосостоянія въ обществѣ, необходимо знать, какія именно составныя, внутреннія силы и элементы общества, чтобы можно было знать не только формы, черезъ которыя они прошли, но хотя приблизительно судить и о тѣхъ, черезъ которыя они могутъ пройдти,—чтобъ можно было знать не только о тѣхъ случаяхъ взаимнаго сочетанія, въ которыхъ они дѣйствительно были, но и о тѣхъ, которые могутъ быть. Однимъ словомъ, нужно знать внутреннее содержаніе, взаимныя отношенія, законы общественныхъ явленій. Историческій методъ изучалъ постепенное развитіе уголовнаго законодательства, отыскивалъ ту общую идею о наказаніи, которая переходила отъ одного народа къ другому, отъ одного времени къ другому; онъ изучалъ тѣ особенныя понятія о наказаніи, которыя проявились въ исторіи каждаго отдѣльнаго народа, и требовалъ, чтобы современное уголовное законодательство

сообразовалось съ этими народными особенностями въ своихъ частныхъ постановленіяхъ. Этимъ путемъ уже много было сдѣлано для того, чтобы выдвинуть понятіе объ уголовномъ наказаніи изъ того заколдованнаго круга отвлеченныхъ міросозерцаній, отыскивавшихъ по чистому разуму искусственную связь между преступленіемъ и наказаніемъ, и навязывавшихъ свое случайное вдохновеніе какъ авторитетъ для положительнаго законодательства Но нужно было сдѣлать болѣе: нужно было подвергнуть анализу самую общественную среду, въ которой зараждается преступленіе, нужно было рядомъ самыхъ мелочныхъ наблюденій собрать всѣ тѣ факты, въ которыхъ обнаруживается преступная воля въ каждомъ народѣ, взглянуть на тѣ общественныя условія, при которыхъ увеличивается и уменьшается число преступленій, на связь криминальнаго элемента въ обществѣ съ развитіемъ другихъ элементовъ умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ, то-есть, уяснить сколько-нибудь отношенія преступленій къ развитію образованности, грамотности, гражданственности, благосостоянія и т. д., изучить развитіе преступленій параллельно съ развитіемъ уголовнаго законодательства; наконецъ раскрыть въ самыхъ внутреннихъ, интимныхъ проявленіяхъ ежедневной жизни народа, его побужденія къ преступленію, его воззрѣнія на преступленіе и на уголовное наказаніе, на отношенія къ преступнымъ своимъ членамъ. Подобными изслѣдованіями и занялась статистика, которая въ настоящее время составляетъ грубый матеріалъ для возникающей науки общественной физіологіи.

Исторія уголовнаго права останавливается на тѣхъ формахъ, подъ которыми *дѣйствительно* проявились въ законодательствѣ, частію и въ юридическомъ обычаѣ, народныя или общественныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе, въ этомъ отношеніи и велика ея заслуга, но въ этомъ же и ея неполнота. Она указала отвлеченно-раціональной теоріи на *дѣйствительныя* формы жизни; но съ тѣмъ вмѣстѣ должны быть отысканы и тѣ общественные *элементы*, которые дѣйствительно существовали и существуютъ, хотя ничѣмъ не заявили себя на поверхности исторіи. Исторія излагаетъ тѣ фазы развитія, которыя общество дѣйствительно прошло, тѣ комбинаціи общественныхъ силъ и элементовъ, въ которыя они дѣйствительно входили; общественная физіологія должна анализировать самыя силы и элементы для того, чтобы

политическія, юридическія и экономическія науки могли судить о тѣхъ комбинаціяхъ, въ которыя эти силы и элементы могутъ и не могутъ вступить, о тѣхъ фазахъ, которыя для нихъ возможны и невозможны.

Теперь уже очевидна логическая разумность того преобладанія статистики, которое замѣчается во всѣхъ общественныхъ наукахъ и въ практической администраціи за послѣднее время; отъ моды на историческій методъ перешли къ модѣ на статистику, которая дѣйствительно содержитъ, въ своихъ грубыхъ еще очертаніяхъ, зародышъ общественной физіологіи. Если статистика не будетъ чрезмѣрно увлекаться и злоупотреблять математическимъ методомъ, то она прямо ведетъ къ физіологіи общества, имѣющей передъ собою много задачъ, далеко не выражаемыхъ числовыми формулами.

Итакъ, вникая въ требованія современнаго практическаго міра, и въ логическія требованія современной науки, мы пришли *къ наукѣ объ обществѣ или къ общественной физіологіи.*

III.

Исторія и физіологическія изслѣдованія надъ обществомъ (мы не смѣемъ еще сказать наука общественной физіологіи, которая едва зарождается) составляютъ въ настоящее время необходимое основаніе для всѣхъ наукъ, которыя касаются общественныхъ интересовъ Исторія есть *описательная* часть общественной физіологіи; отношенія первой ко второй тѣ же, какъ прочихъ описательныхъ наукъ къ соотвѣтствующимъ *основнымъ*, то-есть къ наукамъ, изслѣдующимъ законы явленій, тѣ же, какъ космографіи къ небесной механикѣ, геологіи и минералогіи къ физикѣ и химіи, зоологіи и ботаники къ физіологіи животныхъ и растеній и т. д. Всѣ эти основныя науки изслѣдуютъ внутреннія законы явленій; описательныя, въ томъ числѣ и исторія,—тѣ формы, которыя уже приняты въ дѣйствительности явленіями, подъ вліяніемъ этихъ законовъ. Очевидно, что та или другая группа наукъ можетъ и не рѣдко должна вторгаться въ чужую область, но такими обоюдными заимствованіями не уничтожается различіе въ характерѣ и назначеніи наукъ. Въ исторіи, точно такъ же какъ и въ геологіи, ботаникѣ,

господствуетъ *историческая необходимость*, то-есть, необходимость факта совершившагося, замкнутаго въ себѣ, отодвинутаго въ предѣлы, подчиняющіеся разумѣнію человѣка, но навсегда не досягаемые для его произвола. Въ физіологіи — обширное поле дѣйствія для человѣческой воли, которая силою разумѣнія можетъ узнать законъ, дѣйствующій въ природѣ, и сообразно съ нимъ направлять ея силы къ своимъ человѣческимъ, нравственно-духовнымъ цѣлямъ. Съ перваго взгляда, признаніе непреложныхъ законовъ въ природѣ стѣсняетъ произволъ дѣйствій человѣка; но эти самые законы постепенно расширяютъ горизонтъ для его дѣйствій. Безцѣльнаго произвола менѣе, сознательнаго и сосредоточеннаго болѣе. Историко-физіологическій методъ проникаетъ теперь мало-по-малу во всѣ науки политическія, юридическія, экономическія; всѣ лучшіе умы стараются внести его въ сферу знаній, въ которой доселѣ царствовали фантазія и отвлеченныя, произвольныя положенія.

Физіологическій взглядъ на общество значительно облегчаетъ и самую политическую, или государственную дѣятельность. На этой почвѣ, безъ всякаго сомнѣнія, суждено общественной физіологіи имѣть великую будущность, которую теперь трудно опредѣлить во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Но и теперь уже можетъ она оказать большія услуги жизни, особенно въ такихъ государствахъ, какъ Франція, гдѣ революціи сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ перемежающейся лихорадки. Смотря на государство какъ на внѣшнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физіологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія своихъ силъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантію тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только госу-

дарство, при охраненіи общественныхъ интересовъ, задумываетъ устраивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы, рано или поздно, выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщею парализіею. Понятно, что, съ этой точки зрѣнія, государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ-нибудь отвлеченнымъ принципамъ; онѣ всегда должны обусловливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ, и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что̀ мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найдти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что *государство обязано обезпечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ*. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ, государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ опредѣленную, прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противуположные интересы въ обществѣ; но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту

отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ со старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ *порядокъ* и *движеніе*.

Въ послѣдующихъ статьяхъ нашихъ мы представимъ очеркъ сочиненія, принадлежащаго одному изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей Германіи, Рилю, подъ заглавіемъ. Die Naturgeschichte des Volkes, als Grundlage einer deutschen Socialpolitik, Stuttgart und Augsburg 1855. (Естественная исторія народа, какъ основаніе для общественной политики въ Германіи). Анализомъ этого труда изъ области общественной физіологіи постараемся мы подтвердить нѣкоторыя общія воззрѣнія, высказанныя нами выше, и по возможности представить въ болѣе живой формѣ то, что̀ можетъ показаться тяжелымъ и сухимъ въ нашемъ настоящемъ изложеніи

В. Безобразовъ

I.

Въ одной изъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» нынѣшняго года, говоря о значеніи историко-физіологическаго изслѣдованія человѣческихъ обществъ и народной жизни, мы обѣщали познакомить читателей съ однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ произведеній въ этой области, названнымъ во главѣ настоящей статьи. Намѣреваясь теперь исполнить наше обѣщаніе, нужнымъ считаемъ предупредить, что цѣль наша состоитъ не въ изложеніи собственныхъ нашихъ воззрѣній на многіе весьма важные общественные и политическіе вопросы, безпрестанно затрогиваемые авторомъ, хотя многое въ его взглядахъ не можетъ не возбуждать нашего горячаго сочувствія, со многимъ же напротивъ мы никакъ не можемъ согласиться. Въ томъ-то, по нашему убѣжденію, и заключается его заслуга, что несмотря на самую коренную разность въ личныхъ мнѣніяхъ, каждый можетъ найдти чрезвычайный интересъ въ его трудѣ. Это живой *матеріалъ народной жизни,* изученный труженичѐски, въ самыхъ скрытыхъ его частяхъ, не въ книгахъ,

а въ самой природѣ, не только съ терпѣніемъ германскаго ученаго, но и со всѣмъ жаромъ, со всею чуткостію любви къ народу. Такой матеріялъ необходимъ для всякой политической системы, для каждаго государственнаго человѣка, каковы бы ни были его собственныя, личныя убѣжденія. И на этомъ пути изученія того, что̀ есть и чего нѣтъ въ народѣ, въ этой нелицемѣрной любви къ народу, г. Риль по необходимости сталкивается со всѣми струями политическихъ воззрѣній; почти можно сказать, что онъ всѣмъ этимъ воззрѣніямъ, самымъ противорѣчащимъ и самымъ крайнимъ, одинаково близокъ и отъ всѣхъ одинаково далекъ: близокъ, когда въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствительный фактъ, какъ онъ ни печаленъ, какъ онъ ни радостенъ, когда они согрѣты искреннею любовію къ народу; далекъ, когда они опираются на мечтанія и отвлеченныя политическія теоріи.

Доказательствомъ этому служитъ чрезвычайная популярность, которою пользуется сочиненіе г. Риля въ Германіи, и во всѣхъ безъ изъятія общественныхъ кругахъ, во всѣхъ безъ изъятія партіяхъ; оно вышло въ текущемъ году четвертымъ изданіемъ, и только три года послѣ перваго.

Во всемъ сочиненіи совершенное отсутствіе строгой теоріи и системы. Въ своемъ содержаніи и въ своей формѣ оно развивается безъ всякаго предначертаннаго плана, безпрестанно увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону, то по тому, то по другому изгибу народной жизни и мысли. Въ нашемъ изложеніи, мы должны будемъ слѣдовать за авторомъ, напередъ извиняясь, если оно далеко будетъ отставать отъ яркости его красокъ и свойственнаго ему изящества выраженія. Наконецъ мы нужнымъ считаемъ оговорить, что въ трудѣ г. Риля мы никакъ не видимъ попытки представить цѣлую физіологію общества или германскаго народа, съ точки зрѣнія той новой науки, о возможности и необходимости которой мы прежде говорили; это не болѣе какъ *матеріялъ*, въ которомъ для насъ чрезвычайно цѣнны собраніе непосредственныхъ наблюденій надъ германскимъ обществомъ и тотъ физіологическій анализъ народной жизни, которымъ вооруженъ авторъ.

Приведемъ нѣсколько строкъ, которыми начинаетъ г. Риль предисловіе къ первому изданію своего сочиненія

«Мы читаемъ въ историческихъ разказахъ, что въ прежнее время монархи и ихъ совѣтники водворяли свои резиденціи и свои канцеляріи то въ той, то въ другой части государства, безпрестанно мѣняя мѣсто своего пребыванія. Они оканчивали, посреди этой бродячей жизни, свое политическое образованіе; они узнавали такимъ образомъ страну и людей. И въ своихъ охотничьихъ поѣздкахъ знакомились они не рѣдко съ искусствомъ государственнаго управленія, въ то же самое время, какъ и съ искусствомъ охоты.

«Въ наше время монархи не переѣзжаютъ изъ одного села въ другое, и министры также не имѣютъ надобности, для исполненія своихъ обязанностей, шататься по государству. Но если государственные люди не могутъ болѣе странствовать, то по крайней мѣрѣ обязаны дѣлать это, вмѣсто нихъ, политическіе писатели.

«Эта мысль уже давно побуждала меня исходить во всѣхъ направленіяхъ прекрасныя германскія деревни, для того чтобы получить, черезъ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, то пополненіе къ моимъ историческимъ, политическимъ и экономическимъ свѣдѣніямъ, которое я не могъ найдти въ книгахъ.

«При этихъ естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ нашихъ общественныхъ обстоятельствъ, я не отправлялся ни отъ какой напередъ-постановленной политической точки зрѣнія. Только изъ всѣхъ собственныхъ моихъ наблюденій возникъ тотъ общественно-политическій консерватизмъ, который сдѣлался твердою опорою для всей моей практической жизни. Сперва я былъ странникъ-пѣшеходъ и уже потомъ писатель Если есть что-нибудь новое и оригинальное въ образѣ моего пониманія общественной и государственной науки, то я обязанъ этимъ только вышеприведенному обстоятельству »

Уже съ первыхъ строкъ высказываются двѣ весьма характеристическія черты нашего автора: какое-то унылое, тоскливое влеченіе къ прошедшему, — мы не говоримъ сочувствіе, *ибо* съ сочувствіемъ было бы связано пристрастіе ко многимъ такимъ подвигамъ *добраго стараго времени*, которые должны быть противны благороднымъ побужденіямъ автора. Въ этомъ *влеченіи* къ прошедшему, онъ никогда не забываетъ успѣховъ современнаго просвѣщенія, которые ему нисколько не чужды, и

никогда ребячески не помышляетъ возвратить того, что̀ безвозвратно исчезло въ историческомъ развитіи. Если въ немъ и является желаніе къ возвращенію чего-либо изъ минувшаго, то всегда къ возвращенію въ иныхъ формахъ, сообразныхъ съ новыми потребностями времени. Тогда остается только вопросъ: возможны ли эти формы? Другая черта, которая также хотя слегка, но уже съ первыхъ строкъ намѣчена авторомъ, есть его отвращеніе отъ тѣсноты, отъ духоты, канцелярской атмосферы, такъ часто отуманивающей взглядъ бюрократовъ на страну, такъ часто извращающей всякое понятіе о потребностяхъ народной жизни. Нашъ авторъ постоянно, и во что̀ бы то ни стало, ищетъ приволья, простора естественныхъ, самобытныхъ наклонностей народа: онъ постоянно противопоставляетъ удушливому чаду канцелярій свѣжее дыханіе народной жизни. Этою свѣжестію оживляются даже и многія собственныя его влеченія къ явленіямъ вымирающимъ или окончательно отжившимъ. *Только естественно-историческія изслѣдованія народной жизни могутъ быть правильнымъ основаніемъ для государственной дѣятельности, для общественной политики*; такова общая мысль, проникающая все сочиненіе г. Риля, и таковъ общій его выводъ. Въ немъ и заключается въ нашихъ глазахъ вся важность, какія бы ни были личныя особенности воззрѣній и симпатій автора. Но нѣкоторыя общія мысли и замѣчанія выскажемъ мы позже; прежде необходимо познакомиться съ самымъ сочиненіемъ

Сочиненіе г. Риля раздѣлено имъ на три части Въ первой (подъ заглавіемъ *Land und Leute, Страна и Люди*) представлены общія характеристическія черты разныхъ мѣстностей Германіи, картина физическихъ и этнографическихъ условій народной жизни. Во второй части *(Bürgerliche Gesellschaft, Гражданское Общество)* характеристика тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя распадается народонаселеніе Германіи, подъ вліяніемъ историческаго закона, независимо отъ мѣстныхъ различій. Наконецъ въ третьей *(Die Familie, Семейство)* разсматривается семейная жизнь въ Германіи и семейство какъ начальное зерно общества и народной жизни. Здѣсь особенно высказались у автора нѣкоторыя странныя и не очень симпатическія воззрѣнія.

На этотъ разъ мы займемся первою частію.

Первый и самый простой признакъ различія, представляющійся

въ народонаселеніи Германіи и уже указывающій на тѣсную, внутреннюю связь людей съ страною, есть противоположность *поля и лѣса*. Въ ней заключается одна изъ особенностей общественной этнографіи Германіи.

Всякое значительное народное движеніе въ Германіи сопровождается нападеніями на лѣса Бо́льшая часть крестьянъ живетъ въ постоянной, затаенной враждѣ къ лѣсу и къ его владѣльцамъ; малѣйшая революціонная искра зажигаетъ открытую войну съ лѣсомъ. Сельскій пролетарій не можетъ строить баррикадъ; онъ опустошаетъ лѣсъ—первую *господскую принадлежность*, стоящую подлѣ беззащитнаго клочка земли бѣдняка. Первый признакъ водворенія власти въ деревнѣ, послѣ гражданскихъ волненій,—охраненіе лѣса. *Эти явленія* повторяются въ Германіи съ разными видоизмѣненіями, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Лѣсъ и лѣсныя дачи, какъ вслѣдствіе характера ихъ владѣльцевъ, такъ и вслѣдствіе особенностей лѣснаго хозяйства, не согласные съ мелкими участками, называетъ авторъ аристократическимъ элементомъ въ сельскомъ мірѣ; поле и полевое хозяйство, мѣщанскимъ. Уступки правительствъ сельскому народонаселенію въ отношеніи къ лѣсной собственности· право порубокъ, охоты, чистка и собиранія хвороста и пр могутъ служить, въ разные періоды, термометромъ уступокъ со стороны аристократическихъ началъ. Такъ г. Риль указываетъ на дозволеніе поднимать сухіе листья и прутья въ Эльзасѣ, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, въ 1851 г.; въ этомъ видитъ онъ одно изъ подспорьевъ къ поголовной подачѣ голосовъ, на которой утвердилась власть новаго правительства. Подобныя мѣры, основанныя на дѣйствительныхъ нуждахъ народа и соотвѣтствующія его сердечнымъ влеченіямъ, называетъ онъ *общественно*-политическими.

Лѣсъ, въ мнѣніи народа, составляетъ въ Германіи единственное большое владѣніе, еще не распавшееся окончательно на мелкіе участки личной собственности. Въ противоположность къ полю, саду, огороду, пашнѣ, лѣсъ представляется единственнымъ общимъ владѣніемъ, хотя бы въ иныхъ случаяхъ это владѣніе заключалось только въ правѣ свободно ходить по лѣсу. Можно исторически доказать, что личная лѣсная собственность явилась у германскихъ народовъ гораздо позже личной поземельной собственности. Право общаго владѣнія лѣсомъ, является

ъ народныхъ преданіяхъ и легендахъ коренными юриди ческими убѣжденіями германскаго народа.

в Въ сохранившихся отъ размельченія на личныя участки лѣсахъ Германіи, въ существующемъ еще по сихъ поръ различіи лѣсныхъ и полевыхъ деревень, заключаются не только запасы матеріяльнаго богатства для будущихъ поколѣній, но и запасъ свѣжихъ, не тронутыхъ еще крайностями индустріализма силъ для народной жизни Въ распоряженіи богатаго будущностью народонаселенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ стоятъ обширныя лѣсныя сокровища. Съ любовью указываетъ авторъ на дѣвственные лѣса Россіи и припоминаетъ слова поэта (Мицкевича), что непроницаемая дичь этихъ лѣсовъ еще такая же глубокая тайна, какъ и глубина моря для глазъ рыболова.

« Это еще весьма слабое оборонительное положеніе, въ которое себя ставятъ защитники лѣса, говоритъ г Риль, когда они выставляютъ, въ пользу сохраненія нынѣшнихъ весьма умѣренныхъ лѣсныхъ запасовъ, побужденія исключительно экономическія Общественно-политическія основанія имѣютъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, такой же вѣсъ. Уничтожьте лѣсъ, и вы разрушите *историческое* гражданское общество Сглаживаніемъ противоположностей поля и лѣса, вы отнимаете одно изъ жизненныхъ началъ германской народности Человѣкъ живъ не однимъ только хлѣбомъ Еслибы даже мы вовсе не нуждались въ дровахъ, намъ все-таки нуженъ лѣсъ. Германскому народу нуженъ лѣсъ, какъ нужно вино для человѣка, хотя крайняя необходимость была бы въ послѣднемъ отношеніи вполнѣ удовлетворена, даже съ помощью самыхъ ничтожныхъ запасовъ въ аптекахъ. Хотя бы мертвый, сухой кусокъ дерева и не нуженъ былъ болѣе, чтобы согрѣвать внѣшняго человѣка, но во всякомъ случаѣ тѣмъ нужнѣе живое, зеленое, въ соку и побѣгахъ стоящее дерево, чтобы согрѣть внутренняго человѣка.

« Въ нашихъ лѣсныхъ деревняхъ (кто обошелъ горы Германіи, тотъ знаетъ, что въ нашемъ отечествѣ еще много настоящихъ лѣсныхъ деревень) сохранились въ народной жизни остатки первобытныхъ нравовъ, и не только съ темною ихъ стороною, но и со всѣмъ естественнымъ блескомъ и свѣжестью. Не только лѣсныя пространства, но и песчаныя дюны, болота, степи, скалы, глетчеры, всякая дичь и пустыня, составляютъ необходимое до-

полненіе къ воздѣланнымъ полевымъ пространствамъ. Будемъ радоваться, что еще осталось нѣсколько подобныхъ пустынь въ Германіи. Значитъ народъ силенъ, если онъ можетъ, въ одно и то же время, слѣдовать по самымъ разнообразнымъ путямъ развитія. Народъ, со всѣхъ сторонъ обточенный, прельщенный матеріяльнымъ благосостояніемъ, есть народъ мертвый, которому бы только оставалось, подобно Сарданапалу, предать себя всесожженію, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ. Образованный горожанинъ, тучный крестьянинъ хлѣбородныхъ мѣстностей, можетъ-быть это люди настоящаго, но горемычный обитатель тундръ, грубый, своенравный лѣсной крестьянинъ, это человѣкъ будущаго. Ученіе о гражданскомъ обществѣ есть въ сущности ученіе о естественномъ неравенствѣ людей. Да въ этомъ неравенствѣ даровъ и призваній коренится высочайшая слава общества, ибо въ немъ заключается источникъ неисчерпаемой полноты жизни. Какъ море постоянно содержитъ прибрежное народонаселеніе въ извѣстной грубой, первобытной свѣжести, такое же вліяніе имѣетъ и лѣсъ на жителей средиземныхъ странъ. Именно потому что Германія заключаетъ въ себѣ столько средиземныхъ мѣстностей, нуженъ ей лѣсъ, во столько же болѣе чѣмъ нуженъ лѣсъ Англіи. Настоящіе обитатели лѣсовъ, лѣсничіе, дровосѣки и лѣсные работники, это могучій ударъ морскихъ валовъ, въ нашемъ обществѣ полевыхъ крысъ. Истребите лѣса, сравняйте горы и заприте моря, если вы хотите подвести все общество подъ одинъ уровень точенаго однообразія въ умственномъ развитіи. Мы видимъ какъ цѣлыя благословенныя страны, у которыхъ похищены покровительствующіе лѣса, подверглись опустошительнымъ наводненіямъ горныхъ потоковъ, изсушающему дыханію бурь; бо́льшая часть Италіи, рая Европы, сдѣлалась отжившею страною; на ея почвѣ нѣтъ болѣе лѣсовъ, въ тѣни которыхъ она могла бы обновить свою жизнь. Но не только земля, едва ли не отжили и люди. Народъ вымираетъ, если онъ не можетъ обратиться къ запоздалымъ жителямъ лѣсовъ, чтобы почерпнуть у нихъ новыя силы естественной, невоздѣланной еще народности. Народъ безъ значительныхъ лѣсныхъ владѣній то же, что народъ безъ собственныхъ морскихъ береговъ. Мы должны сохранять лѣса не для того только, чтобы зимою была тепла наша печь, но также и для того, чтобы

тепло и весело продолжалъ биться пульсъ народной жизни, чтобы германская земля осталась германскою.

«Жители германскихъ лѣсныхъ деревень почти сплошь имѣютъ черты несравненно болѣе оригинальныя, болѣе свѣжія и нравственныя, чѣмъ жители чисто-полевыхъ деревень. Здѣсь гораздо рѣзче и чаще, чѣмъ тамъ, стоитъ довольство подлѣ развращенія нравовъ. Лѣсныя поселенія часто весьма бѣдны, но собственно пролетаріатъ является тамъ гораздо рѣже чѣмъ въ чисто-полевыхъ деревняхъ. Послѣднія имѣютъ бо́льшую важность въ народно-хозяйственномъ отношеніи, первыя — въ общественно-политическомъ. Лѣсной крестьянинъ грубѣе, сварливѣе, но также и веселѣе полеваго; изъ него часто выраждается геніяльный негодяй тамъ, гдѣ изъ неуклюжаго жителя полей сдѣлался бы бездушный скряга. Сохраненіе или исчезновеніе старыхъ народныхъ нравовъ и обычаевъ соотвѣтствуетъ не столько противоположности горъ и равнинъ, сколько противоположности полей и лѣсовъ, къ которымъ мы причисляемъ и степи, болота, и вообще пустынныя мѣстности. Лѣсныя пространства—пріютъ народнаго искусства. Деревня безъ лѣса то же, что̀ городъ безъ исторической архитектуры, безъ памятниковъ, безъ собраній художественныхъ произведеній, безъ театра, безъ концертовъ, безъ всякихъ задушевныхъ и эстетическихъ наслажденій. Лѣсъ — мѣсто тѣлесныхъ упражненій для молодости; часто также — мѣсто праздноствъ для старости. Неужели все это не вѣситъ по крайней мѣрѣ такъ же тяжело, какъ экономическій вопросъ о лѣсномъ матеріялѣ? Въ противоположности полевыхъ и лѣсныхъ странъ представляется та первая черта личности германскаго общества, въ которой заключается вся его благодать, точно такъ же какъ въ его политическомъ раздробленіи (партикуляризмѣ) все его злосчастіе.»

Эпоха французскихъ париковъ въ прошедшемъ столѣтіи, испорченное искусство того времени, не имѣвшее никакого понятія о естественной простотѣ народной жизни, не имѣли никакого сочувствія къ лѣсу. Его безпорядочность, неряшество, были противны духу прибраннаго и накрахмаленнаго искусства. Увеселительные за́мки и виллы покидаютъ горы и лѣса и строятся на ровныхъ и открытыхъ мѣстахъ; въ ландшафтахъ лѣсъ показывается только на самомъ заднемъ планѣ, только какъ фонъ для другихъ изображеній. Деревья садовъ тщательно подстригаются;

неумытая и *непричесанная* природа изгоняется изъ общества порядочныхъ людей. Но съ воскрешеніемъ въ общественномъ пониманіи Шекспира, съ модою на англійскіе сады, съ поэзіей Гете, возвращается сочувствіе къ лѣсу Наконецъ, въ настоящее время рѣшительнаго пробужденія инстинкта поэзіи народной жизни и природы, и лѣсъ получилъ первоначальное свое право гражданства. Ему обязана своею прелестью современная ландшафтная живопись, рисующая не по воспоминаніямъ, не по преданіямъ, не по условнымъ и общепринятымъ образцамъ, а посреди самой лѣсной чащи, посреди самой грубой лѣсной дичи Но ни народъ, ни природа, уже не кажутся *не приличными* для искусства нашего времени!

Итакъ, лѣсъ составляетъ единственный остатокъ *общественной* собственности въ странѣ, гдѣ вся поверхность земли разорвана на клочки *личной* собственности; въ тѣни лѣса и разнообразныхъ правъ и обычаевъ общаго пользованія его богатствами находитъ пріютъ сельскій пролетарій, гонимый неумолимыми межами полей, въ лѣсныхъ поселянахъ сохранились драгоцѣнные остатки первобытнаго народнаго характера, свѣжести, грубости нравовъ, въ которыхъ таится запасъ новыхъ силъ для утонченной образованности вѣка, для народонаселенія, погрязнувшаго въ промышленномъ движеніи личныхъ интересовъ, наконецъ лѣсъ — убѣжище народной поэзіи, народныхъ преданій, источникъ даровыхъ эстетическихъ наслажденій для бѣдняка... Вотъ сущность мыслей, частію выраженныхъ, частію затронутыхъ авторомъ по поводу лѣса въ Германіи; предметъ этотъ не первой важности, но эти мысли по необходимости наводятъ на множество вопросовъ первостепенныхъ въ исторіи развитія западно-европейскихъ обществъ и въ современномъ промышленномъ движеніи народовъ. Факты, выставленные авторомъ, справедливы; но именно потому-то мы бы не хотѣли, чтобъ они служили поводомъ ко многимъ заключеніямъ, по нашему мнѣнію, ошибочнымъ. Лѣсъ не долженъ стоять какимъ-то мрачнымъ обличителемъ возлѣ личной собственности полевыхъ межъ, обличителемъ своекорыстности, алчности рукъ, ихъ проводившихъ Люди, окопавшіеся въ полѣ, вышли изъ того же лѣса, потому что онъ не могъ давать имъ довольно пищи; въ лѣсу можетъ-быть не

было пролетаріевъ, потому что не было и людей сытыхъ; въ полѣ огородились для того, чтобы плодъ вчерашняго дня не былъ потерянъ сегодня. Когда мы говоримъ о прелестяхъ первобытной свѣжести и грубости народныхъ нравовъ и обычаевъ, то не должны забывать, что эти прелести понятны для насъ только потому, что мы выросли между другими нравами и обычаями, воспитаны на той почвѣ, на которой только и можетъ быть сознана идея этихъ прелестей; еслибы мы были вскормлены въ лѣсу, то эта идея и связанное съ нею наслажденіе были бы для насъ недоступны Наконецъ, что же намъ особенно нравится въ этой первобытной свѣжести, грубости народа? Конечно не слои грязи и нечистоты, покрывающіе домашнюю утварь дикаря, не безцеремонное обращеніе его съ женщиною, нѣтъ, не то! а въ поселеніяхъ, отодвинутыхъ отъ центровъ образованной и промышленной дѣятельности, мы видимъ запасы новыхъ, нетронутыхъ развитіемъ силъ, силъ для чего? для развитія же силъ для того, чтобы воспользоваться результатами нашихъ трудовъ, нашими обсѣмененными полями, и *пойдти далѣе насъ*.

Мы весьма далеки отъ лирическихъ восторговъ предъ всѣми крайностями современнаго образованія, предъ изяществомъ этихъ полевыхъ межъ, не позволяющихъ стать по-человѣчески обѣими ногами на землѣ человѣку, случайно не попавшему на ту или другую полоску, предъ стройностію экономическаго закона необходимости крайней нищеты, подлѣ крайняго благосостоянія, мы думаемъ напротивъ, что тѣ задушевныя народныя влеченія, которыя не въ одной Германіи влекутъ крестьянъ къ общему, безраздѣльному пользованію богатствами лѣса, страшныя опустошенія и пожары, прорывающіеся въ лѣса наперекоръ самой строгой лѣсной полиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ лѣснаго хозяйства и пользованія лѣсными произведеніями, несовмѣстимый съ мелкими участками владѣнія въ лѣсахъ и съ малыми капиталами,—должны указывать на необходимость иного распорядка въ лѣсномъ владѣніи и хозяйствѣ. Возвращеніе къ прежнему феодальному порядку лѣснаго хозяйства, въ которомъ собственность въ лѣсу принадлежала одному, а пользованіе всѣмъ, для насъ какъ-то не соблазнительно; и тогда лѣса жглись и опустошались, и тогда никто порядочно ими не пользовался, кромѣ развѣ гончихъ собакъ и безъ устали скакавшихъ за ними бароновъ, что

также нисколько не содѣйствовало къ улучшенію лѣсовъ. Крайности-то хозяйственнаго порядка, который преобладаетъ внѣ лѣса, на поляхъ, тщательно расчищенныхъ и обработанныхъ, научатъ какъ лучше внести этотъ порядокъ въ самый лѣсъ; но и тутъ наука придетъ не изъ лѣсной чащи. Она придетъ оттуда же, откуда пришла самая мысль о поэзіи лѣсной чащи, самое чувство поэзіи природы, возродившееся посреди крайняго развитія интересовъ, управляющихъ полями, посреди самаго горячаго преслѣдованія промышленныхъ цѣлей. И природа существуетъ только для развитыхъ инстинктовъ.

Различіемъ лѣса и поля сопровождается первое возникновеніе человѣческихъ обществъ; только тамъ, гдѣ есть *лѣсъ* и *поле*, зачалось общество, люди вышли изъ дикаго состоянія. Позже, дальнѣйшее развитіе гражданскаго общества обнаруживается противоположностію *города* и *деревни*. Съ этою противоположностію связанъ уже цѣлый общественный переворотъ. Главнѣйшіе историческіе вопросы германскихъ древностей заключаются въ водвореніи осѣдлостей въ странѣ и колонизаціи, въ вырожденіи противоположности лѣса и поля, главнѣйшіе вопросы среднихъ вѣковъ — въ образованіи различія города и деревни.

«Отношеніе жителей къ странѣ послѣ среднихъ вѣковъ, говоритъ г. Риль, уже потому сдѣлалось иное, что сама страна стала не тою, что прежніе земельные участки обратились въ цѣлыя массы земель, отдѣльные города въ группы городовъ, множество селъ превратились въ города, и города въ села, потому еще, что большіе города, — собственно явленіе совершенно новѣйшихъ временъ, — породили въ городской жизни централизацію, которая соотвѣтствуетъ превращенію отдѣльныхъ участковъ въ массы земель. Страны сдѣлались обширнѣе, а земля меньше. Люди столкнулись тѣснѣе. Чрезъ это возникла другая страна, другіе люди. Расчистка дикихъ мѣстностей и водвореніе осѣдлостей, различіе городскихъ и сельскихъ поселеній разнообразили первоначально характеръ странъ и народовъ; открытіе новыхъ большихъ *путей* и *способовъ сообщенія*, эта новѣйшая колонизація уже не странъ, а земли, опять соединяетъ желѣзною рукой то, что было раздѣлено означенными противоположностями. И все-таки эти противоположности остались если не въ томъ же размѣрѣ, то въ томъ же родѣ. Сперва возникло океаническое

судоходство, потомъ искусственныя дороги, пароходы и желѣзныя линіи.

«У крестьянъ вокругъ желѣзныхъ дорогъ родились цѣлыя группы особыхъ сказокъ. Сказки вообще рѣдко возникаютъ въ новѣйшее время. Но тамъ, гдѣ поперекъ народной жизни становится такая, какъ бы сверхъестественная, словно дьявольская сила, какъ паровозы, народное воображеніе тотчасъ создаетъ свои сказанія. Народъ предчувствуетъ тотъ переворотъ, который долженъ, рано или поздно, совершиться во всемъ нашемъ образованіи, во всемъ нашемъ обществѣ, благодаря новѣйшимъ способамъ сообщенія; крестьянинъ особенно чувствуетъ, что подлѣ желѣзной дороги онъ не можетъ остаться прежнимъ крестьяниномъ. Весьма распространено между крестьянами то вѣрованіе, что, по истеченіи нѣкотораго времени, желѣзныя дороги такъ же внезапно исчезнутъ, какъ онѣ внезапно явились; будто срокъ ихъ существованія равенъ тому, который дается демономъ людямъ, продавшимъ ему свою душу для пріобрѣтенія земныхъ наслажденій. Въ баденскомъ народонаселеніи ходитъ сказаніе, что при остановкахъ поѣздовъ на большихъ станціяхъ всегда не достаетъ *одного* пассажира, именно того, котораго демонъ беретъ себѣ въ вознагражденіе; въ Эльзасѣ, въ 1851 году, надобно было дѣйствовать проповѣдями противъ народныхъ суевѣрій относительно желѣзныхъ дорогъ.

«Въ такой наивной формѣ высказывается народное предчувствіе, что новѣйшая система сообщеній пересоздастъ не только страну, но и людей. А между тѣмъ для каждаго изъ насъ какъ-то страшно сдѣлаться *другимъ*, и всякій, кто только имѣетъ намѣреніе похитить у насъ нашу *особенность*, является намъ скорѣе призракомъ ада, чѣмъ добрымъ геніемъ.

«Говорятъ, что въ прежнее время нѣкоторыя общины въ Тиролѣ съ намѣреніемъ проводили дороги не вдоль горъ, а поперекъ, для того чтобы путешественники и ихъ деньги какъ можно долѣе оставались въ странѣ, и извощики безпрестанно должны были брать прибавочныхъ лошадей у мѣстныхъ жителей. Это напоминаетъ политику германскихъ почтовыхъ управленій, которыя всегда принимали ломаную линію между двумя пунктами за кратчайшую въ тѣхъ именно случаяхъ, когда можно было утянуть въ свою пользу нѣсколько крейцеровъ отъ иностранныхъ владѣльцевъ почтъ, лежавшихъ на прямой дорогѣ, и вмѣстѣ съ

тѣмъ какъ можно долѣе задержать письма въ границахъ своего вѣдомства

«Но глубокій смыслъ кроется въ обычаѣ тирольскихъ общинъ.

«Когда въ прежнее время проводили дороги, то тѣмъ самымъ давали разнообразіе странѣ, создавали особенности отдѣльныхъ мѣстностей; новая дорога порождала новыя осѣдлости, новыя села, новые города. Но когда, въ наше время, мы проводимъ дороги по новѣйшей системѣ—шоссе, желѣзныя линіи, пароходныя линіи, то мы централизируемъ страну; эти дороги разоряютъ малые города и даютъ колоссальное могущество и развитіе большимъ.

«Пѣшеходныя тропинки, полевыя, военныя дороги прежняго времени влекли за собою города внутрь страны; наши новыя чудныя сооруженія всемірныхъ путей влекутъ города къ городамъ и всю страну къ городу. Потому система средневѣковыхъ сообщеній, задерживавшая путешественниковъ своими ломаными линіями, не была такъ безсмысленна.»

Въ примѣръ послѣдняго авторъ указываетъ на современное положеніе прирейнскаго края; до устройства пароходовъ и паровозовъ, безпрестанно возникали въ этомъ краѣ новыя населенія, питавшіяся разными потребностями путешественниковъ, которые останавливались то на одномъ, то на другомъ пунктѣ очаровательныхъ береговъ Рейна. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ Рейнъ въ разныхъ направленіяхъ, съ водвореніемъ нѣсколькихъ компаній пароходовъ, отправляющихся изъ каждаго значительнаго прирейнскаго города едва не каждыя пять минутъ, число ежедневно путешествующихъ по Рейну возросло до колоссальныхъ размѣровъ. Нѣсколько главнѣйшихъ пристаней растутъ и богатѣютъ съ каждымъ годомъ; но при этомъ страшномъ многолюдствѣ, дающемъ теченію Рейна отъ Мангейма до Кобленца и Кельна видъ большой европейской улицы, прирейнскія деревни и мѣстечки съ каждымъ днемъ упадаютъ, народонаселеніе вблизи самыхъ блистательныхъ городовъ и водъ страдаетъ отъ самой страшной нищеты. Все это золото, щедро и безумно расточаемое посѣтителями Рейна и прирейнскихъ водъ и купаній, съ алчностію подбирается учредителями рулетокъ, хозяевами роскошныхъ отелей, всемірными европейскими купцами и фабрикантами, всюду открывающими свои балаганы, париж

скими лоретками и барынями высшаго тона, ихъ ревностными подражательницами, съ наглостію выставляющими напоказъ, на всѣхъ модныхъ водахъ, свою пресыщенность и свои безстрастныя страсти. Но все это богатство не касается поблекшихъ устъ рейнскаго бѣдняка (жителя Тайнуса); съ своими лохмотьями онъ едва смѣетъ показаться на этомъ пышномъ пирѣ; посреди изысканной роскоши рейнскихъ купалень и водъ, посреди сотни тысячъ путешественниковъ, со всѣхъ концовъ Европы несущихъ сюда свои достатки, вы готовы не вѣрить разказамъ о нищетѣ мѣстнаго народонаселенія, еслибъ она не напоминала о себѣ хотя мелькомъ: посреди быстро смѣняющихся блюдъ за трактирными обѣдами и русскихъ барынь, громко восторгающихся заграничною дешевизной жизни, и еще громче разказывающихъ о проигранныхъ ими въ рулетку тысячахъ франковъ, скользитъ безпрестанно рука грязной дѣвочки, тщетно навязывающей всѣмъ свои полевые букеты, и вѣроятно не находящей, чтобы жизнь была слишкомъ дешева; на пристаняхъ, кипящихъ толпами туристовъ со всѣхъ концовъ земнаго шара, туристовъ, замѣчающихъ только быстроту новѣйшихъ сообщеній и красоту видовъ, стерегутъ каждаго проѣзжаго не менѣе многочисленныя толпы бѣдняковъ всѣхъ возрастовъ, которые не знаютъ куда дѣваться съ своею работой, и готовы отдать свой трудъ для потѣхи туристовъ за всякое вознагражденіе.

Извиняясь за это невольное отступленіе, мы продолжаемъ слѣдовать за авторомъ, посвятившимъ особую главу *дорогамъ* и *путямъ сообщенія*. Новѣйшія сообщенія произвели небывалый доселѣ переворотъ въ экономическихъ и общественныхъ обстоятельствахъ Европы. Не только города, села, но и цѣлыя страны превратились въ пустыни; другія населились и процвѣтаютъ. Но особенно усилилось могущество и богатство большихъ городовъ. Гегемонія большихъ городовъ въ Европѣ есть одно изъ крупнѣйшихъ явленій нашего времени, и заключаетъ въ себѣ узелъ многихъ современныхъ вопросовъ. «Она потрясаетъ нынѣ, говоритъ авторъ, вѣковое равновѣсіе общественно-политическихъ учрежденій Англіи, она наложила свои оковы на самыя свѣжія силы французской народности, она мрачный призракъ будущности германскаго общества. Города малой и средней величины были колыбелью самостоятельнаго мѣщанства; города-колоссы —

колыбель самостоятельнаго пролетаріата. Эти города-колоссы съ силою и поспѣшностію пара, буквально и аллегорическси, разрушаютъ малые города И чѣмъ шире открываются ворота большаго города для страны, тѣмъ неприступнѣе запирается внутренность страны, съ молодыми силами ея народонаселенія. Эта централизирующая сила новѣйшихъ большихъ путевыхъ линій обнаружилась еще прежде желѣзныхъ дорогъ, ея дѣйствіе началось уже при проведеніи обыкновенныхъ большихъ дорогъ по новѣйшей системѣ, которая въ свое время возбудила неменьше удивленія чѣмъ сѣти желѣзныхъ дорогъ.»

Преобразованіе въ устройствѣ путей сообщенія въ XVIII вѣкѣ довольно близко сходится съ преобразованіями новѣйшаго времени въ государственномъ управленіи. Для централизирующей власти бюрократіи—сѣть искусственныхъ путей сообщенія была однимъ изъ необходимыхъ орудій. Наполеонъ, герой народной централизаціи, особенно любилъ колоссальные размѣры въ устройствѣ путей сообщенія, любилъ обсаживать ихъ тополями, и бонапартисты съ гордостью указываютъ на эти однообразные ряды деревьевъ (напр. на лѣвомъ берегу Рейна), насаженныя нерѣдко собственною державною рукою и напоминающіе стройные ряды солдатъ на парадахъ. И тополь служитъ отличною эмблемою централизаціи; всякое другое дерево, какъ напр. липа, какъто сросшееся съ германскою народностію, было бы слишкомъ безпорядочно, можетъ-быть соединяло бы въ себѣ какія-нибудь народныя влеченія, предразсудки.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія искусственныя дороги или шоссе начали строиться въ малыхъ государствахъ, и только позже въ большихъ, которыя конечно весьма скоро опередили ихъ. Но все-таки дороги, особенно общественныя, устраивались и содержались въ малыхъ государствахъ лучше, чѣмъ въ большихъ. Хорошею системою провинціяльныхъ путей сообщенія расширяется районъ каждой отдѣльной мѣстности внутри страны, тогда какъ государственными шоссе и желѣзными путями онъ съуживается. Какъ сѣти шоссе возникли сперва въ малыхъ государствахъ, въ средней Германіи, точно такъ же устроились тамъ и первыя сѣти желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ желѣзныхъ дорогъ, относительно къ пространству, болѣе въ средней Германіи, чѣмъ въ Пруссіи и Австріи. На равнинахъ сѣверной

Германіи и въ горахъ южной, еще весьма многія мѣстности до сихъ поръ остаются совершенно внѣ общей европейской системы путей, и находятся въ отношеніи къ торговлѣ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ въ средніе вѣка. Но въ этихъ именно странахъ сохранились еще рѣзкія, сколько-нибудь выпуклыя различія между жителями лѣса и поля, между городскими и сельскими поселеніями, наконецъ между сословіями; въ средней Германіи эти различія едва существуютъ для простаго глаза

Въ нынѣшней системѣ путей сообщенія проявляется весь характеръ политической жизни народовъ. Государственная дорога была первый предметъ, надъ которымъ простой народъ осязательно могъ научиться жертвовать своимъ личнымъ интересомъ государству, для того чтобъ потомъ получить вознагражденіе съ лихвою. Это отвлеченное положеніе дѣлается понятнымъ для крестьянина только когда его заставляютъ строить дорогу Въ исторіи бюрократіи, пути сообщенія имѣютъ также особенное значеніе. Мѣстное управленіе каждаго округа выступаетъ, чрезъ завѣдываемые имъ пути сообщенія, самымъ открытымъ и непосредственнымъ образомъ, на судъ общественнаго мнѣнія. На путяхъ сообщенія должностныя лица какъ-то всего ближе соприкасаются съ народонаселеніемъ и его мѣстными интересами; здѣсь всего легче могутъ они обнаружить свое благодѣтельное или злополучное вліяніе на страну, гласно для всѣхъ высказать свои административныя способности, свое знакомство съ нуждами края, свою изворотливость въ пріисканіи средствъ, и наконецъ надолго оставить по себѣ ту или другую славу въ народѣ. Народъ долго не забываетъ хорошихъ или дурныхъ строителей дорогъ. Если въ древности было обыкновеніе судить по путямъ сообщенія страны о характерѣ ея монарха, то теперь можно по нимъ судить о мѣстныхъ чиновникахъ. Этимъ объясняется почему, по поводу мѣстныхъ дорогъ, возникаютъ въ европейскихъ государствахъ безпрестанныя столкновенія между центральными и провинціяльными властями; устройство удобныхъ путей сообщенія въ округѣ даетъ провинціяльному началу самостоятельность и популярность, которыя нерѣдко становятся поперекъ централизующей и забывающей мѣстные интересы системѣ государственнаго управленія. Съ другой стороны, провинціяльныя дороги также пробный камень для общинъ; здѣсь видно и сколько имъ дан

правильной политической самостоятельности въ государствѣ, и во сколько онѣ достойны ею пользоваться.

Заботясь безъ умолку, иногда можетъ-быть съ преувеличеніемъ и съ пристрастіемъ, о мѣстныхъ интересахъ, и говоря о пагубныхъ послѣдствіяхъ для промышленности многихъ отдѣльныхъ мѣстностей въ Германіи отъ желѣзныхъ дорогъ, которыя внезапно своими прямыми линіями отдалили ихъ отъ прежняго круга торговыхъ отношеній, г. Риль съ особенною силою настаиваетъ на рѣшительной необходимости печься, при проведеніи желѣзныхъ линій, объ устройствѣ мѣстныхъ дорогъ вокругъ нихъ; чѣмъ болѣе изрѣзанъ какой-нибудь край желѣзными дорогами, тѣмъ болѣе должна быть развиваема сѣть покрывающихъ его обыкновенныхъ дорогъ, и не только для пріѣзжающихъ, но и для пѣшеходовъ. Эти дороги и тропинки непремѣнно увеличатъ и число пассажировъ для поѣздовъ на промежуточныхъ станціяхъ; а именно малые переѣзды между станціями оживляютъ страну и питаютъ желѣзныя дороги. И однако, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, большею частію исчезаютъ въ окружности полевыя дороги и тропинки, ибо за потерю земли, отошедшей подъ желѣзную дорогу, жители стараются вознаградить себя клочками, лежащими подъ полевыми дорогами и тропинками, въ такомъ изобили покрывающими всѣ населенныя мѣстности Германіи. Пѣшеходныя дороги и тропинки, содержимыя въ необыкновенномъ порядкѣ мѣстными жителями, иногда цѣлыми общинами, кажется, составляютъ особенность Германіи. Мы часто, скитаясь по этимъ дорожкамъ, приходили въ изумленіе отъ изящества и опрятности, которыя должны стоить большихъ расходовъ; дорожки, иногда простираясь на нѣсколько миль посреди лѣсовъ и горъ (какъ напримѣръ въ Саксонской Швейцаріи), крѣпко и ровно убиты, снабжены мостиками черезъ всѣ сколько-нибудь опасныя мѣста или ручьи, столбами съ разными болѣе или менѣе поучительными надписями о названіи мѣста, о направленіи дорогъ и т. д. Но всѣ эти расходы не только не убыточны для жителей, а чрезвычайно прибыльны, ибо разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ крестьянскіе дворы стараются содержать дорожки въ чистотѣ, съ цѣлію привлекать къ нимъ и къ себѣ пѣшеходовъ, которые отдыхаютъ, пьютъ пиво и ѣдятъ то на одномъ, то на другомъ пунктѣ. Эти тропы намъ чрезвычайно нравятся; посред-

ствомъ ихъ сельское населеніе сближается съ городскимъ, или съ центрами просвѣщенія, несравненно лучше, нежели на станціяхъ большихъ дорогъ и на большихъ рынкахъ. Какъ часто, смотря на Нѣмцевъ, проводящихъ на этихъ дорожкахъ цѣлыя недѣли, мѣсяцы, на эту бесѣду образованнаго мѣщанина, студента, ученаго съ крестьяниномъ, жалѣли мы, что пѣшеходныя прогулки и путешествія почти совершенно неизвѣстны въ нашемъ отечествѣ, или извѣстны только раскольникамъ и бродягамъ! А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ онѣ не были въ духѣ народа; напротивъ, десятки тысячъ русскихъ людей безпрестанно переходятъ тысячи верстъ разстоянія изъ одного мѣста въ другое.

Г. Риль, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо утверждаетъ, что при устройствѣ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ все вниманіе должно быть обращено на приведеніе ихъ въ дѣйствительное соприкосновеніе съ внутренностію страны, съ деревнею, что въ этомъ состоитъ современная общественно-политическая задача относительно путей сообщенія. «Когда въ прошедшемъ столѣтіи, говоритъ онъ, явились искусственныя дороги, со всѣхъ сторонъ раздались жалобы ямщиковъ, потому что всѣ тонкости ихъ ремесла, всѣ тайны ихъ мастерства дѣлались совершенно излишними. Ѣздить по дурной, изрытой дорогѣ, изпещренной ухабами и лужами, это еще могло быть искусствомъ, но на ровномъ шоссе и портной можетъ быть извощикомъ. Между тѣмъ оказалось, что ѣзда по гладкому шоссе имѣетъ также своего рода тонкости, свои тайны и столько же требуетъ спеціяльныхъ свѣдѣній, какъ и старинная деревянная настилка. Опытный извощикъ слышитъ въ мельчайшихъ особенностяхъ движенія своего экипажа, въ поступи лошадей, тончайшія и самыя скрытыя свойства въ устройствѣ шоссе, и гдѣ непосвященный и дилеттантъ видитъ только гладкую поверхность ровной дороги, тамъ проникаетъ онъ своимъ взоромъ ея внутренности и скажетъ вамъ, гдѣ фундаментъ положенъ изъ мягкаго, жесткаго, крупнаго, мелкаго камня, и не иначе узнаетъ онъ свойства этого фундамента, какъ изъ тѣхъ или другихъ сотрясеній своеи повозки. Точно также и государственный мужъ, поставившій въ основаніе своей политики общество, долженъ вглядываться въ нѣдра дорогъ; тогда онъ и можетъ разсмотрѣть въ нижней подстилкѣ дороги совсѣмъ иныя вещи, нежели глазъ обыкновеннаго

наблюдателя. Онъ признаетъ тогда въ нашей новой системѣ сообщеній, въ связи ея съ страною и людьми, со всею совокупностію физіологіи народной жизни, новое явленіе неизмѣримой важности. И общественный, государственный дѣятель можетъ стать ясновидящимъ, подобно грубому извощику, если, подобно ему, будетъ неутомимо сосредоточивать свою наблюдательность на самыхъ мелкихъ явленіяхъ въ странѣ и людяхъ, посреди которыхъ вращается его дѣятельность, не будетъ слишкомъ презирать вещи, кажущіяся простыми, а напротивъ будетъ неусыпно въ нихъ вдумываться.»

Такимъ аллегорическимъ отступленіемъ заключаетъ авторъ свою статью о путяхъ сообщенія; намъ бы хотѣлось прибавить къ ней нѣсколько собственныхъ нашихъ словъ. Мы нисколько не отрицаемъ того, чтобы эти новѣйшіе колоссальные способы сообщенія не имѣли дѣйствительно печальныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей; на эти послѣдствія указываютъ многіе положительные факты. Но выставляя ихъ съ такою силою, авторъ набрасываетъ слишкомъ густую тѣнь на тѣ живыя начала, которыя вносятся въ современный бытъ новѣйшими сообщеніями. Такое направленіе принимаетъ разказъ его весьма часто; представляя въ самыхъ живыхъ, иногда поразительно вѣрныхъ чертахъ германское, а съ нимъ весьма часто и все европейское общество, вступающее въ новую фазу историческаго движенія, авторъ какъ будто болѣе интересуется тѣмъ, что̀ отходитъ, вымираетъ, нежели тѣмъ, что̀ пробуждается, просится къ жизни. Мы не согласны съ тѣмъ, чтобы новѣйшіе пути сообщенія, съ своею дѣйствительно-централизирующею силою, шли рука объ руку съ бюрократіею, дошедшею въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, въ своемъ фанатизмѣ къ централизаціи, до прокрустова искаженія всякаго самостоятельнаго роста въ отдѣльныхъ отпрыскахъ народной жизни. Мы не согласны, чтобъ эти пути были только однимъ изъ необходимыхъ дополненій къ административной централизаціи въ западной Европѣ. Искусственныя дороги прежняго времени—можетъ быть, но нынѣшнія—нѣтъ. Мы думаемъ напротивъ, что послѣднія выносятъ народную жизнь изъ оковъ бюрократической централизаціи, къ инымъ цѣлямъ, можетъ-быть влекутъ ее также къ централизаціи, но къ иной.

Здѣсь мы воспользуемся случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ вообще о *централизаціи*, возбудившей такъ много преній въ послѣднее время *Централизація* вообще есть безспорно одна изъ могущественнѣйшихъ силъ въ исторіи развитіи человѣчества и вещественнаго благосостоянія человѣческихъ обществъ; она есть необходимая принадлежность всякаго живаго организма, точно такъ же и организма народной жизни. Чѣмъ совершеннѣе, сильнѣе организмъ, тѣмъ явственнѣе ощущается въ каждомъ отдѣльномъ членѣ взаимность его жизни съ общимъ центромъ жизни. Разрубите на нѣсколько частей землянаго глиста, и каждая изъ частей будетъ продолжать двигаться, не имѣя никакой органической одна съ другой связи, у полипа вы едва различите центръ или желудокъ отъ остальной части тѣла, напротивъ того, какая-нибудь мѣстная болѣзнь каждаго самаго ничтожнаго члена у высшихъ животныхъ быстро распространяется по всему организму, просто непріятное впечатлѣніе на нервъ зрѣнія у человѣка сопровождается глубокимъ потрясеніемъ во всѣхъ его жизненныхъ отправленіяхъ, останавливаетъ біеніе сердца, дѣятельность мозга. Нѣчто подобное видимъ мы и въ историческомъ развитіи человѣческихъ обществъ. Какъ только народъ окончательно водворяется на какомъ-нибудь пространствѣ, такъ тотчасъ начинаетъ онъ собирать свои силы, округлять занятыя имъ земли сперва около малыхъ центровъ, родовъ, поколѣній, отдѣльныхъ владѣній, потомъ около бо́льшихъ—государствъ. И въ государствахъ повторяется тотъ же неизбѣжный органическій процессъ сосредоточенія силъ, который проявляется во всѣхъ живыхъ организмахъ, который вообще соединилъ людей въ общество, далъ имъ возможность сдѣлать соединенными силами для каждаго отдѣльнаго члена общества въ безконечное число кратъ болѣе, чѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы для себя сдѣлать, живя внѣ общества. Съ водвореніемъ прочной государственной власти въ какой-нибудь странѣ, собираются металлы изъ всѣхъ ея частей для того, чтобъ бить монету съ однимъ клеймомъ, годную для обращенія во всѣхъ частяхъ страны; отдѣльныя владѣнія, сдѣлавшіяся въ первую историческую эпоху народа самостоятельными, теряютъ право битья монеты, можетъ-быть теряютъ съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторые доходы отъ чеканки, отъ рудниковъ, но за то центральная государственная монета служитъ въ торговыхъ сдѣлкахъ на всемъ

протяженіи страны; жители каждаго отдѣльнаго владѣнія не встрѣчаютъ уже тѣхъ затрудненій по своимъ торговымъ оборотамъ въ другихъ владѣніяхъ, которыя они прежде терпѣли при своей собственной монетѣ, не вездѣ извѣстной, не вездѣ принимаемой въ той цѣнности, какую она должна была имѣть при своемъ выпускѣ, и затѣмъ жители этого владѣнія, сдѣлавшагося теперь одною изъ провинцій общаго государства, во сто кратъ вознаграждены за утраченное ими громкое право битья своей монеты. Вмѣсто того, чтобы каждое владѣніе собирало свое собственное войско для защиты своихъ границъ отъ иностранныхъ народовъ или для питанія безконечной внутренней вражды съ другими владѣніями той же страны, государственная центральная власть обязываетъ отдѣльное владѣніе, провинцію, поставить извѣстное число воиновъ; напрасная трата силъ народонаселенія на внутреннія междоусобныя войны владѣній прекращается, а отъ чужеземныхъ народовъ страна защищена лучше и съ меньшими силами; сосредоточенная страна внушаетъ болѣе страха сосѣдямъ, чѣмъ раздѣленная на мелкія владѣнія; однимъ словомъ та же цѣль, внѣшняя безопасность, достигнута народонаселеніемъ съ меньшими пожертвованіями, и оно во сто кратъ вознаграждено за потерю собственнаго своего знамени, за посылку своихъ членовъ (рекрутъ) далеко отъ ихъ родины, за постоянное отправленіе рекрутской повинности, за уплату податей на содержаніе постояннаго государственнаго войска, за непріятность имѣть мѣстные гарнизоны изъ людей незнакомыхъ землѣ, чужыхъ народонаселенію и т д. Въ государственномъ центрѣ издаются законы, общіе для всей страны отдѣльные владѣльцы, иногда общины теряютъ самодержавное право суда и расправы; судьи назначаются центральною государственною властію или же ею опредѣляются только формы суда, законы, единообразные для всей страны; судебная власть владѣльцевъ, мѣстныя вольности прекратились, но за то совокупныя усилія всей страны, въ лицѣ центральнои власти, представляются болѣе могущественными для обузданія неправды, чѣмъ усилія одного владѣльца или провинціи; возникаютъ болѣе правильныя юридическія воззрѣнія и опредѣленія, многіе кровожадные мѣстные судебные обычаи исчезаютъ, преступникъ не можетъ болѣе укрываться въ одной области отъ преслѣдованія въ другой, личное чувство справедливости каждаго удовлетворено въ

большей степени, когда онъ знаетъ, что тотъ же поступокъ влечетъ за собою тѣ же послѣдствія на всемъ пространствѣ земли, обитаемой тѣмъ же народомъ, а отсюда болѣе уваженія къ закону, къ уголовному наказанію, не измѣняющимся съ каждымъ поворотомъ рѣки, за каждымъ изгибомъ горы. Къ такимъ же или подобнымъ послѣдствіямъ клонятся и всѣ другія стороны государственной централизаціи: вмѣсто внутреннихъ заставъ и таможень и сопряженныхъ съ ними доходовъ, отдѣльныя области, владѣнія, провинціи получаютъ черезъ централизацію облегченіе въ торговыхъ сношеніяхъ и т. д. Таковъ былъ ходъ вещей во всѣхъ западно-европейскихъ обществахъ при утвержденіи центральной монархической власти, по окончаніи исключительно феодальнаго періода; въ однихъ государствахъ процессъ централизаціи былъ болѣе крутъ, въ другихъ менѣе, въ однихъ описалъ бо́льшіе круги, въ другихъ меньшіе. Но мы указали только на непосредственныя послѣдствія силы государственной *централизаціи* въ странѣ и народѣ; параллельно съ нею происходятъ еще болѣе значительныя явленія въ умственной, нравственной, экономической сферахъ народной жизни. Тутъ мы именно увидимъ это стремленіе всѣхъ живыхъ соковъ народа къ нѣсколькимъ общественнымъ центрамъ, и потомъ обратное оттуда движеніе, широкими струями для оплодотворенія всѣхъ отдѣльныхъ полостей народнаго организма, всѣхъ его изгибовъ и разчлененій. Въ этихъ центрахъ возникаетъ сознаніе идеи общаго происхожденія народа; любовь къ родинѣ разрастается въ любовь къ отечеству; областной, племенной типъ развивается въ народный геній; всѣ эти болѣе высокія, болѣе широкія воззрѣнія на жизнь, возникающія въ умственныхъ и нравственныхъ центрахъ народной жизни, отзываются во всѣхъ частныхъ стремленіяхъ, даютъ болѣе смѣлый взмахъ всякому мѣстному порыву народныхъ страстей и вѣрованій, обращаютъ интересы мѣстные, имѣющіе своею основой мелкіе разсчеты, въ болѣе великодушные, обращаютъ движенія толпы—въ движенія народныя, въ движенія общечеловѣческія.

Государственная централизація вырабатывается во всѣхъ народахъ, предъявившихъ какія-нибудь права на общечеловѣческое значеніе; но въ окончательномъ своемъ результатѣ она все-таки лишь *средство* (какъ и всѣ безъ изъятія обще-

ственныя и государственныя силы), имѣющее цѣлію возвышеніе человѣческаго быта, самостоятельность и благополучіе человѣческой личности въ массахъ, постепенное пріобщеніе массъ, отстающихъ отъ развитія передовыхъ общественныхъ группъ, къ успѣхамъ, вырабатываемымъ этими группами и отдѣльными личностями. Процессъ здоровой, естественной централизаціи собираетъ силы изъ народной массы къ центрамъ для того, чтобы возвратить имъ болѣе чѣмъ взялъ; какъ только второй терминъ этого процесса задерживается, какъ только силы собираются къ центру, а изъ центра не сообщается тѣлу никакой новой силы, такъ централизація дѣлается искусственною, болѣзненною. Не всегда умственно или матеріяльно сильнѣйшіе люди въ народѣ, не всегда цѣлыя общества, понимали историческое значеніе той или другой эпохи, или той или другой силы, данной въ ихъ распоряженіе исторіею. То же самое можно сказать и о централизаціи. Весьма часто она увлекала европейскія правительства только наружностію, правильностію, гладкостію своихъ формъ; государственная централизація, двигающая общества впередъ на пути умственнаго развитія, когда она есть естественное послѣдствіе внутренней физіологической силы, стремящейся въ обществѣ къ сосредоточенію его жизненныхъ элементовъ, весьма часто обращалась въ орудіе насилія противъ самостоятельнаго развитія какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ личностей. Средство дѣлалось цѣлію въ рукахъ близорукихъ или тщеславныхъ правителей. Средство это такъ заманчиво улыбалось своимъ наружнымъ блескомъ, и внушало остроумныя фразы въ родѣ: l'état c'est moi. Но подобное злоупотребленіе силою опасно, поприще подобнаго остроумія весьма скользко. Въ частности, административная централизація есть также одно изъ проявленіи внутреннеи общественной силы къ сосредоточенію своихъ элементовъ и силъ; но далеко не единственное и исключительное. Англія въ весьма гомеопатическихъ пріемахъ вкусила административную централизацію, а между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ англіискомъ обществѣ было мало центростремительныхъ влеченій патріотизма, народнаго искусства, народнои поэзіи, наконецъ того взаимнодѣйствія во всѣхъ общественныхъ интересахъ и органахъ, которое называютъ народнымъ единствомъ. Угловатость и исключительность сословіи въ Англіи можетъ не

нравиться; но между интересами всѣхъ общественныхъ группъ въ Англіи не сравненно болѣе гармоніи и равновѣсія, чѣмъ во многихъ другихъ обществахъ, принявшихъ матерію административной централизаціи въ пріемахъ аллопатическихъ, и даже старои медицинскои школы. Но какъ бы то ни было административная централизація въ Европѣ совершила свое дѣло, и во многихъ отношеніяхъ можетъ-быть со славою; матеріяльному распаденію страны она противопоставляла матеріяльное собираніе земли въ одно тѣло, матеріяльному порабощенію однихъ классовъ общества другими — матеріяльное посредничество между ними и матеріяльное подчиненіе всѣхъ классовъ одному господину, государству. Но государственная централизація, и съ нею административная, породила мало-по-малу цѣлыи бюрократическіи порядокъ, бюрократическую централизацію, которая во многихъ государствахъ Европы, особенно во Франціи дошла до такихъ краиностеи, что забывъ свое историческое происхожденіе, забывъ свою историческую сущность—служить только средствомъ къ цѣли, сдѣлалась особымъ обществомъ въ обществѣ. Опасность матеріяльнаго распаденія страны и народа миновала; европейское общество стремится всѣми силами къ увращеванію внутреннихъ общественныхъ, далеко не политическихъ болѣзней,—а бюрократія продолжаетъ дѣйствовать своими *издавна испытанными средствами*, своими *хирургическими* аппаратами, наводящими страхъ на больнаго и раздражающими всю его нервнуюсистему. Въ хирургіи никогда не заключалось радикальнаго лѣченія болѣзни; и больной, у котораго отняли руку, тронутую антоновымъ огнемъ, никогда не назывался излѣченнымъ, а развѣ только спасеннымъ. Хирургическія операціи никогда не были цѣлію серіозной медицины, а всегда были только однимъ изъ самыхъ печальныхъ средствъ. Между тѣмъ внѣшняя стройность самой крайней административной централизаціи прельщаетъ многіе умы въ Европѣ, и не только правителей, но и публицистовъ; за наружною гармоніею и блескомъ не хотятъ видѣть глубокаго разъединенія, которое пораждается этимъ кажущимся *единствомъ* въ обществѣ. Въ Парижѣ, *по соображеніи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ*, приводятъ въ равновѣсіе частные бюджеты департаментовъ, дополняютъ излишкомъ однихъ недостатокъ другихъ, пишутъ строгія предписанія противъ расточительности въ частномъ

хозяйствѣ нѣкоторыхъ городовъ, запрещаютъ или дозволяютъ строить мостъ черезъ рѣку, раздѣляющую два селенія въ Бретани; все это очень мило и доказываетъ заботливость министерства о мѣстныхъ потребностяхъ, но никакъ не утѣшительно, ибо уничтожаетъ всякій серіозный интересъ въ департаментскомъ хозяйствѣ со стороны членовъ департаментскихъ совѣтовъ, въ городскомъ со стороны всѣхъ гражданъ, въ устройствѣ мѣстныхъ сообщеній со стороны жителей двухъ селеній въ Бретани. Но члены департаментскихъ муниципальныхъ и окружныхъ совѣтовъ не хладѣютъ только въ одномъ рвеніи — писать свои представленія въ возможно-изящныхъ формахъ, по заданнымъ правиламъ, красивымъ почеркомъ, дабы заслужить одобреніе начальства и получить какой-либо знакъ его вниманія. Такимъ образомъ интересы этихъ лицъ стремятся вонъ изъ страны, тяготѣютъ къ своему административному центру, а не къ своимъ естественнымъ общественнымъ центрамъ, и мы не видимъ, какъ тутъ подвигается впередъ дѣло *дѣйствительной общественной централизаціи*; въ нашихъ глазахъ тутъ преобладаетъ скорѣе духъ *общественнаго разложенія*, ибо департаментъ внутреннихъ дѣлъ также мало сердце Франціи, какъ нарывъ усиленно стягивающій соки тѣла къ одному произвольному центру. Но увлеченіе въ пользу крайней административной централизаціи не ограничивается этимъ, а порождаетъ самыя превратныя ученія, опасныя для общественнаго порядка и благосостоянія; возникаютъ такія воззрѣнія на государственную власть, которыя всѣ недостатки, всѣ страданія общества возлагаютъ на ея отвѣтственность, и представляютъ ее исключительною причиной и исключительнымъ двигателемъ всякаго нравственнаго, умственнаго и промышленнаго успѣха въ обществѣ. Какъ на образцовъ подобныхъ воззрѣній мы можемъ указать въ настоящую минуту на сочиненіе г. Дюпона-Вита (L'état et l'individu. Paris, 1857). Въ рукахъ государственной власти нѣтъ такого магическаго жезла, посредствомъ котораго она могла бы внезапно обогащать, просвѣщать или нравственно исправлять страну; всѣ эти плоды благосостоянія зависятъ отъ дѣятельности самого народа. Матеріяльныя и духовныя силы, которыми располагаетъ государственная власть, не иныя какъ тѣ, которыя находятся въ самой странѣ и народѣ, никакихъ другихъ она сама непосредственно создать

не можетъ, это очевидно. Нравственный, умственный и экономическій застой страны, можетъ быть поставляемъ въ вину государственной власти лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ею полагаются препоны къ свободному проявленію частной дѣятельности; всячески отдалять препятствія на путяхъ этой дѣятельности, вотъ обязанность государственной власти, но не болѣе. Къ счастію, тѣ опасныя теоріи, которыхъ мы здѣсь частію коснулись, имѣютъ мало кредита предъ разумнымъ общественнымъ мнѣніемъ въ Европѣ; напротивъ, въ настоящую минуту замѣтны со всѣхъ сторонъ, и въ практическомъ мірѣ, и въ литературѣ; стремленія къ устраненію крайностей административной или бюрократической централизаціи, и къ возможно-большей замѣнѣ правительственной дѣятельности—частною, офиціяльныхъ органовъ порядка—общественными. Конечно, благомыслящіе люди въ Европѣ, теперь менѣе чѣмъ когда-нибудь желаютъ возвращенія къ старому порядку вещей: къ обособленію общественныхъ сословій, къ насильственному преобладанію однѣхъ общественныхъ группъ надъ другими, къ развитію нравственности и благосостоянія однихъ классовъ насчетъ другихъ, къ распаденію страны и народа. Но дѣло въ томъ, что та внутренняя сила сосредоточенія общества, обобщенія его элементовъ и силъ, о которой мы говорили выше, и которая необходима для жизни общественнаго организма — имѣетъ теперь передъ собою другіе пути, другія средства проявленія, несравненно болѣе могущественныя, чѣмъ исключительно административная централизація. Эти средства заключаются во всѣхъ исполинскихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ послѣдняго времени, и во всемъ характерѣ современной европейской цивилизаціи. Желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, журналы, всевозможныя выставки произведеній искусства и промышленности, и т. п, вотъ пути, на которыхъ проявляется общественная и народная централизація нашего времени. И здѣсь колоссальные новѣйшіе способы сообщенія стоятъ на первомъ мѣстѣ. Къ этому заключенію и клонилась наша рѣчь. Централизація — необходимое начало въ исторической жизни народовъ; безъ нея не можетъ быть и не было никакихъ плодовъ цивилизаціи. Но это начало можетъ различно проявляться въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Новѣйшіе пути сообщенія — одна изъ совре-

менныхъ формъ этого начала; но она далеко не тождественна съ ультра-бюрократическою централизаціею, а напротивъ заступаетъ ея мѣсто, создаетъ свои собственные центры, свои районы, свои общественные круги, мало имѣющіе общаго съ административною. Для того, чтобы воспользоваться всѣми благами новѣйшихъ способовъ сообщенія, какъ и вообще всего промышленнаго движенія вѣка, государственныя власти въ Европѣ обязаны возможно болѣе ослабить натянутыя нити административной централизаціи. Промышленныя цѣли влекутъ народонаселеніе одной области, одной страны въ другія; станціи желѣзныхъ дорогъ дѣлаются центрами, разрушающими силу всѣхъ прежнихъ административныхъ центровъ; работы на желѣзной дорогѣ передвигаютъ цѣлыя народонаселенія изъ одной мѣстности въ другую; линіи пароходовъ и паровозовъ пересѣкли всѣ административныя и государственныя дѣленія и границы. Близость одного города къ другому, одного государства къ другому, считается по желѣзнымъ дорогамъ. Остановить это движеніе современной цивилизаціи не достало бы никакой человѣческой силы, но и нѣтъ никакой надобности. Та цѣль, къ которой стремились всѣ государства въ прежнее время съ такими страшными потрясеніями, достигается нынѣ съ несравненно-меньшими усиліями; европейскимъ государствамъ остается оберегать общественную дѣятельность отъ насилія, и эта дѣятельность съ избыткомъ замѣнитъ страшную трату силъ на административную централизацію. Желѣзныя дороги, пароходы, журналы, университеты, банки, акціонерныя компаніи, могущественно сосредоточиваютъ общественные элементы и силы, обобщаютъ интересы всѣхъ классовъ народа, уравниваютъ ихъ нравы, обычаи и предразсудки, возвышаютъ уровень умственнаго развитія въ низшихъ сословіяхъ, сглаживаютъ шероховатость своекорыстныхъ инстинктовъ. Можно смѣло сказать, что учрежденіе университета въ какомъ-нибудь отдаленномъ краѣ несравненно болѣе свяжетъ настроеніе умовъ въ этомъ краѣ съ центромъ государства, чѣмъ самая строгая административная инструкція съ мелочнымъ обозначеніемъ всѣхъ родовъ отношеній и подчиненности административныхъ учрежденій края государственнымъ учрежденіямъ въ центрѣ; вокругъ университета

могущественнѣе загорятся сердца любовью къ общему отечеству чѣмъ вокругъ администратора, присланнаго для полицейскаго наблюденія за отдаленнымъ краемъ. Такъ вопросъ объ единствѣ Германіи, возбудившій столько непреодолимыхъ административныхъ затрудненій, будетъ скоро рѣшенъ, самымъ мирнымъ образомъ, съ помощію поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ, никакъ не останавливающихся на границахъ Кобургъ-Готскаго герцогства, если имъ не нужно угля и воды или пассажировъ, и съ помощію университетовъ, въ которыхъ преподающіе и учащіеся безпрепятственно странствуютъ по всему пространству Германіи

Послѣ этихъ замѣчаній, отчасти направленныхъ противъ самого г. Риля, переходимъ вслѣдъ за нимъ къ характеристикѣ различія между *городомъ и деревнею* въ Германіи.

«Различіе между *городомъ и деревнею*, говоритъ г. Риль, считалось, еще двадцать лѣтъ тому назадъ, такою пошлою и истасканною истиною, что государственный человѣкъ считалъ даже недостойнымъ себя говорить о такихъ пустякахъ. Теперь думать, что въ Германіи есть городъ и деревня, признается, съ одной стороны, извѣстнымъ политическимъ убѣжденіемъ, съ другой—расколомъ. Я все еще вѣрю въ различіе города и деревни, не потому чтобъ это было пригодно для моей личной политической системы, но потому, что я не могу не вѣрить тому, что̀ ежедневно какъ фактъ осязаемо для всѣхъ моихъ чувствъ.

« Самое разнообразіе географическаго положенія, климата, почвы Германіи имѣетъ большое вліяніе на противоположность города и деревни, и производитъ существенное различіе въ группахъ народонаселенія Различныя историческія условія произвели много измѣненій въ отношеніяхъ этихъ группъ, но еще не разрушили сущности различія.

«Въ высокихъ горахъ, гдѣ еще царствуетъ дичь, деревня преобладаетъ надъ городомъ: горные города—скорѣе большія деревни. Гдѣ осенью сосѣдъ прощается съ сосѣдомъ до будущей весны, «когда откроются горы», тамъ природа не допускаетъ образованія городовъ въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь сама деревня представляется еще въ первобытномъ своемъ видѣ, она состоитъ изъ группы разрозненныхъ дворовъ. Это *пустынножительство* кладетъ особый отпечатокъ на общественный типъ горнаго крестья-

нина. Онъ запертъ для міра, закоснѣлъ въ своихъ нравахъ, *цѣльный* человѣкъ, но въ политическомъ отношеніи малолѣтніи ребенокъ. Эта чисто крестьянская полоса въ Германіи не совсѣмъ ничтожна: она обнимаетъ собою бо́льшую часть Тироля, верхнюю и нижнюю Австрію, Штирію, Каринтію, плоскія возвышенности Баваріи, менѣе плодоносныя части среднихъ германскихъ возвышенностей и низовья береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго моря. Въ этихъ странахъ народъ сохранился еще въ первоначальной своей чистотѣ, но и грубости; эти страны, въ своемъ оцѣпенѣніи, представляются противоположностію къ подвижности остальнаго народонаселенія Германіи. Въ нихъ нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, кромѣ самого народа, съ его деревнями, дворами, общинами Исторія искусства, такъ же какъ и торговли и промышленности, слѣдовала во всѣ времена по направленію рѣкъ и долинъ, она не охотно вторгается въ ущелія горъ. Крестьяне Тироля, Эрцгебирге и Шварцвальда, занимающіеся плетеніемъ кружева, выдѣлкою часовъ, рѣзьбою на деревѣ, все-таки остаются крестьянами, хотя бы они никогда не брали въ руки сохи.

«Но далѣе, на холмистыхъ и плоскихъ возвышенностяхъ юга и открытыхъ сѣверо-германскихъ равнинахъ, можно встрѣтить, близь настоящихъ и большихъ деревень, большіе города съ строго-опредѣленною городскою физіономіею, и большія замкнутыя рыцарскія помѣстья, единственный сохранившійся остатокъ стараго сельскаго дворянства Эти полосы занимаютъ важнѣйшую часть главнѣйшихъ государствъ Германіи, Австріи и Пруссіи; здѣсь различіе между деревнею и городомъ выступаетъ всего рѣзче. Здѣсь находятся обширнѣйшіе хлѣбные запасы Германіи, здѣсь собственно сложился первоначальный типъ германскаго крестьянина, и здѣсь, въ то же время, значительнѣйшіе древніе имперскіе и ганзейскіе города, въ которыхъ всего живѣе сохранились развалины стариннаго германскаго мѣщанства и городовыхъ уложеній. Напримѣръ, въ принадлежащей сюда Вестфаліи, можно видѣть типы разрозненныхъ крестьянскихъ дворовъ, деревень, господскихъ усадебъ и городовъ, одинъ подлѣ другаго и съ самыми рѣзкими типическими отличіями. На сѣверъ отъ р. Липпе,—крестьянскія поселенія еще въ видѣ дворовъ, на югѣ—сплошныя деревни. Подлѣ общинъ прежнихъ, свободныхъ крестьянъ (живущихъ дворами),—общины, сохранившія къ господ-

скому дому прежнія свои отношенія, вслѣдствіе привычки и привязанности, хотя законъ къ тому уже не принуждаетъ; подлѣ древнихъ имперскихъ городовъ—прежніе княжескіе города и новѣйшіе промышленные. И всѣ эти осѣдлости сохранили свой личный характеръ »

Совершенно другую физіономію имѣетъ средняя и югозападная Германія, сокровищница мелко-государственной Германіи. Тамъ различіе между городомъ и деревнею почти совершенно изгладилось, и потому можно впасть въ большія заблужденія, если судить по этой части обо всей Германіи.

Въ сѣверной и южной Германіи Тридцатилѣтняя война болѣе задержала развитіе городской жизни, чѣмъ деревенской; поэтому теперь крестьянинъ Мекленбурга, Помераніи и Старой Баваріи представляетъ собою болѣе могущественную, общественную силу, чѣмъ горожанинъ этихъ странъ. Напротивъ, въ средней Германіи, опустошенной еще прежде Крестьянскою войною, развитіе мелкогородья (Kleinstädterei) при борьбѣ имперскихъ штатовъ, нашло всего болѣе пищи, и малые города впервые здѣсь процвѣли. По мнѣнію нашего автора, одно изъ самыхъ печальныхъ послѣдствій Тридцатилѣтней воины есть одностороннее возрастаніе сперва интересовъ малыхъ городовъ, потомъ большихъ, насчетъ интересовъ сельскаго народонаселенія, и затѣмъ неестественное, избыточное развитіе городской цивилизаціи подлѣ политическаго и общественнаго обособленія сельскаго быта, здороваго въ своихъ жизненныхъ началахъ, но отступившаго назадъ въ своемъ матеріяльномъ благосостояніи. Послѣ Вестфальскаго мира началось въ средней Германіи размельченіе крестьянской собственности и съ нимъ поколебалась общественная сила крестьянина. Быстро оскудѣвали здѣсь главныя отрасли крестьянскаго хозяйства. Число семействъ въ деревняхъ возрастало, число дворовъ уменьшалось. На среднемъ Рейнѣ можно найдти цѣлый рядъ поселеній, которыя никакъ нельзя отнести ни къ разряду городовъ, ни селъ; такіе села-города, по выраженію г. Риля, общественные гермафродиты, составляютъ настоящія гнѣзда пролетаріата.

Подлѣ разоренныхъ деревень стоятъ, въ южной и средней Германіи, *искусственные города*.

«Нигдѣ нѣтъ столько искусственныхъ городовъ, говоритъ г. Риль, какъ въ Германіи (мы полагаемъ, что здѣсь авторъ увлекся, ибо можно указать и на другія страны, далеко не уступающія въ этомъ отношеніи Германіи),—искусственныхъ городовъ, которые наперекоръ природѣ и исторіи дарились народу какъ складочныя мѣста для умственныхъ и матеріяльныхъ богатствъ; нигдѣ нѣтъ столько городовъ, самовластно захватившихъ себѣ значеніе, на которое не имѣютъ никакого права, согрѣвавшихся и согрѣваемыхъ какъ домашнія теплицы, для удовлетворенія прихоти или превратнымъ политическимъ убѣжденіямъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Эти искусственные города вездѣ передвинули естественный центръ тяжести торговли и промышленности, поставили экономическій центръ тяжести въ борьбу съ политическимъ, и чрезъ это не мало способствовали къ потрясенію основаній матеріяльнаго благосостоянія народа. Куда бы мы ни обратили наши взоры на картѣ Германіи, мы видимъ первобытные узлы торговли и промышленности отодвинутыми въ темный уголъ; возлѣ нихъ возведены въ центральные и всѣми усиленными способами вытянуты вверхъ города, которые, по всему характеру своего положенія, едва имѣли бы право играть роль селъ или провинціяльныхъ городовъ. Вопросъ объ искусственныхъ городахъ гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ; ибо онъ затрогиваетъ самую больную сторону уродливаго развитія нашихъ государствъ, онъ въ самой тѣсной связи съ нашимъ матеріяльнымъ безсиліемъ и разщепленіемъ, онъ можетъ быть поводомъ къ тому, чтобъ излить огромное количество накопившейся, глубоко основательной горечи и неудовольствія.

«Въ 1848 и 1849 годахъ гессенскія земли на Рейнѣ были настроены особенно демократически. Эта страна получила бы совершенно другое направленіе, еслибы, при начертаніи таунской и майнъ-неккарской желѣзной дороги, Маинцъ не былъ задвинутъ въ уголъ, для процвѣтанія Дармштадта, искусственнаго центра страны. Такія весьма основательныя соображенія возникаютъ при взглядѣ на всѣ естественныя складочныя мѣста промышленности и торговли; съ ними связывается цѣлый рядъ достойныхъ уваженія опытовъ, которыхъ мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы. Во время нашего революціоннаго движенія, выступила наружу вся глубокая ненависть, все нескончаемое

волненіе зависти естественныхъ историческихъ городовъ противъ искусственныхъ, стоящихъ какъ будто для поруганія исторіи. Въ иныхъ небольшихъ земляхъ народное движеніе клонилось къ освобожденію гораздо больше отъ гнета со стороны искусственнаго главнаго города, нежели отъ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя искони взваливались на землю этимъ главнымъ городомъ. Здѣсь можно отмѣтить весьма замѣчательное явленіе, именно, что въ большей части старинныхъ центровъ торговли и промышленности радикализмъ преобладалъ не только между пролетаріями, но и между достаточными людьми, и даже преимущественно между ними. Именно въ прежнихъ имперскихъ городахъ, которые по преимуществу были колыбелью консервативнаго германскаго гражданства, нашли теперь самый легкій доступъ новѣйшія разлагающія общественныя теоріи. Старая злоба за матеріяльное подавленіе этихъ городовъ нашла для себя въ политическомъ движеніи новый горючій матеріялъ, и произвела то извращенное образованіе партій, вслѣдствіе котораго самый серіозный, обезпеченный въ своемъ благосостояніи мѣщанинъ шелъ рука объ руку съ безродными и неимущими проповѣдниками разрушенія

«Когда я говорю объ искусственныхъ городахъ и искусственныхъ центрахъ земель, тогда я думаю о Карлсруэ въ противоположность Мангейму, Констанцу и пр., о Штутгардтѣ въ противоположность Эслингену, Рейтлингену, Гейльбронну и пр., о Дармштатѣ въ противоположность Маинцу и Франкфурту, о Висбаденѣ въ противоположность Лимбургу, о столичныхъ городахъ сѣверо-западныхъ государствъ въ противоположность Гамбургу, Любеку, Бремену, и т. д. Противоестественность и уродливость всѣхъ этихъ искусственныхъ городовъ заключается вообще не въ томъ, что они существуютъ въ качествѣ городовъ,—нѣкоторые изъ нихъ самаго древняго происхожденія,—также не въ томъ, что они случайно возведены въ резиденціи,—по мнѣ пусть они были бы таковыми и нѣсколько столѣтіи раньше,—но въ томъ единственно и исключительно, что эти города были искусственно и произвольно произведены въ торговые центры, въ промышленные склады, въ *большіе* города. Искусственные города находятся въ томъ же положеніи, какъ маленькія государства, которыя могли бы имѣть право существовать, еслибы они не хотѣли вести себя какъ великія державы. Собственно,

искусственные города—главная подпора и контрафорсъ малыхъ государствъ, ибо тѣ и другія имѣютъ одинаковыя причины страшиться народныхъ реформъ, сообразныхъ съ естественными условіями исторіи.

«Полтораста лѣтъ тому назадъ, каждый монархъ хотѣлъ имѣть свой собственный Версаль: похвальное желаніе, еслибы только у всякаго были на то деньги. Съ наполеоновскихъ временъ пошли еще далѣе: каждая крошечная резиденція должна была сдѣлаться Парижемъ; это уже совершенно уродливое желаніе. Милліоны были собираемы, чтобы вытянуть вверхъ города, которые, какъ всѣ вышеназванные, съ самаго своего основанія не попали въ свою колею.

«Еслибы, вмѣсто того, содѣйствовали теченію сотенъ тысячъ къ надлежащимъ мѣстамъ, то матеріяльное могущество страны удесятерилось бы, тогда какъ теперь оно раздробилось и ослабѣло. Отведя на половину естественную струю народнаго обращенія и проведя новые каналы, старымъ городамъ оставили слишкомъ мало для жизни, а новымъ, искусственнымъ, дали слишкомъ много для скорой смерти. Въ иныхъ государствахъ, правительства привлекли въ искусственные главные города неимущія массы, посредствомъ разныхъ льготъ, для удовлетворенія мелочному тщеславію возможно большей цифры народонаселенія. При этомъ оставлено было безъ всякаго вниманія, что подобными средствами заживо погребали прочность городскаго быта и разрушали цвѣтъ ремесленной дѣятельности. Однако въ послѣдніе года нельзя уже было не видѣть, что именно пролетаріатъ, собранный правительственными мѣрами въ искусственные города, былъ самый бѣдственный и необузданный. Ему не доставало только силы. Эту силу онъ получитъ какъ только улицы и площади нашихъ искусственныхъ городовъ зарастутъ травою, и тогда это будетъ пролетаріатъ самаго опаснаго рода.

«Въ то время, какъ совершался процессъ разложенія Германской имперіи, всюду въ Германіи преобладало и прилагалось убѣжденіе, что центръ тяжести политической жизни долженъ быть поставленъ въ тѣхъ пунктахъ, къ которымъ тяготѣютъ промышленность и торговля, нравственное и матеріяльное движеніе народа. Такимъ нутемъ образовались многія новѣйшія германскія резиденціи, которыя имѣютъ за собою по крайней мѣрѣ ориги-

нальность, ибо ничего подобнаго нѣтъ въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ здѣсь является странная игра исторіи: открытыя распри средневѣковыхъ сословій противъ монарховъ и ихъ городовъ и бурговъ продолжаются въ ненасытимой зависти и оппозиціи противъ искусственныхъ средоточій дворовъ и бюрократіи. Ибо на это обстоятельство надо обратить особенное вниманіе: искусственные города явились настоящими замками бюрократіи и служитъ весьма вѣрными символами исключительности бюрократической касты.»

Въ XVIII столѣтіи искусственные города возникали по прихоти правителей, вслѣдствіе ихъ ненависти къ древнимъ средоточіямъ самостоятельной гражданской жизни. Въ XIX вѣкѣ многіе подобные города созданы прихотью и крайностями современной цивилизаціи. Сюда особенно относятся города съ минеральными водами и разными лѣчебными учрежденіями, плодящіеся какъ грибы, маленькіе фабричные города и особеннаго рода *туристскіе* города, внезапно возникающіе вокругъ гостинницъ въ красивыхъ мѣстоположеніяхъ. Минерально-лѣчебная промышленность чудовищно разрослась особенно въ послѣднее время, и не заключаетъ въ себѣ никакой прочности и постоянства. Всѣ промыслы этихъ блестящихъ городовъ съ минеральными водами зависятъ отъ бо́льшаго или меньшаго наплыва иностранцевъ во время лѣчебнаго сезона, а это зависитъ отъ разныхъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, моды, случая. Обыкновенно эти заведенія должны нищенски вытягивать свой постоянный доходъ отъ французскихъ содержателей азартныхъ игоръ. Такъ даже Висбаденъ, столица и резиденція великаго герцога нассаускаго, отданъ въ аренду игорной компаніи; уплачиваемая ею правительству ежегодная сумма составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ (едва ли не самый главный) всего герцогства. Но безъ этого учрежденія невозможны были бы всѣ утонченія роскоши, которыми украшенъ городъ для иностранныхъ посѣтителей.

Мы слышали (и находимъ это весьма естественнымъ), что модныя минеральныя воды имѣютъ самое разрушительное дѣйствіе на мѣстное народонаселеніе; городъ, большею частію мѣстечко, имѣющее весьма мало постоянныхъ жителей, внезапно переносится на нѣсколько мѣсяцевъ совершенно въ другую для себя сферу: заводятся увеселенія, привозятся товары, вообще

устраивается жизнь на такой широкій и роскошный ладъ, который совершенно чуждъ естественнымъ потребностямъ, понятіямъ и истиннымъ средствамъ мѣстныхъ жителей. Но главная, по нашему мнѣнію, особенность этихъ лѣтнихъ средоточій европейской жизни, особенность, не могущая имѣть благаго вліянія на просвѣщеніе и нравственность мѣстнаго населенія, состоитъ въ томъ, что оно входитъ въ извѣстныя промышленныя, торговыя, общественныя отношенія къ людямъ на два мѣсяца, на одинъ мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы большею частію никогда болѣе не видать ихъ. Тутъ дѣло идетъ о томъ, какъ бы только скорѣе и больше выиграть, никакая сдѣлка не можетъ имѣть никакихъ серіозныхъ послѣдствій на будущее время. Самое вредное вліяніе обнаруживаетъ эта жизнь на нравственность женщинъ. Но мы не считаемъ этотъ предметъ довольно важнымъ и занимательнымъ для читателей, хотя и могли бы сообщить здѣсь весьма многія наши личныя наблюденія.

Затѣмъ, по мнѣнію г. Риля, неестественный ростъ городской жизни и городскаго населенія въ Европѣ обнаруживается не только въ образованіи искусственныхъ городовъ, но и въ тѣхъ гигантскихъ размѣрахъ, которые принимаютъ иные старые большіе европейскіе города или такъ-называемые всемірные. Здоровый типъ старой Англіи выраждается въ Лондонѣ; Парижъ— вѣчно гноящійся нарывъ Франціи. Первобытная, настоящая родина чудовищныхъ центральныхъ городовъ есть Китай, вообще Востокъ—страна политическаго и общественнаго оцѣпенѣнія. Въ этомъ всеобщемъ стремленіи всѣхъ германскихъ большихъ городовъ сдѣлаться Лондонами и Парижами, теряютъ они всю прелесть своей оригинальности. Быстрое возрастаніе этихъ городовъ происходитъ не чрезъ постоянный излишекъ раждающихся противъ умирающихъ, а чрезъ постоянныя переселенія всей страны и малыхъ городовъ въ большіе. Но въ этомъ переселеніи главную часть составляютъ одинокіе люди, еще не имѣющіе никакого призванія, постояннаго занятія, никакого дома, идущіе искать счастія въ большомъ городѣ. Внѣ большихъ городовъ общественныя положенія составляются медленно; въ большихъ городахъ дѣлаются быстрыя каррьеры. Но и въ большихъ городахъ, переселяющіеся водворяются не на продолжительное время. Сюда переселяются: работники по части издѣлій роскоши, спекулянты,

учащіеся, сидѣльцы, служители, поденщики и пр., однимъ словомъ пролетаріатъ страны. Въ большихъ городахъ умножаются не тѣ ремесла, которыя служатъ къ удовлетворенію необходимыхъ потребностей, но скоротечныя ремесла роскоши и моды, питающія пролетаріатъ.

Въ остальной части страны народонаселеніе живетъ большею частію *семейно*, въ большихъ городахъ *одиночно*. Этотъ одиночный холостой характеръ жизни развивается съ самымъ возрастаніемъ большихъ городовъ. Причина этому весьма естественна. съ возрастаніемъ народонаселенія постоянно возрастаетъ дороговизна въ большихъ городахъ. Безсемейность жизни еще болѣе разъединяетъ жителей большаго города съ народонаселеніемъ страны, и дѣлаетъ интересы ихъ еще болѣе другъ другу чуждыми, тогда какъ народонаселеніе большаго города съ каждымъ днемъ получаетъ болѣе политическаго и общественнаго перевѣса и оказываетъ давленіе на страну. Уже въ 1840 году на 45 душъ всего народонаселенія Пруссіи приходился одинъ Берлинецъ, на 35 Французовъ одинъ Парижанинъ, и на 15 Англичанъ одинъ жилъ въ Лондонѣ. Въ этихъ цифрахъ заключается многое для размышленія. Постоянное переселеніе изнутри страны въ большіе города болѣе ослабляетъ народонаселеніе чѣмъ переселеніе въ другія страны.

«Всего болѣе бросается въ глаза, говоритъ г. Риль, отношеніе города къ деревнѣ въ Бельгіи. Это маленькое государство постепенно преобразуется въ чисто-городское государство. Уже по народной переписи 1850 г., на двухъ Бельгійцевъ приходился одинъ горожанинъ! Города царствуютъ здѣсь надъ страною, городская промышленность надъ крестьянскою, какъ ни въ какой другой землѣ европейскаго материка, на пространствѣ, равномъ Бельгіи. Возрастаніе городовъ идетъ здѣсь съ быстротою бури. Народонаселеніе Брюсселя, въ теченіи 45 лѣтъ, почти удвоилось, Гента — болѣе чѣмъ удвоилось, Антверпена — увеличилось, по крайней мѣрѣ, на одну треть. Между тѣмъ въ этомъ преобладаніи городской жизни въ Бельгіи нѣтъ ничего произвольнаго и искусственнаго; оно коренится въ исторіи, природѣ и положеніи страны. Конституція новѣйшей Бельгіи, предполагающая *тождество мѣщанства съ обществомъ*, соотвѣтствуетъ состоянію страны, по преимуществу городской, мануфактурной, и совер-

шенно по праву возбуждаетъ всеобщія похвалы, какъ возможно лучшая для Бельгіи. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы политическое устройство, лучшее для Бельгіи, было по тому самому лучшее для Германіи. Въ Германіи существуютъ совершенно другія отношенія города и деревни. Отвлеченная политика доктринеровъ, конечно, мало заботится о подобныхъ различіяхъ страны и людей. Сущность и преимущество общественной политики заключается именно въ томъ, что ею выдвигается впередъ всего уваженіе этихъ различій.

«Современные большіе города, растянувшіеся въ чудовищные и безобразные размѣры, сами собой утрачиваютъ всякій своеобразный характеръ и личность. Каждый большой городъ стремится быть *всемірнымъ*, то-есть, уподобиться всѣмъ другимъ городамъ и сгладить даже отличительныя черты народности. Въ большихъ городахъ живетъ уравнивающій космополитизмъ. Здѣсь исчезаютъ естественныя различія общественныхъ группъ; и новѣйшее воззрѣніе, которое кромѣ категорій богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, не знаетъ болѣе никакихъ сословій, здѣсь уже не вымыселъ, а содранная пластыремъ большихъ городовъ голая истина. Всемірные города—это колоссальная энциклопедія нравовъ, также искусствъ и промышленности всей образованной Европы. Я понимаю гордость этой мысли; я понимаю, какую обильную жатву соберутъ въ этихъ энциклопедіяхъ творческіе и изобрѣтающіе промышленные таланты, торговля, вся вещественная дѣятельность. Гдѣ люди сходятся въ обширныя массы, тамъ вездѣ процвѣтаетъ промышленность (Industrialismus), и политико-экономы тому радуются. Но здоровые успѣхи гражданскаго общества не всегда тамъ, гдѣ большія массы, а равно и не въ пустынныхъ общинахъ горныхъ крестьянъ. Эти успѣхи требуютъ средней гармонической мѣры въ протяженіи человѣческихъ осѣдлостей. Вмѣстѣ съ большими энциклопедіями нашей литературы, проникъ къ намъ, какъ извѣстно, и духъ *энциклопедистовъ*. А этотъ духъ нельзя назвать хорошимъ. Та же самая участь предстоитъ и этимъ колоссальнымъ энциклопедіямъ большихъ городовъ и ихъ дальнѣйшимъ изданіямъ Въ большіе города посылаютъ молодыхъ людей для того, чтобъ они узнали свѣтъ. Возвратясь домой, бо́льшая часть изъ нихъ привозятъ съ собой шумъ, смятеніе, нетрезвость энци-

клопедизма и не зрѣлыя понятія. Кто видитъ все заразъ, тотъ ничего не видитъ. Жителю большаго города не нужно странствовать, онъ можетъ наблюдать міръ самымъ удобнымъ образомъ, внутри своихъ городскихъ стѣнъ; онъ ждетъ, чтобы къ нему пришелъ міръ, вмѣсто того чтобы самому идти на встрѣчу міру. А умъ созрѣваетъ только въ странствованіяхъ, посреди которыхъ воззрѣніе на природу, народную жизнь, на человѣка, пріобрѣтается постепенно, шагъ за шагомъ. Кто шаритъ кругомъ въ свѣтѣ, какъ въ энциклопедіи, тотъ случайно выигрываетъ, а не пріобрѣтаетъ, и потому изъ выигранаго немногое сохраняетъ.

«Огромное большинство великихъ людей Германіи, особенно въ искусствѣ и наукѣ, пришли изъ малыхъ городовъ, изъ внутренности страны. Великаго человѣка производитъ сосредоточеніе умственныхъ силъ на одномъ пунктѣ, чего напрасно стали бы мы искать въ энциклопедизмѣ всемірнаго города. Когда выдвигающіеся изъ общаго уровня таланты готовы и созрѣли, тогда переводятъ ихъ въ центральные города, гдѣ весьма часто обращаются-они въ пенсіонеровъ.

«Художественная дѣятельность среднихъ вѣковъ развивалась въ среднихъ городахъ, и гораздо своеобразнѣе, чѣмъ наша. Тѣ художники видѣли, слышали и читали, хотя не такъ много, какъ наши, но можетъ-быть по тому самому и могли творить изъ глубины души. На всемъ же нашемъ новѣйшемъ искусствѣ лежитъ ржавчина большихъ городовъ. Во всей Европѣ театръ погибъ, на нѣсколько поколѣній, черезъ ненасытимыя требованія пышности и блеска парижской публики, по преимуществу большегородной. Въ Германіи дѣйствительно почти невозможенъ хорошій театръ въ малыхъ размѣрахъ; ибо германскій филистеръ былъ и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ, онъ будетъ смотрѣть на маленькую сцену, въ своемъ вороньемъ гнѣздѣ, глазами жителя большихъ городовъ. Между тѣмъ подобные провинціяльные театры были когда-то прибѣжищами далеко болѣе чистаго и народнаго драматическаго искусства.

«Въ архитектурѣ, казарменная система новѣйшихъ построекъ домовъ въ большихъ городахъ произвела самый рѣшительный вредъ. Но тѣмъ менѣе можно будетъ оставить ее, чѣмъ болѣе будетъ приливать въ большіе города безсемейныхъ людей, а

семейная жизнь будетъ сосредоточиваться въ однѣхъ деревняхъ. Уже не оказывается достаточно мѣста для одинокихъ работниковъ и поденщиковъ, потому что, какъ жильцы, они не представляютъ довольно выгодъ для хозяевъ-спекулянтовъ. Въ Берлинѣ этотъ вопросъ о квартирахъ угрожаетъ сдѣлаться общественнымъ вопросомъ, и скоро принуждены будутъ, волей или неволей, строить въ подобныхъ городахъ казармы для пролетаріевъ (это предсказаніе сбывается въ Парижѣ). Дома для товариществъ работниковъ въ Англіи—уже казармы подобнаго рода, и все идетъ къ тому, чтобы пересадить ихъ и на германскую почву. Ихъ прекрасно устроятъ, всѣ возможныя усилія будутъ напряжены, чтобы доставить работникамъ вознагражденіе за утраченную семейную жизнь, но все-таки подобные дома останутся казармами.

«Мы бы могли продолжать далѣе это обозрѣніе, и тогда увидѣли бы, что и въ музыкѣ, и въ живописи дѣйствуетъ то же разлагающее вліяніе большихъ городовъ. Художественныя выставки, съ своими парадными произведеніями, достаточно указываютъ на вкусъ пресыщенной и тщеславной публики большихъ городовъ, которая прежде всего требуетъ искусства на показъ. Столь много имѣющая общественнаго значенія, домашняя и семейная музыка почти совершенно подавлена большегородными виртуозами и пышностію ихъ музыкальныхъ представленій.

«Но мы должны взглянуть и на противоположную сторону. Во всемірныхъ городахъ, какъ коренныхъ центрахъ промышленности и роскоши, ремесло начинаетъ опять проникаться художественными элементами, какъ того не видно было уже нѣсколько столѣтій. Это свѣтлая сторона большегородной сферы, которая всегда будетъ представляться въ особенно-яркомъ освѣщеніи, съ точки зрѣнія вещественной дѣятельности. Въ эпохи, бывшія по преимуществу художественными, и потомъ уже второстепенно промышленными, не было никакой опасности для высшихъ, идеальныхъ интересовъ искусства, въ этомъ сліяніи его съ ремесломъ. Въ настоящее же время, наоборотъ, мы прежде промышленники и потомъ уже художники. Потому-то всѣ такъ увлечены заблужденіемъ, что блескъ ремесленной техники въ произведеніяхъ искусства—само искусство. Это заблужденіе, низводящее идеальное содержаніе искусства на степень рабства передъ техникой, находитъ невѣроятно много пищи въ художественной дѣятельности большихъ городовъ.

«Окончательная побѣда техники въ искусствѣ и обращеніе искусства въ рабство произведеніямъ роскоши, явились на лондонской выставкѣ Она была торжествомъ духа большихъ городовъ, отпразднованнымъ въ первомъ большомъ городѣ Европы. Ея послѣдствія неисчислимы потому уже, что упоеніе побѣды промышленнаго духа (индустріализма) сдѣлало ихъ непрерывными на много лѣтъ. Въ залахъ кристальнаго дворца выставлены были изображенія греческихъ боговъ, для украшенія новѣйшихъ мануфактурныхъ товаровъ. Самъ Жюль-Жаненъ, дитя Парижа, думалъ, что Аполлонъ Бельведерскій игралъ тамъ такую роль, какъ будто онъ былъ запряженъ въ тюкъ товаровъ; Юпитеръ — какъ будто онъ выставленъ вмѣсто вывѣски надъ гостинницею. Но остережемся, чтобы посреди побѣдоносныхъ кликовъ матеріяльнаго труда не было вовсе забыто высшее достоинство умственнаго творчества. Я долженъ, по крайней мѣрѣ, признаться, что посреди всѣхъ блистательныхъ подробностей открытія выставки, громогласно повѣщенныхъ во всѣ края свѣта, только одно явленіе произвело на меня истинно-теплое, сердечное впечатлѣніе. Когда кентерберійскій архіепископъ произнесъ свою молитву, сонмы пѣвцовъ запѣли «аллилуія» Генделя, и передъ повергающимъ во прахъ величіемъ этого идеальнаго произведенія глубокомысленнаго германскаго художника преклонились потрясенные и гордые сыны промышленнаго вѣка!

«Въ то именно время сравнивали, съ наглымъ и презрительнымъ вертопрашествомъ, крѣпкую какъ темница и тяжеловѣсную кельнскую башню, которую шесть столѣтій не могли окончить, съ великолѣпіемъ кристальнаго дворца, съ легкимъ, воздушнымъ зданіемъ, чародѣйски воздвигнутымъ въ одну зиму. Здѣсь рѣзко высказалось то свойственное большимъ городамъ направленіе превозносить чисто-техническое мастерство надъ созданіями искусства цѣльнаго, выросшаго въ глубинѣ духовной жизни человѣчества. Мы не можемъ ни прибавить, ни убавить на волосъ всѣми признанной славы такого необыкновеннаго техника какъ Пакстонъ. Но мы обязаны протестовать, когда хотятъ мѣрить лондонскимъ коммерческимъ локтемъ первостепенное произведеніе искусства, порожденное всѣмъ духовнымъ богатствомъ религіознаго и художественнаго вдохновенія нѣсколькихъ столѣтій, и понятіе о быстротѣ выполненія чисто-технической по-

стройки, какъ кристальный дворецъ, переносить на художественное созданіе архитектуры. Въ такомъ случаѣ Лука Фа-Престо былъ бы величайшимъ живописцемъ, потому что онъ всѣхъ скорѣе писалъ. Ремесло обязано искусству первымъ отеческимъ благословеніемъ; оно не должно отплачивать за это неблагодарностію, требуя, чтобъ искусство преклонялось передъ техникой.

«Въ простотѣ смысла художественной красоты заключался отличительный характеръ древняго эллинскаго міра. Но когда онъ сдѣлался одностороннимъ на высшей степени своего цвѣта, Эллада сокрушилась въ нравственномъ, политическомъ и общественномъ отношеніи. Мистика религіозной жизни, въ соединеніи съ дивнымъ строеніемъ общества, произвела въ средніе вѣка то выспреннее творчество, которое воздвигло наши соборы. Но когда архитектура этихъ зданій достигла апогея своего цвѣта, средніе вѣка сокрушились. Преобладающій промышленный духъ XIX столѣтія довершаетъ свое творчество созданіемъ этихъ дивныхъ колоссовъ, новѣйшихъ всемірныхъ городовъ, и въ величайшихъ изъ нихъ выставилъ эти храмы промышленности. Эти города и храмы соотвѣтствуютъ другъ другу; тѣ и другіе—*свободный, воздушный домъ*. Но вѣкъ промышленнаго духа (индустріализма) достигнетъ еще полнѣйшей зрѣлости, еще сильнѣйшаго цвѣта, и съ нимъ и чрезъ него сокрушится новѣйшій міръ, міръ большихъ городовъ, и эти города, вмѣстѣ съ промышленными храмами, можетъ-быть еще болѣе баснословные, чѣмъ нынѣшніе, будутъ стоять какъ торсы, какъ тѣ полуразвалившіяся статуи древняго міра, съ балками на головахъ, какъ Кёльнскій соборъ съ краномъ (подъемною машиною) на вершинѣ. Гдѣ всемірная исторія произнесла надъ минувшими временами трагическіе приговоры, тамъ не должны бы мы съ легкомысленнымъ самообольщеніемъ прикладывать узкую мѣрку текущаго дня, и восклицать: *посмотрите, какъ мы велики!*»

Несмотря на всю излишнюю строгость этого приговора надъ современными большими городами и съ ними вмѣстѣ надъ духомъ современнаго индустріализма, нельзя отрицать, чтобы въ рѣзкихъ замѣчаніяхъ автора не было своей доли истины, чтобы въ его увлеченіи, нѣсколько преувеличенномъ, не было самыхъ благородныхъ побужденій. Мы не будемъ затрогивать здѣсь этого предмета во всемъ его объемѣ, хотя нападенія автора на

промышленное направленіе вѣка вызываютъ много справедливыхъ возраженій. Но этотъ предметъ связанъ со многими слишкомъ обширными для настоящей статьи вопросами. Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что посреди всеобщихъ громогласныхъ хвалебныхъ гимновъ настоящей промышленной дѣятельности западно-европейскихъ обществъ, полезно иногда услышать и голоса, настроенные какъ нашъ авторъ, и посреди торжествъ промышленнаго міра не пройдти равнодушно мимо людей, уныло обращающихъ взоръ то къ прошедшему, то къ будущему. Не намъ оспаривать благія послѣдствія успѣховъ промышленности, и конечно, не въ нашемъ отечествѣ, далеко отставшемъ въ этомъ отношеніи отъ западной Европы, и потому слишкомъ далекомъ отъ крайностей современнаго промышленнаго развитія Мы твердо убѣждены, что мы избѣгнемъ этихъ крайностей, вслѣдствіе многихъ и многихъ причинъ; и потому, въ настоящую минуту, мы должны не останавливать промышленное движеніе, а всячески ему способствовать. Но весьма высоко ставя улучшеніе матеріяльнаго благосостоянія народа, и считая его въ настоящую минуту самымъ могущественнымъ орудіемъ для умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ общества, мы все-таки не можемъ считать дѣломъ тождественнымъ общую идею промышленнаго движенія съ одностороннимъ развитіемъ, исключительно барышническихъ и мѣщански-промышленныхъ интересовъ, которое, какъ пѣна, сопровождаетъ успѣхи народнаго труда во многихъ центрахъ промышленной Европы. Впрочемъ мы не будемъ распространяться въ этихъ разсужденіяхъ, оставляя ихъ до другаго раза. Теперь мы бы хотѣли только, передавая печальный приговоръ, произнесенный г. Риделъ надъ большими городами, передать и нѣкоторыя наши личныя впечатлѣнія, весьма для насъ утѣшительныя, собранныя нами въ одномъ изъ большихъ городовъ Германіи. Мы говоримъ о Берлинѣ. Наши впечатлѣнія тѣмъ болѣе умѣстны здѣсь, что критика г. Риля можетъ-быть преимущественно направлена противъ Берлина, такъ какъ г. Риль принадлежитъ, сколько можно судить по многимъ его воззрѣніямъ, къ тому рязряду германскихъ публицистовъ, которые тяготѣютъ къ умственнымъ центрамъ южной Германіи, и недовѣрчиво смотрятъ на сѣверные, и именно на Берлинъ. Это нисколько не должно удивлять насъ; въ политической и ученой Германіи замѣтно какое-то постоянное,

періодическое колебаніе общественнаго мнѣнія, то къ югу, то къ сѣверу. Въ послѣднее время Пруссія потеряла много своей популярности; нельзя сказать, чтобъ Австрія сдѣлалась особенно популярною, но нѣкоторыя со стороны австрійскаго правительства какъ будто попытки государственныхъ преобразованій, свѣжія, нетронутыя силы нѣкоторыхъ южныхъ народностей, сосредоточеніе многихъ силъ умственной и художественной дѣятельности въ столицѣ Баваріи, проведеніе новыхъ путей, облегчившихъ сообщенія съ южною Германіею, — все это привлекло къ югу любопытство, надежды, сочувствія. А главная причина въ томъ, что Пруссія много потеряла послѣ неудачныхъ событій 1848 года. Вся сколько-нибудь мыслящая Германія до сихъ поръ не можетъ простить этого печальнаго года Пруссіи и особенно прусскому правительству. Безъ сомнѣнія, симпатіи еще возвратятся къ сѣверу. Одинъ ученый средней Германіи, то-есть собственно этой колеблющеися средины, сказалъ намъ: «Въ Берлинѣ стараются ослѣпить пріѣзжихъ внѣшнимъ блескомъ, за которымъ мало внутренняго содержанія; тамъ все устроено напоказъ, для выставки. Въ Австріи дѣлаютъ гораздо болѣе, но молчатъ.» Не знаемъ, были ли мы дѣйствительно ослѣплены, но только мы убѣждены, что ослѣпленіе наше происходило не отъ фальшиваго свѣта. Говорятъ, да и мы сами замѣтили, что Берлинъ много измѣнился въ послѣднее время, много утратилъ германской простоты нравовъ, много занялъ привычекъ роскоши и утонченія матеріяльной жизни съ запада. Однако, посреди всего этого, та умственная жизнь Германіи, которой онъ уже давно одинъ изъ лучшихъ представителеи, не только не погасла здѣсь, но кажется зажглась новымъ пламенемъ. Если нѣкоторые оставшіеся въ живыхъ авторитеты науки состарѣлись, новыхъ первостепенныхъ свѣтилъ вовсе не является, то дѣятельность науки и искусства вступила здѣсь въ новую фазу своего развитія, — распространенія результатовъ знанія въ народныхъ массахъ, популяризованія, но въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Въ Берлинѣ особенно ярко предстала намъ эта новая фаза умственной жизни общества, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ нашего вѣка. О новомъ берлинскомъ музеѣ было много говорено, и даже были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія на страницахъ нашего журнала (въ письмахъ г. Кудрявцева). Въ теченіи нашего кратковременнаго пребыванія

въ Берлинѣ, мы не довольно изучили это громадное созданіе, чтобы смѣть говорить о немъ передъ публикою. Но мы были поражены идеею этого предпріятія, ежедневно приближающеюся къ полному осуществленію, несмотря на всю колоссальность плана. Музей долженъ представить, частію въ подлинникахъ, частію въ снимкахъ, образцы искусства и промышленности всѣхъ временъ и народовъ, однимъ словомъ живую исторію религіозной, умственной, эстетической и вещественной жизни человѣчества. Передъ вами возстаютъ египетскіе, греческіе, римскіе храмы въ всей ихъ дѣйствительности; цѣлый рядъ залъ переноситъ васъ въ иной міръ, гдѣ нѣтъ ни единой вещицы, напоминающей о настоящемъ. Это не какое-нибудь театральное представленіе, это не декораціи, разсчитанныя на тотъ или другой оптическій обманъ; всѣ мельчайшія подробности архитектуры, живописи, домашней утвари, изучены и возстановлены съ трудолюбіемъ германской науки. И здѣсь, вполнѣ предаваясь наслажденію, передъ совершеннѣйшими созданіями красоты, наконецъ осязательно понимаешь, какую важность наука имѣетъ для искусства. Этнографическое отдѣленіе должно заключать въ себѣ образчики одежды, орудій, утвари и т. д., всѣхъ племенъ земнаго шара. Далѣе, подлинные остатки искусства въ разныя времена, начиная съ самыхъ младенческихъ попытокъ до новѣйшаго времени. Всѣ лучшія произведенія ваянія и живописи должны воидти сюда, если не въ оригиналахъ, то въ копіяхъ. Порядокъ и система доведены до послѣдней крайности германской учености. Когда музей будетъ оконченъ, изданы каталоги, то можно будетъ читать его какъ книгу. Входъ въ музей открытъ для всѣхъ безъ изъятія, безъ всякихъ билетовъ и безвозмездно. (Пока нѣкоторыя залы новаго музея еще не совершенно окончены, то для избѣжанія накопленія публики, неудобнаго для работъ, за входъ назначена ничтожная плата.) Въ залахъ ежедневно толпится публика; большинство ея, сколько мы замѣтили, состоитъ изъ простаго народа: изъ ремесленниковъ, поденщиковъ и солдатъ. Насъ особенно занимали лица посѣтителей, эта серіозность физіономіи, сосредоточенность взгляда, вниканіе въ разсматриваемую вещь, глубокое уваженіе ко всему окружающему и безъ всякаго полицейскаго надзора. Служители съ достоинствомъ прохаживаются по комнатамъ, указываютъ на замѣчательнѣйшіе

предметы, пускаясь въ разныя историческія поясненія и, кажется, положили всю свою душу, всю свою честь въ отдѣленіе, къ которому приставлены. Но совѣстливость и преданность своему долгу въ прусскихъ должностныхъ лицахъ всѣхъ званій—баснословная. Нѣкоторые изъ служителей (въ старомъ музеѣ) занимаются въ свободное время дѣланіемъ слѣпковъ съ медалей, рельефовъ и пр., для продажи. Мы видѣли цѣлыя бесѣды простолюдиновъ, чинныя и спокойныя, передъ какою-нибудь картиной или изваяніемъ. Мы видѣли солдата, рисующаго передъ Психеей Кановы въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, для собственнаго своего удовольствія. Самыя безцеремонныя обнаженности статуй и на картинахъ не возбуждаютъ ни единаго неприличнаго замѣчанія въ посѣтителяхъ, ни единой шутки. Къ сожалѣнію, мы не забыли слышанное нами громогласное восклицаніе одного посѣтителя (не Нѣмца) передъ одною статуей, въ Дрезденской галлереѣ, и даже восклицаніе, обращенное къ женѣ. Но способность хладнокровно, отвлеченно отъ всякаго нескромнаго помысла, разсматривать и обсуждать пластическія красоты составляетъ, кажется, особенную принадлежность Германца; понятіе о неприличіи этихъ красотъ, кажется, одинаково чуждо здѣсь всякой женщинѣ. Неужели это одно не свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о простотѣ нравовъ? Передъ классическими обнаженностями также нетревожно останавливается и строгая мать семейства съ своими дочерьми, и легкая жертва общественныхъ соблазновъ. Идея всякаго художественнаго образа прежде всего увлекаетъ Германца, какія бы ни были связаны съ этимъ образомъ наслажденія для чувствъ. Мы еще болѣе убѣдились въ этомъ во время даннаго при насъ на Берлинскомъ королевскомъ театрѣ представленія Фауста Гете. Фаустъ (разумѣется, только первая часть) на сценѣ, со всѣми своими монологами, безъ всякихъ сокращеній, безъ всякихъ пропусковъ, безъ всякихъ измѣненій! ... Но что̀ превзошло всякія наши ожиданія, такъ это публика. Какъ ни глубоко поразительны были многія минуты на сценѣ, какъ ни дороги всѣ тѣ личныя воспоминанія, которыя невольно возстаютъ въ душѣ при стихахъ Фауста, но насъ особенно интересовала публика, заключавшая въ себѣ немного лицъ высшаго тона и весьма много простолюдиновъ Представленіе продолжалось около пяти часовъ;

роль Фауста исполнялъ неизвѣстный актеръ дебютантъ; роль Маргариты—г-жа Зебахъ, пользующаяся въ настоящее время большою славою въ Германіи. Въ теченіи всего представленія тишина была совершенная, изрѣдка раздавались умѣренныя рукоплесканія; казалось, мы присутствуемъ при какомъ-нибудь тайнодѣйствіи, посреди толпы, происполненной благоговѣнія. И не только внизу, но и въ самомъ верху не было ни малѣйшаго шороха, а царствовало напряженное вниманіе къ каждому слову. Фаустъ — *популярное представленіе* въ Берлинѣ! И въ самомъ дѣлѣ это такъ, безъ всякаго преувеличенія. Вмѣстѣ съ актерами, шепотомъ, въ какомъ-то религіозномъ благоговѣніи, повторялись наизусть стихи даже въ райкѣ; ни малѣйшаго поползновенія къ смѣху, при всѣхъ юмористическихъ и ироническихъ выходкахъ Мефистофеля. А въ подобныхъ случаяхъ шумъ райка бываетъ обыкновенно невыносимъ; здѣсь мы опять невольно вспомнили представленіе Гамлета, когда-то видѣнное нами на Александринскомъ театрѣ. Тутъ не одинъ раекъ, а первые ряды креселъ безпрестанно разражались смѣхомъ, приводившимъ въ отчаяніе; притомъ нужно замѣтить, что роль Гамлета игралъ любимецъ публики, Каратыгинъ. Но зачѣмъ сравненія, тѣмъ болѣе, что, когда рѣчь идетъ объ умственномъ развитіи берлинской публики, сравненія трудны? Какъ ни любима г-жа Зебахъ, какихъ восторговъ ни возбуждаетъ она вообще въ роли Маргариты, но два раза, за нѣкоторую утрировку и излишніе крики, она была тотчасъ ошикана, шиканье преимущественно раздавалось сверху. Публика крайне чувствительна ко всякому сколько-нибудь фальшивому звуку или движенію, и дѣйствительно эстетическая чувствительность распространена здѣсь гораздо больше въ массахъ публики, чѣмъ даже въ фешіонебельныхъ ея окраинахъ. Впрочемъ такъ и должно быть. Роль Фауста была выполнена молодымъ актеромъ съ такимъ одушевленіемъ, что невозможно было оставаться равнодушнымъ. Дѣло въ томъ, что каждое слово, произнесенное актеромъ, казалось, было глубоко изучено и почувствовано имъ; а чтобы дѣйствительно почувствовать все то, что̀ положено творцомъ Фауста въ его твореніе, надо много думать и *многое знать* Мы, казалось, видѣли передъ собой того мученика *мысли*, того истерзаннаго, того гордаго, того уничтоженнаго

мыслію человѣка, какого мы знаемъ въ Фаустѣ, воплощающемъ въ себѣ весь геній германскаго народа. Единственный возможный драматизмъ подобнаго представленія заключается въ роли Фауста; ибо весь драматизмъ здѣсь во внутренней, психической драмѣ, совершающейся въ душѣ Фауста. Поэтому, чтобы дѣйствительно явиться сколько-нибудь драматическимъ или трогательнымъ лицомъ на сценѣ, здѣсь необходимо актеру (по крайней мѣрѣ такъ намъ кажется) пріобщиться тому внутреннему міру мысли и науки, который олицетворенъ въ Фаустѣ.

Видѣли мы также загородные публичные балы въ Берлинѣ. Представьте, и здѣсь, какъ вездѣ, преобладаетъ тотъ же нравственный характеръ общественныхъ отношеній, та же чинность, наложившая особенную печать на всѣ стороны жизни въ Германіи, и особенно на отношенія половъ. Женщина и здѣсь вполнѣ обезпечена отъ всякаго не только вещественнаго оскорбленія, но даже отъ малѣйшаго оскорбленія стыдливости своихъ чувствъ; это обезпеченіе заключается не столько въ *чувствѣ чести* мущины, готоваго при малѣйшеи обидѣ, нанесенной публично женщинѣ, заступиться за нее, кто бы она ни была, заступиться съ рыцарскимъ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ (какъ дѣлаютъ Французы, особенно Англичане), но гораздо болѣе въ томъ внутреннемъ глубокомъ уваженіи Германца къ женщинѣ, въ той *нравственности* не только всѣхъ отношеній къ ней, но всѣхъ о неи помысловъ, даже самыхъ затаенныхъ. Правда, женщина для Нѣмца не есть существо, имѣющее привилегію наслажденіи жизни передъ мущиною, взявшимъ на себя весь трудъ жизни, она также не изящное украшеніе гостиной, которой даже вовсе нѣтъ у Нѣмца; она также для него не средство выказать мужественныя свои доблести и свои преимущества передъ другими мущинами; нѣтъ, женщина для него предметъ безцѣльныхъ, но чистѣйшихъ мечтаній (Schwärmereien) въ молодости, и потомъ хозяйка, *труженица*, такая же какъ онъ самъ, и потому его *подруга*. Намъ не повѣрятъ, когда мы скажемъ, что всѣ эти размышленія и наблюденія могли имѣть мѣсто на публичномъ балѣ, въ родѣ парижскаго bal Mabile; но какая однако разница между національностями въ этомъ однородномъ проявленіи! Мы видѣли здѣсь женщинъ, одѣтыхъ въ будничныя

холстинковыя платья съ высокими таліями, напоминающими скорѣе школу, чѣмъ вакханалію, съ безукоризненно-бѣлыми воротничками, говорящими только о порядкѣ тихой жизни, но никакъ не о безпорядкѣ страстей, однимъ словомъ женщинъ, одѣтыхъ, какъ онѣ сами говорятъ, *по своимъ средствамъ*. Такую скромность, трезвость туалета, такое подчиненіе его средствамъ каждаго, и потому, наконецъ, такую нравственность туалета не всегда можно встрѣтить и на балѣ женщинъ лучшаго тона. Мущины и здѣсь также приглашаютъ дамъ со всѣми изъявленіями нещеголеватой нѣмецкой учтивости, начинаютъ и оканчиваютъ каждый танецъ поклонами, дамы строго воздерживаются отъ всякихъ вызывающихъ взглядовъ и движеній; все это очень скучно, согласны, но необыкновенно любопытно.

Теперь, когда подумаешь, что все это происходитъ въ одной изъ значительнѣйшихъ столицъ Европы, въ одномъ изъ всемірныхъ городовъ, со всѣхъ сторонъ охваченномъ и проникнутомъ промышленнымъ движеніемъ вѣка, то невольно спрашиваешь себя: какимъ образомъ можно согласить со всѣмъ нами сказаннымъ жалобы г Риля на всепоглощающее промышленное развитіе современныхъ большихъ городовъ? Преслѣдованіе матеріяльныхъ интересовъ не мѣшаетъ стало-быть удовлетворенію умственныхъ и эстетическихъ потребностей жизни, всеуравнивающій космополитизмъ большихъ городовъ не можетъ стереть тѣхъ особенностей народнаго генія, которыя сложились въ продолженіе вѣковыхъ усилій исторіи. Только въ этихъ-то несокрушимыхъ особенностяхъ народнаго генія, или призванія, и можетъ заключаться народность; для нихъ не страшны никакія обобщенія въ развитіи промышленной, торговой, матеріяльной жизни

Отъ городовъ г. Риль переходитъ къ *общинѣ*, какъ основѣ общества и государства. Община предметъ первостепенной важности, особенно въ Германіи.

Авторъ въ самомъ началѣ замѣчаетъ, что вообще въ чрезмѣрномъ и искусственномъ развитіи городовъ, въ прошедшія два столѣтія, положенъ былъ зародышъ равнодушія германскаго горожанина къ общинной жизни; но и здѣсь городъ и деревня, большіе города и малые города представляютъ много разнообразія. Въ направленіи чисто-раціональной философіи, проникавшей

во всѣ сферы жизни, и въ общественныя и въ политическія воззрѣнія, въ крайне отвлеченномъ характерѣ всѣхъ стремленій XVIII столѣтія, въ заботливости объ исключительно-политическихъ интересахъ государства, было что-то противное духу общинной жизни и ея мѣстныхъ интересовъ. За то ни одно столѣтіе не отличается такою бѣдностью въ развитіи гражданской общины, какъ XVIII. Даже въ сатирахъ того времени можно найдти слѣды презрѣнія къ общинѣ, къ нравамъ и обычаямъ общины, къ должностямъ по выбору общинъ и т. д. Лица, несшія государственную службу, считали для себя привилегіею и почестію быть освобожденными отъ общественныхъ должностей.

Послѣ коренныхъ преобразованій, обновившихъ Пруссію въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и начавшихся новымъ устройствомъ городовъ, возродилось въ ней и уваженіе къ правамъ и самостоятельности общины, и къ должностямъ по выбору общинъ. Глубоко-государственный смыслъ Штейна, которому Пруссія обязана новою жизнію, доказывается между прочимъ и тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ самостоятельности общины; онъ ставилъ ее впереди всѣхъ задуманныхъ имъ преобразованій.

Но и въ XVIII столѣтіи ремесленники, мелкіе мѣщане, крестьяне, однимъ словомъ *простой народъ*, имѣли совершенно другое понятіе объ общинномъ бытѣ, нежели просвѣщенные, передовые люди вѣка. Государственная польза, *государственная необходимость* заставляла разрушать внутреннее могущество и самостоятельность городскихъ общинъ; но на сельскую общину, на мелкіе города не было обращено никакого вниманія, ихъ считали слишкомъ ничтожными, и ихъ пощадили. Поэтому уваженіе къ общинному быту сохранилось только между крестьянами и небогатыми мѣщанами. Крестьянинъ еще гордился званіемъ старшины, сборщика податей и т. д. «Мы община N. N.» — въ такомъ горделивомъ множественномъ числѣ писались посланія германскихъ деревень къ монархамъ. Мелкіе мѣщане въ германскихъ городахъ также держались своей общины, и видѣли въ ней цѣлый міръ. *Свободные умы* XVIII столѣтія не имѣли никакого сочувствія къ самостоятельности общиннаго духа, преслѣдовали его своими насмѣшками и сарказмами; но это доказываетъ ихъ легкомысліе, поверхностность ихъ политическихъ воззрѣній.

Въ настоящее время, *община* въ Германіи существуетъ болѣе въ деревняхъ чѣмъ въ городахъ, болѣе въ малыхъ городахъ чѣмъ въ большихъ, и всего менѣе въ новыхъ городахъ. Старые имперскіе города во многомъ еще сохранили общинный духъ, устройство и обычаи самостоятельной общины. Безъ всякаго сомнѣнія, такіе города, какъ Гамбургъ, Франкфуртъ, Бременъ, Любекъ, въ высшей степени проникнуты всѣми вліяніями современнаго просвѣщенія. Но несмотря на колоссальное свое развитіе, эти города все-таки остались *естественными* промышленными центрами. Въ этихъ городахъ число жителей, не пользующихся полными правами мѣстнаго гражданства, или иностранныхъ гостей (такъ-называемыхъ пермиссіонистовъ), всюду разъединяющихъ прежнее обособленіе и замкнутость общины, возрастаетъ чрезвычайно. Но не взирая на это, въ названныхъ городахъ полагается весьма строгое различіе между коренными гражданами и пришельцами; о такомъ различіи въ чисто-новѣйшихъ городахъ не имѣютъ никакого понятія; въ нихъ не знаютъ, что̀ такое *чужой*.

«Въ лицѣ общины, говоритъ г. Риль, получаетъ народъ первое понятіе о государствѣ. *Но не политическая форма, а общественное содержаніе общинной жизни привязывало и привязываетъ къ себѣ народъ*. Потому дѣйствительно политическому духу народа въ Германіи нанесенъ былъ смертельный ударъ, когда при Наполеонѣ и послѣ него старались водворить въ Германіи французское централизированное общинное устройство, ибо въ этомъ видѣ община только политическая форма. Государственные люди доказали этимъ, что они потеряли всякую идею о народной, общественной политикѣ. Подобнымъ умерщвленіемъ общественнаго значенія въ общинѣ положено было основаніе новѣйшаго бюрократическаго государства. Чрезъ позднѣйшее возстановленіе въ Германіи нѣкоторой самостоятельности прежняго общиннаго устройства, собственно общественная сторона общины была значительно освобождена изъ-подъ запоровъ; при окончательномъ довершеніи *органическаго* общиннаго устройства, она совершенно раскроется. Путь народа отъ семейства и рода къ государству и обществу, не только въ теоріи, но и въ исторіи, идетъ чрезъ общину.

«Въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій мар-

товскимъ переворотамъ (въ 1848 году), совершенно естественный и правильный инстинктъ слилъ всѣ политическія партіи Германіи въ одно общее стремленіе — преобразовать общинное устройство. Это требованіе, вызванное пробудившимся въ то время *общественно-политическимъ* духомъ, было для многихъ безсознательнымъ влеченіемъ. Община есть не только политическое, но и общественное *товарищество*, необходимое основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ общественныхъ расчлененій. Своими попытками возможно болѣе самостоятельныхъ и свободныхъ общинныхъ учрежденій, ультра-демократическая партія поражала сама себя; ибо политическая самостоятельность общины влечетъ за собою крѣпкую корпоративную замкнутость. Свободныя мѣстныя общины имѣютъ характеръ скорѣе аристократическій, исключительный, чѣмъ духъ насильственнаго демократическаго уравненія. Первобытная германская идея общиннаго имущества, пограничнаго товарищества, круговаго ручательства общинъ и т. д., только съ перваго взгляда кажется преддверіемъ къ устройству имущества по понятіямъ новѣйшихъ коммунистовъ; она нигдѣ не пробудила коммунизма въ формахъ движеній 1848 года, а напротивъ того, замыкаетъ въ себѣ участниковъ общиннаго владѣнія.

«Поэтому когда въ основаніи общиннаго устройства будетъ положена мысль, что община составляетъ только политическое тѣло, а не общественное въ то же время,—результаты будутъ самые фальшивые. Это двойственное значеніе общины требуетъ еще ближайшаго уясненія въ общественномъ мнѣніи. Какъ ни богата литература нашей государственной науки прекрасными изслѣдованіями объ общинѣ, какъ политической корпораціи,—общественное значеніе общинъ еще весьма мало раскрыто. Между тѣмъ нельзя себѣ представить, чтобы современное общество могло упрочиться и облагородиться внѣ соціяльной реформы общиннаго быта.»

Здѣсь мы, и съ своей стороны, позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобъ и наша русская община, и именно сельская, *въ современномъ ея состояніи*, сдѣлалась предметомъ наблюденія и изслѣдованія; мы уже имѣемъ довольно много, сравнительно съ другими вопросами нашей общественной и государственной жизни, историческихъ изслѣдованій о происхожденіи, развитіи и

административномъ устройствѣ нашей общины, можетъ-быть еще болѣе богаты мы спорами объ общинѣ,—но *что такое теперь наша община*, въ какихъ симптомахъ обнаруживается ея жизнь, мы мало знаемъ. Между тѣмъ подобныя изысканія были бы для насъ весьма важны; лишь бы только въ основаніе ихъ были положены наблюденія надъ дѣйствительными фактами, и лишь бы изслѣдователь не отправлялся ни отъ какого напередъ-составленнаго воззрѣнія. Безъ сомнѣнія, при разнообразіи условій нашей народной жизни, общинный бытъ нашъ долженъ быть изученъ отдѣльно въ каждой части Россіи, представляющей какія-нибудь историческія, этнографическія или географическія особенности. Подобная работа физіологическаго анализа не мало подвинула бы можетъ-быть и самый историческій вопросъ.

Нашъ авторъ особенно настаиваетъ на необходимости различать общественную и государственную сторону общины. Эта необходимость особенно выясняется всѣмъ характеромъ современной общественной жизни. Въ прежнее время люди занимались *честными промыслами* большею частію только у себя дома, въ своемъ городѣ, на своей родинѣ. Теперь самые безукоризненно-честные и дѣльные промыслы, самыя серіозныя предпріятія, производятся при безпрестанныхъ переѣздахъ съ одного мѣста на другое. Теперь тысячи людей только тогда могутъ найдти для себя занятіе, когда не будутъ привязаны къ одному мѣсту, и періодически перемѣняютъ одно на другое. И сюда особенно принадлежатъ не мелкіе ремесленники, поденщики, мастера, а люди высшихъ разрядовъ труда, самостоятельные, имущіе, дѣятельные: авдокаты, капиталисты, техники, художники, ученые, писатели и т. д. Именно для всѣхъ чисто-новѣйшихъ группъ общественнаго призванія, для главнѣйшихъ дѣятелей въ современной промышленности, умственномъ трудѣ, государственной службѣ, размѣры одного города, одной деревни, одного околотка стали слишкомъ тѣсны, и среда общины, въ прежнемъ ея видѣ, сдѣлалась имъ совершенно чужда. Не только для собственнаго своего благосостоянія, но и для всеобщаго, всѣ эти люди должны весьма часто перемѣнять мѣсто своей дѣятельности. Здѣсь обнаруживается самое коренное современное различіе между городскимъ и сельскимъ народонаселеніемъ: одно—преимущественно подвижное, другое—преимущественно крѣпко сидящее на од-

номъ мѣстѣ. Въ городахъ большинство народонаселенія теперь пришлое, и весьма скоро оно совершенно поглотитъ въ своей массѣ коренныхъ жителей. Но человѣкъ, перемѣняющій мѣсто своего жительства каждыя пять или десять лѣтъ, не можетъ каждый разъ дѣлаться гражданиномъ новаго мѣста. Потому онъ и не принимаетъ гражданства нигдѣ, а приписывается для формы къ тому городу, гдѣ это можетъ быть сдѣлано самымъ легкимъ и дешевымъ образомъ, то-есть, или къ мѣсту своей родины или къ городу, наименѣе разборчивому въ пріемѣ новыхъ гражданъ, наименѣе самостоятельному въ отношеніи къ своему общинному быту. Такимъ образомъ большинство самыхъ значительныхъ городскихъ жителей въ Германіи не имѣютъ, въ настоящее время, ничего общаго съ тѣмъ городомъ, къ которому они приписаны, часто никогда его не видали. Всѣ отношенія ихъ къ своимъ общинамъ ограничиваются полученіемъ паспорта и ежегодною уплатою слѣдующихъ за право гражданства взносовъ въ общественную кассу. Но такія отношенія не могутъ имѣть никакихъ общественныхъ послѣдствій. Чтобы выйдти изъ этого страннаго положенія, необходимо, по мнѣнію г. Риля, приложить къ практикѣ различіе между общественною и государственною, или административною общиною. Въ общественномъ отношеніи каждый человѣкъ безспорно принадлежитъ къ той общинѣ, гдѣ онъ имѣетъ продолжительное мѣстопребываніе и какое-либо занятіе. Въ государственномъ отношеніи онъ можетъ принадлежать къ тому городу, мѣсту своей родины, откуда ему выдается свидѣтельство на право гражданства (Bürgerbrief) или паспортъ.

Лица, получивъ всѣ права членовъ той общины, въ которой они живутъ, тотчасъ принимаютъ участіе во всѣхъ ея дѣлахъ, принадлежатъ ей душою и тѣломъ, и община можетъ возродиться къ жизни. Устройствомъ такой общины, соотвѣтствующей дѣйствительнымъ потребностямъ современнаго общества, далеко разошедшимся съ административными требованіями и условіями существующей нынѣ офиціяльной общины, мысль о столь желанномъ единствѣ Германіи чрезвычайно приблизилась бы къ своему осуществленію. Ибо такимъ образомъ каждый получилъ бы право быть общественнымъ *гражданиномъ* въ каждомъ германскомъ государствѣ, въ которомъ онъ не всегда можетъ сдѣлаться *государственнымъ гражданиномъ, или подданнымъ*. Фактически

этотъ порядокъ вещей уже существуетъ въ Германіи; ибо вся лучшая и образованнѣйшая часть народонаселенія періодически водворяется то въ одномъ городѣ, то въ другомъ, то въ одномъ государствѣ, то въ другомъ. Но новая фаза развитія *общества*, должна быть *признана* и со стороны государства, должна наидти соотвѣтствующую для себя формулу и въ государственнои жизни. Мы рады воспользоваться этимъ примѣромъ, чтобъ указать еще разъ на то разногласіе, въ которомъ часто находится офиціяльная форма жизни, узаконенная государствомъ, съ внутренними потребностями общественной жизни въ современной Европѣ, — на необходимость, для уразумѣнія многихъ современныхъ явленій, различать сферу жизни государственной отъ общественнои, государства отъ общества. Офиціяльная община, какъ видно, существуетъ въ Германіи только на бумагѣ по крайней мѣрѣ; принадлежность или непринадлежность къ неи есть чисто дѣло формы и не влечетъ за собой никакихъ практическихъ послѣдствій, кромѣ отсылки денегъ, слѣдующихъ въ городскіе доходы. Дѣйствительные интересы каждаго лица нисколько не связаны съ тою общиною, къ которой оно офиціяльно приписано. Его интересы тяготѣютъ къ другимъ центрамъ и къ другимъ кругамъ людей. Между тѣмъ крайняя разрозненность интересовъ и людей въ современномъ европейскомъ мірѣ заставляетъ весьма часто сожалѣть объ отсутствіи какого-либо корпоративнаго начала, которое бы связывало людей и интересы сообразно съ новыми условіями жизни. Мы разумѣемъ здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, связь естественную, добровольную, никакъ не искусственную и не насильственную. И описанный порядокъ вещей существуетъ не въ одной Германіи; не въ одной этои странѣ желательно полученіе права мѣстнаго гражданства, голоса и участія въ мѣстныхъ дѣлахъ для всего *дѣйствительнаго* народонаселенія извѣстной мѣстности или города. Такимъ образомъ частные интересы каждаго лица были бы тѣсно связаны съ землею, съ общими интересами мѣста его дѣятельности.

Припомнимъ при этомъ то чрезвычайное разногласіе, въ которомъ находятся *ревизскія* цифры народонаселенія въ нашихъ городахъ съ цифрами дѣйствительнаго народонаселенія. У насъ также приписка лица къ тому или другому городу есть чисто

дѣло формальности; въ дѣлахъ и интересахъ города принимаетъ участіе весьма ничтожное количество жителей, да и то нехотя, скрѣпя сердце.

Авторъ представляетъ еще примѣръ недостаточности настоящаго общиннаго устройства въ Германіи. Весьма многіе фабриканты и землевладѣльцы имѣютъ недвижимую собственность въ нѣсколькихъ общинахъ; отъ ихъ предпріятія или отъ ихъ хозяйства зависитъ во многихъ отношеніяхъ благосостояніе самыхъ общинъ, особенно небольшихъ городовъ. Съ другой стороны, и положеніе общиннаго хозяйства не можетъ не имѣть вліянія на дѣла этихъ лицъ. Но въ настоящее время они могутъ принадлежать только къ одной общинѣ; въ государственномъ отношеніи и не можетъ быть иначе. А между тѣмъ ихъ дѣла могутъ быть гораздо обширнѣе въ другихъ мѣстахъ, къ которымъ они не приписаны; тамъ можетъ-быть ихъ промышленная личность находится въ самой тѣсной связи съ бытомъ всей общины, въ распоряженіяхъ которой они не имѣютъ никакого голоса.

Въ нынѣшнихъ общинныхъ учрежденіяхъ Германіи господствуетъ совершенная пестрота. Община разсматривается законодателемъ то какъ административное тѣло, государственный органъ, то какъ частное товарищество, общественный органъ. Въ прусскомъ городовомъ уложеніи 1808 года, право мѣстнаго гражданства объявлено правомъ производить всѣ городскіе промыслы и имѣть поземельную собственность въ окружности города, находящемся въ вѣдомствѣ городской полиціи. Здѣсь община имѣетъ чисто общественное значеніе. Имѣя въ виду такую односторонность, городское уложеніе, пересмотрѣнное въ 1831 году, бросилось въ другую крайность. Здѣсь признается мѣстнымъ гражданиномъ только тотъ, кто получилъ право голоса въ общественныхъ дѣлахъ города. Стало-быть община становится здѣсь чисто публичнымъ, или государственнымъ институтомъ. Въ то время это можетъ-быть было шагомъ впередъ; но теперь необходимо пойдти далѣе, и примирить обѣ противоположности.

Сельскія общины требуютъ иного устройства нежели городскія. Различіе это существуетъ въ большей части законодательствъ. Въ этомъ уже заключается съ ихъ стороны признаніе, что община не есть чисто административное учрежденіе, но есть только органъ правительственной власти. Общественный характеръ той

и другой общины совершенно различенъ; законодатель не могъ идти наперекоръ такому крупному естественному различію. Поэтому и во всѣхъ другихъ частяхъ онъ долженъ сообразоваться съ дѣйствительными обстоятельствами общества, а не строить своихъ учрежденій, въ томъ числѣ и общины, по отвлеченному и произвольному плану.

Въ среднихъ вѣкахъ устройство деревень представляетъ гораздо болѣе разнообразія и оригинальности, нежели городскія общины. Это не случайное явленіе. Общественныя различія въ деревняхъ всегда разрастаются въ болѣе угловатыя формы чѣмъ въ городахъ, гдѣ онѣ легче сглаживаются. Прусское городовое уложеніе 1808 г. подчинило устройство городовъ однообразнымъ формамъ; сельскія же общины должны были сохранить всѣ свои особенности. Даже до настоящаго времени, въ Пруссіи, представляются значительныя затрудненія къ подведенію устройства всѣхъ сельскихъ общинъ подъ одну норму. Каждая область, которая имѣетъ какую-нибудь общественную и политическую исторію, непремѣнно отличается какими-нибудь собственными воззрѣніями и обычаями въ общинномъ бытѣ.

Сельскія поселенія въ Вестфаліи даютъ намъ еще возможность различить общественный и государственный элементъ общины. Здѣсь, на сѣверъ отъ рѣки Липпе, преобладаютъ крестьянскія осѣдлости въ видѣ отдѣльныхъ дворовъ; на югъ, въ видѣ деревень. Каждый дворъ образуетъ уже самъ по себѣ общину; группа нѣсколькихъ сосѣднихъ дворовъ составляетъ административную или церковную общину. Эта послѣдняя община есть скорѣе географическій округъ, союзъ, соединяющій жителей для цѣлей полицейскихъ, церковныхъ, и т. д.; здѣсь нѣтъ общественнаго имущества, общественнаго хозяйства, все это можно найдти только въ каждомъ дворѣ отдѣльно. Совершенно другую картину представляетъ южный берегъ, гдѣ развито сплошное народонаселеніе въ деревняхъ. Здѣсь соціяльная основа общины достигла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, чуть-чуть не до соціялистической формы, и совершенно слилась съ государственною. Здѣсь еще живъ тотъ первобытный соціялизмъ германо-свевскаго сельскаго быта, описанный Юліемъ Цезаремъ и сохранившійся въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій. Общественныя пашни, луга, сады, выгоны, лѣса, принадлежащіе одной деревнѣ, образуютъ одно замкнутое цѣлое, дере-

венскій околотокъ. Жители владѣютъ всѣмъ этимъ цѣлымъ только какъ общественнымъ, корпоративнымъ имуществомъ; ихъ части въ этомъ владѣніи подобны акціямъ, дающимъ право пользованія. Только этотъ общественный союзъ назывался первоначально въ этомъ краѣ *общиною*, а на политическій союзъ участниковъ, на отношенія, соединявшія ихъ въ полицейскихъ, судебныхъ, церковныхъ цѣляхъ, не было обращаемо никакого вниманія; но въ той части страны, гдѣ преобладаетъ подворное поселеніе, наоборотъ именуется общиною только политическій и церковный союзъ. Подобныя и еще болѣе сложныя развѣтвленія общиннаго быта сохранились въ старыхъ городахъ. Такъ въ Эрфуртѣ, даже до настоящаго времени, былъ внутри общей городской общины рядъ меньшихъ круговъ, или союзовъ, называвшихся *спеціяльными общинами*. Каждая подобная община имѣла своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Первоначальное основаніе этихъ дѣленій было церковное, приходъ; но потомъ изъ церковныхъ союзовъ образовались административные и общественные. Остатки подобныхъ малыхъ общинныхъ союзовъ можно еще найдти въ Кельнѣ, Аугсбургѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ. Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, эти мелкіе союзы, или вѣтви главныхъ общинъ, возродились къ жизни; въ иныхъ были вызваны къ жизни самими правительствами. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Ростокѣ, самостоятельность этихъ союзовъ пришла въ столкновеніе съ городскою полиціей, которая вообще не любитъ самостоятельности городскихъ общинъ. При этомъ авторъ выражаетъ сожалѣніе, что городская община, далеко не бывшая въ послѣднее время въ такой модѣ у писателей и ученыхъ какъ сельская община, не превлекаетъ къ себѣ такихъ симпатій и вниманія публицистики, какъ послѣдняя; но теперь начало изученію городской общины уже положено въ Германіи. Нужно надѣяться, что будетъ изслѣдованъ общинный бытъ въ городахъ, во всемъ разнообразіи его историческихъ и мѣстныхъ условій, столь сложныхъ и многочисленныхъ въ Германіи; тогда еще болѣе утвердится убѣжденіе, что различіе города и деревни доселѣ не вездѣ изгладилось въ Германіи, какъ полагаютъ многіе. Нашъ авторъ полагаетъ даже, что съ древнѣйшимъ возрастаніемъ большихъ городовъ и вообще централизаціи городовъ, при помощи новѣйшихъ способовъ сообщенія, сельскія поселенія еще

строже и рѣзче отдѣлятся отъ городскихъ. Если въ настоящее время дѣйствительно многіе ремесленники большихъ городовъ живутъ въ сосѣднихъ деревняхъ и придаютъ имъ характеръ городской промышленной дѣятельности, то съ другой стороны значительное количество крестьянъ, жившихъ сто и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ городахъ, окончательно выселились въ деревни. Такіе крестьянскіе города, прежде весьма значительные въ Германіи, мало-по-малу превратились или въ чистые города, съ исключительно-мѣщанскимъ и городскимъ народонаселеніемъ, или въ чистыя села, съ исключительно-сельскою промышленностію. Такой процессъ разложенія ожидаетъ всѣ поселенія смѣшаннаго характера въ большихъ государствахъ. Мы сами полагаемъ, что дальнѣйшее развитіе промышленности и связаннаго съ нимъ экономическаго раздѣленія труда и также освобожденіе промышленной дѣятельности отъ разныхъ стѣсненій, или такъ-называемыхъ *покровительственныхъ* мѣръ, дающихъ фальшивое и искусственное направленіе труду цѣлыхъ народонаселеній, должны необходимо влечь за собою болѣе строгое распредѣленіе занятій сельско-хозяйственныхъ и мануфактурныхъ. Но успѣхи просвѣщенія должны внести много новаго свѣта въ деревню, и со временемъ можетъ-быть дадутъ иной характеръ деревенской жизни.

Многими цифрами доказано, что въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи ремесла, въ главныхъ своихъ видахъ (кузнечество, портняжество, каменная и строительная работа и т. д.), имѣютъ столько же своихъ представителей въ деревняхъ, какъ и въ городахъ. Но кузнецъ, портной, сапожникъ въ деревнѣ все-таки остается мужикомъ; ремесло составляетъ для него только побочное занятіе; главный его трудъ — хлѣбопашество; оно опредѣляетъ образъ его жизни, его общественное положеніе и характеръ, оно собственно проводитъ типическую черту между крестьяниномъ и мѣщаниномъ. Промышленное занятіе, помѣчаемое податною статистикою, и общественное положеніе, или состояніе, не одно и то же. Именно дальнѣйшее развитіе раздѣленія занятій, которое составляетъ непреложный законъ въ исторіи промышленности, постоянно болѣе обнаруживающееся скопленіе *обрабатывающей* промышленности около фабричныхъ центровъ, около большихъ капиталовъ, въ *большихъ заведеніяхъ*,

разрушающихъ мелкую промышленность, должны, какъ мы уже намекали выше, вести къ постепенному уничтоженію этихъ побочныхъ или зимнихъ промысловъ, къ большему группированію промышленныхъ категорій народа. Тѣмъ, которые, стараясь доказать смѣшеніе, въ настоящее время, городскаго и сельскаго народонаселенія въ Европѣ, опираются между прочимъ на распространеніе ремеслъ въ деревняхъ, г. Риль справедливо возражаетъ, что и прежде ремесла были никакъ не менѣе въ числѣ занятій крестьянъ, а поселенія исключительно хлѣбопашественныя были точно также рѣдки. Дѣйствительно, сто лѣтъ тому назадъ, крестьяне все-таки сами же ковали своихъ лошадей, строили и отдѣлывали свои избы, шили свое платье; напротивъ, теперь они гораздо болѣе знакомы съ произведеніями городской промышленности чѣмъ прежде, и можно сказать, что въ настоящее время, въ Европѣ, находится болѣе исключительныхъ хлѣбопашцевъ, болѣе чистыхъ крестьянъ чѣмъ когда-либо. Но то или другое занятіе не составляетъ еще само по себѣ признака, по которому распредѣляются общественныя группы; нужно разсматривать всю совокупность общественной физіономіи каждаго лица, всю совокупность его отношеній къ другимъ лицамъ, всю совокупность особенностей его нравственной личности, степени умственнаго развитія, его обычаевъ, образа жизни, предразсудковъ, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ извѣстныя отношенія между отдѣльными лицами или членами общества, и даютъ имъ извѣстное общественное положеніе, или состояніе. Вслѣдствіе этихъ-то отношеній ремесленникъ-горожанинъ всегда пре́дставляетъ собою нѣчто иное нежели ремесленникъ-крестьянинъ.

«Въ прежнее время, говоритъ г. Риль, государственные правители создавали города посредствомъ привилегій; теперь ихъ создаютъ желѣзныя дороги. Стѣны и ворота были прежде внѣшнимъ признакомъ города, даже если они замыкали собою только дюжину крестьянскихъ избъ. Въ будущее время станутъ узнавать городъ по внутреннему признаку, по гражданскому характеру жителей. На мѣсто прежняго, большею частію произвольнаго *государственнаго* дѣленія на городскія и сельскія общины, болѣе и болѣе выступаетъ естественно-необходимое *общественное* различіе. Въ настоящую, переходную эпоху этого преобразованія,

простому глазу можетъ казаться, что и всякое различіе между городомъ и деревнею исчезаетъ. Но только старое, отжившее внѣшнее различіе сглаживается. Въ деревняхъ право политическаго и общественнаго гражданства, государственная и соціяльная община сольются, покроютъ другъ друга, ибо тамъ живетъ *постоянное* народонаселеніе. Въ городахъ оба рода гражданства разойдутся, ибо здѣсь постепенно становится преобладающимъ *подвижной* элементъ народонаселенія.

«Въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей, села и провинціяльные города будутъ все болѣе и болѣе дѣлаться деревенскими, а большіе города будутъ возрастать въ колоссальныхъ размѣрахъ, дѣлаться всемірными городами. Черезъ это должно образоваться такое рѣзкое отличіе между городомъ и деревнею, какого прежде вовсе не знавали, даже не предчувствовали.

«Весьма ничтожнымъ явленіемъ кажется то, что съ каждымъ шагомъ впередъ современной цивилизаціи, сильнѣе и глубже ощущается потребность, вопервыхъ, создать возможность общинной жизни для народонаселенія переходнаго, періодически мѣняющаго мѣсто жительства и существующаго внѣ всякаго общиннаго союза; вовторыхъ, привести къ какому-нибудь порядку то вавилонское смѣшеніе понятій, которое царствуетъ нынѣ въ опредѣленіи значенія города и деревни. Между тѣмъ эти ничтожныя обстоятельства уже сами по себѣ довольно могущественны, чтобы произвести совершенное преобразованіе всего нашего гражданскаго порядка. Черезъ общину идетъ дорога къ общественной политикѣ.

«Указанные два факта, въ маломъ видѣ, скрываютъ за собою то же самое требованіе, въ удовлетвореніи которому провидятъ, въ большомъ видѣ, всю реформу современнаго общества: сдѣлавшіеся общественно-бездомными или одинокими, члены общины или общества должны посредствомъ новой, болѣе подвижной общинной формы, получить опять осѣдлость, гражданство въ обществѣ; различія какъ общинъ, такъ и общественныхъ группъ, внѣшнимъ образомъ изгладившіяся въ настоящую переходную эпоху, должны возникнуть въ новыхъ, болѣе прочныхъ очертаніяхъ.

«Сельская община—общественная форма крестьянства, городская — мѣщанства. Дѣйствительность этихъ двухъ состояній

всего менѣе оспаривается, именно потому, что оба нашли въ общинѣ мѣстную основу для своего существованія. Особенная общинная форма для такъ-называемаго четвертаго состоянія (пролетаріата) потому только не мыслима, что оно собственно олицетворяетъ собою отрицаніе, отверженіе состояній или сословныхъ различій, и потому-то всегда будетъ казаться безсмысленнымъ говорить о возможности *общины бродягъ*.

«Общинная форма, соотвѣтствующая аристократической группѣ, была бы только тогда возможна, когда бы это состояніе могло опять сосредоточиться мѣстнымъ образомъ, какъ владѣтель большой, замкнутой поземельной собственности. Сопротивленіе деревенской аристократіи подчиниться государственному организму сельскихъ общинъ и власти ихъ должностныхъ лицъ основано на всесовершенномъ непониманіи значенія и достоинства современной общины. Но у многихъ это сопротивленіе внушено совершенно правильнымъ чувствомъ, что въ сельской общинѣ, въ границахъ которой случайно живетъ крупный землевладѣлецъ, онъ не у себя дома, не посреди своего естественнаго общественнаго круга. Прежде думали, что дворянское имѣніе само собою и само по себѣ уже представляетъ общину, и владѣлецъ его заключалъ въ своемъ лицѣ старосту, судью и всю общину. Подобная фикція показалась бы весьма уродливою въ настоящее время. Но ни въ какомъ государствѣ, не только политически, но и общественно-благоустроенномъ, не будетъ казаться нелѣпостью, смотрѣть на товарищество или союзъ значительныхъ землевладѣльцевъ одного округа, какъ на соціяльную общину. Всѣ ли подобные владѣльцы рыцарскаго или дворянскаго происхожденія, это въ настоящемъ смыслѣ совершенно все равно. Ибо хотя общинныя группы вообще должны соотвѣтствовать общественнымъ группамъ, но во всякомъ случаѣ онѣ между собою не совпадаютъ, какъ государство будетъ всегда главнымъ представителемъ мѣщанства, хотя бы подлѣ мѣщанскаго большинства были еще дворяне, крестьяне и пролетаріи.

«Общинный бытъ Германіи никакъ не терпитъ туго-натянутой централизаціи, какъ въ общественномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ. Правда, стремленіе каждаго германскаго патріота направлено къ замкнутому снаружи государственному и народному единству, но было бы грѣхомъ противъ народнаго духа всей

націи, еслибы захотѣли централизировать общинный бытъ, внутренній общественно-гражданскій порядокъ отдѣльныхъ земель и мѣстностей. Приведеніе къ однообразію общиннаго устройства дѣйствовало бы наперекоръ тому германскому свободному духу, который именно хочетъ здѣсь безпрепятственно развиваться, посреди своихъ личныхъ, домашнихъ дѣлъ, со всѣми своими личными особенностями. Германскія общины состоятъ изъ разноцвѣтнаго ряда нравственныхъ лицъ, которыя носятъ на себѣ дѣйствительный, личный отпечатокъ; они образуютъ изъ себя характеры, часто каррикатуры, но все-таки типичныя, полныя характера каррикатуры, а не мертвые государственные столбцы. Даже церковной общинѣ германскій протестантизмъ даетъ довольно мѣста для развитія въ самобытныхъ, обособленныхъ формахъ. Мы должны видѣть не случайное, а напротивъ существенно германское явленіе въ томъ, что почти въ каждой протестантской церковной общинѣ, въ Германіи, имѣетъ силу собственное обычное церковное право. Напротивъ, романскій духъ централизируетъ устройство общины. Онъ ввелъ централизацію и въ церковныя общины католической Германіи.»

Мы позволимъ себѣ заключить эти разсужденія о германской общинѣ, и всю настоящую статью, нашими болѣе скромными, но не менѣе теплыми упованіями относительно русской общины. Мы твердо вѣримъ въ нее, каково бы ни было ея историческое происхожденіе, ея прошедшее и ея настоящее положеніе. Нами не руководитъ здѣсь никакое преднамѣренное воззрѣніе; мы вѣримъ въ нашу общину, потому что видимъ ее. Если сущность ея, въ настоящее время, весьма неясно представляется посреди разныхъ ненормальныхъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, то въ артели, этомъ совершенно своеобразномъ, подвижномъ общинномъ союзѣ, она не можетъ подлежать никакому отрицанію. Если теперь никакъ нельзя опредѣлить формъ, которыя приметъ наша община, осѣдлая и подвижная, сельская и промышленная, при будущихъ успѣхахъ просвѣщенія и народнаго хозяйства, при болѣе нормальныхъ отношеніяхъ земли, собственности, работника и землевладѣльца, то это еще не причина вовсе отвергать будущность общины; будущія формы, въ которыя постепенно преобразуется народное хозяйство во всемъ образованномъ мірѣ, будущія отношенія капитала и ра-

боты, собственности и труда, будущее положеніе рабочаго класса въ западно-европейскихъ обществахъ, также весьма трудно теперь предвидѣть, едва ли даже возможно; а между тѣмъ никто изъ мыслящихъ людей Европы, даже изъ самыхъ склонныхъ къ очарованіямъ милаго прошедшаго и обезпеченнаго настоящаго, никто не сомнѣвается, что настанутъ когда-нибудь иныя, болѣе прочныя для народнаго благосостоянія, отношенія богатства и труда, что духъ безграничнаго соперничества экономическихъ интересовъ не будетъ единственнымъ двигателемъ промышленности, но что подлѣ него и вмѣстѣ съ нимъ займетъ приличное мѣсто и другая, равно необходимая экономическая сила — товарищество интересовъ. Въ нашихъ надеждахъ на русскую общину нами не управляетъ никакой духъ ложнаго народнаго самообольщенія; мы никакъ не думаемъ, что наша община имѣетъ сказать міру какое-то новое, невѣдомое слово, которое разомъ разрѣшитъ всѣ предъявленные въ другихъ частяхъ міра вопросы и обновитъ дряхлѣющее современное общество. Разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ, равно интересующихъ всѣ части образованнаго человѣческаго общества, зависитъ отъ совокупныхъ усилій всѣхъ членовъ общества, отъ общихъ результатовъ умственной жизни, которая едина для всѣхъ народовъ. Только проникаясь свѣтомъ умственной жизни всего образованнаго міра, вноситъ каждый народъ элементъ историческаго движенія, силу улучшенія въ свой собственный, своеобразный бытъ; только этимъ путемъ можетъ онъ развить мѣстныя и исключительныя формы своего быта, условленныя географическими, этнографическими и историческими особенностями, до уровня общечеловѣческихъ формъ и типовъ. Въ сторонѣ отъ той исторической струи умственнаго движенія, которая переходитъ изъ одного края земнаго шара въ другой, отъ одного народа къ другому, нѣтъ умственной жизни, имѣющей всеобщій человѣческій интересъ для каждаго образованнаго человѣка, нѣтъ движенія впередъ. Но для такого историческаго развитія, народу необходимо свободное общеніе съ образованнымъ міромъ и самостоятельное раскрытіе всѣхъ сторонъ его національнаго генія. Мы твердо надѣемся и на самостоятельную будущность русской общины; мы готовы принять всѣ ея формы, лишь бы онѣ, вопервыхъ, возникли изъ нея самой, и вовторыхъ, при свободномъ общеніи

всего русскаго общества со всѣми результатами современнаго просвѣщенія въ образованномъ мірѣ. Русская община не поражаетъ взоровъ путешественника тѣми горделивыми ратушами, которыя воздвигала германская община насупротивъ дворцовъ монарховъ и замковъ бароновъ; она пригибалась ниже къ землѣ въ виду набѣгавшей грозы; она не бросается въ глаза историка своими прихотливыми формами, своими крѣпко-замкнутыми корпораціями, съ которыми искали союза и землевладѣльцы, и сами монархи; она щедро и широко отворяла свои ворота то тому, то другому; но за то въ землѣ провела она глубокія борозды, черезъ которыя безпрестанно шагали то тѣ, то другія государственныя учрежденія, но которыя не изгладились до сихъ поръ; за то въ ней нѣтъ никакихъ исключительныхъ круговъ, угловатыхъ союзовъ, противъ которыхъ новые историческіе интересы должны бы были дѣйствовать, какъ въ западной Европѣ, съ огнемъ и мечомъ. Между тѣмъ она существуетъ, и безумно было бы поставить преобразованія, вынуждаемыя временемъ, поперекъ ей, вмѣсто того чтобы совершить ихъ вмѣстѣ съ нею и черезъ нее. Наши подвижныя общины, артели, представляютъ столько условій, не только не противныхъ, но явно выгодныхъ для всѣхъ успѣховъ промышленности, сообразно съ новыми ея потребностями!

Обозрѣніемъ первой половины первой части сочиненія г. Риля мы ограничимъ настоящую статью, отлагая на будущій разъ вторую половину: географическое и этнографическое дѣленіе германскаго общества, характеристику централизированныхъ и обособленныхъ странъ Германіи, большихъ и малыхъ государствъ, и церковныя отношенія Германіи.

II.

Въ первои статьѣ нашей о сочиненіи г. Риля, мы передали нѣкоторыя отмѣченныя имъ общія черты общественнои и народной жизни Германіи, взгляды на лѣсныя и полевыя осѣдлости, пути сообщенія, городскія и сельскія поселенія, общинныи бытъ и т. д. Теперь предстоитъ намъ сдѣланная имъ характеристика разныхъ полосъ Германіи и главнѣйшихъ группъ ея народностей, или то, что онъ называетъ *общественною этнографіей Германіи.*

Съ перваго взгляда представляется дѣленіе всей германской земли на двѣ большія массы: равнины и горы, или верхняя и нижняя Германія (Niederdeutschland и Oberdeutschland). На сѣверѣ простирается въ направленіи морскихъ береговъ большая уральская низменность и входитъ во внутренность Германіи шириною, приблизительно, въ 40 миль. Эта сѣверо-германская равнина занимаетъ около одной трети всего пространства Германіи. Далѣе возвышается линія горъ, начинающаяся у истоковъ Одера и западныхъ отроговъ Карпатовъ и простирающаяся на западъ до Арденнъ, съ многократными вторженіями въ сѣверную равнину: это порогъ верхнеи Германіи. Эту линію горъ, весьма

важную для историческаго развитія германскаго общества и носящую многія названія, г. Риль соединяетъ подъ однимъ наименованіемъ *среднихъ германскихъ горъ*. Отсюда къ югу поверхность земли постоянно возвышается, и отсюда начинается верхняя Германія. Массивныя плоскія возвышенности (въ Баваріи), массивныя углубленія (въ Богеміи) образуютъ переходъ къ Альпамъ. Но всѣ низменности собственно верхней Германіи не ниже 800 футовъ надъ поверхностію моря. Въ геологическомъ отношеніи можно бы назвать эту часть древнею, первобытною Германіею, а сѣверную равнину, гораздо позднѣе поднявшуюся изъ-подъ воды, новою. Но по народонаселенію эти наименованія должны быть взяты наоборотъ, ибо сѣверная часть была ранѣе населена Германцами, тогда какъ югъ долго оставался занятымъ Кельтами. При ближайшемъ разсмотрѣніи необходимо различить и въ верхней Германіи двѣ части: сѣверный горный валъ является образцомъ разнообразія горныхъ породъ и почвы; напротивъ южныя колоссальныя возвышенности весьма однообразныхъ формаціи. Эти геологическія различія соединяются и со многими историческими и этнографическими. Такимъ образомъ мы приходимъ къ раздѣленію Германіи на три главные члена:

1. Сѣверная низменная Германія
2. Средняя гористая, и
3. Южная высокогористая (hochgebirgige).

Германская сѣверная низменность, или равнина, есть преимущественно прибрежная страна и потому преимущественно призвана къ торговлѣ и судоходству. Въ этомъ отношеніи особенно благопріятствуетъ ей также и система рѣкъ, пересѣкающихъ параллельными линіями сѣверную Германію: эти рѣки—нижній Рейнъ, Эмсъ, Везеръ, Эльба, Одеръ и Висла, спокойно и тихо несущія свои воды къ морю. Въ то же время онѣ имѣютъ малое паденіе, что̀ первоначально служило препятствіемъ къ развитію промышленности. Средняя и верхняя Германія имѣла водяныя мельницы, эту первоначальную двигающую силу промышленныхъ заведеній, за нѣсколько столѣтій прежде, нежели въ сѣверной Германіи совершился переходъ отъ ручной мельницы къ вѣтряной. Только въ новѣйшее время сталъ здѣсь дѣйствовать паръ, эта сила, уравнивающая естественныя условія промышленности странъ.

Средняя Германія представляетъ совершенно иную гидрографическую картину. Здѣсь рѣки и ручьи развѣтвляются по всѣмъ направленіямъ. Безчисленныя, всюду распространенныя, мелкія,

но удобоприменимыя водяныя силы обусловили собою безпримѣрное разнообразіе промышленнаго развитія. При самыхъ входахъ въ средне-германскія горы лежатъ сокровища каменнаго угля, способствующія развитію машиннаго производства: на Заарѣ и Бурѣ, у Ейфеля, Тюрингервальда, Ерцгебирге и Ризенгебирге. Какъ форпостъ средней Германіи, выдвигается машинное производство, съ помощію каменно-угольныхъ запасовъ, далеко на сѣверо-западъ, въ сѣверо-германскую равнину, къ нижнерейнской области. Параллельныя линіи рѣкъ въ сѣверной Германіи сосредоточиваютъ ее въ большія массы; средняя Германія размельчена со всѣхъ сторонъ пересѣкающимися долинами и рѣчками. Эльба и Реинъ перерѣзываютъ весь горный валъ средней Германіи, и бассейны ихъ и Дуная безпрестанно здѣсь встрѣчаются между собою. Здѣсь находятся тѣ знаменитые дождевые желоба на крышахъ, изъ которыхъ, говорятъ, вода течетъ въ два моря, и тѣ вершины горъ, съ которыхъ можно обозрѣть восемь и десять германскихъ государствъ.

Южная Германія опять представляетъ симметрическую систему рѣчныхъ линій, сходную съ сѣверною. Здѣсь является, сосредоточивающій страну, придающій ей единство—путь Дуная. Почти параллельными линіями впадаютъ въ него всѣ воды Альповъ. Но дикое теченіе этихъ водъ не годится ни для судоходства, ни для промышленной дѣятельности. Онѣ болѣе служатъ къ раздѣленію страны на большія пространства, чѣмъ къ сближенію отдѣльныхъ мѣстностей. Горы и рѣки препятствуютъ здѣсь быстрымъ успѣхамъ общественной жизни, и напротивъ способствуютъ развитію чистаго крестьянства. И здѣсь промышленность средней Германіи вторгается угломъ къ юго-востоку черезъ Богемію къ Австріи, какъ бы въ подобіе такому же расширенію на сѣверо-западъ, въ рейнскихъ провинціяхъ.

Невозможно провести съ математическою точностію пограничныя черты между сѣверною, среднею и южною Германіею; эти черты никакъ не слѣдуетъ представлять себѣ параллельными линіями. Средняя Германія, вмѣстѣ съ средне-германскими возвышенностями, суживается къ востоку и юго-востоку, и постепенно расширяется къ западу и юго-западу, такъ что здѣсь она простирается вверхъ по Рейну до Боденскаго озера и внизъ до Кельна. Самою большою массою своею она лежитъ въ западной и юго-западной Германіи; на востокъ, въ верхней Саксоніи и Силезіи, нижняя и верхняя Германія весьма тѣсно

сближаются между собою. Такимъ образомъ можно было бы представить себѣ среднюю Германію почти какъ треугольникъ, котораго одинъ уголъ въ Силезіи, другой у Боденскаго озера, а третій на прусско-бельгійской границѣ, близь Ахена.

Мы съ намѣреніемъ распространяемся объ этомъ дѣленіи Германіи; оно принадлежитъ г Рилю, и онъ придаетъ ему особенное значеніе, съ которымъ связаны весьма многія и оригинальныя его воззрѣнія и выводы.

Различію почвы и геологическихъ формаціи въ Германіи соотвѣтствуетъ и различіе климата. Сѣверная плоскость имѣетъ тяжелый, сырой воздухъ; равномѣрное на большихъ пространствахъ направленіе вѣтровъ, образованіе тумановъ—характеръ ея погоды. Въ высокогорной или южной Германіи напротивъ преобладаетъ рѣдкій, сухой воздухъ: быстрыя перемѣны температуры, рѣзкія противоположности временъ года, опустошительныя бури и градобитія. Но въ той и другой полосѣ человѣкъ долженъ бороться съ природою, терпѣть отъ ея суровости. Все это мало извѣстно жителю средней Германіи; здѣсь противоположности климата уравниваются; нѣжный, мягкій воздухъ долинъ развиваетъ тѣ же свойства и въ человѣкѣ. Только въ нѣкоторыхъ болѣе высокихъ горахъ грубыя, закаленныя натуры напоминаютъ южно-германскія горныя поселенія. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ постепеннымъ разжиженіемъ воздуха отъ сѣверныхъ прибрежныхъ низменностей къ южнымъ гористымъ пространствамъ, постепенно уменьшается средняя цифра самоубійствъ. Мекленбургъ занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, за нимъ слѣдуетъ Пруссія; напротивъ того на Баварію и Австрію приходится всего менѣе самоубійствъ. Изотермическія линіи (средней годовой температуры) склоняются въ восточной Германіи къ югу, а въ западной подымаются къ сѣверу; такимъ образомъ прирейнскія земли (основаніе треугольника средней Германіи) являются сравнительно съ самымъ мягкимъ климатомъ. Здѣсь почва наиболѣе разработана въ Германіи, иногда даже истощена отъ неумѣренной культуры.

Сѣверная плоскость еще богата совершенно пустынными мѣстностями, дюнами, болотами, топями, тундрами; точно также не менѣе пустырей и въ южной Германіи, если причислить сюда покрытыя снѣгомъ горы и голыя скалы. Напротивъ въ средней Германіи вся поверхность земли обработана, и сколько-нибудь обширные пустыри и дичь давно исчезли. На сѣверѣ сохранились большія массы лѣсовъ и однообразныхъ породъ:

хвойные лѣса и березы на востокѣ, чистые буковые лѣса въ Голштиніи и Мекленбургѣ, дубравы въ Вестфаліи. Въ средней Германіи всѣ породы перемѣшаны и нигдѣ не преобладаетъ одна какая-нибудь изъ нихъ, ни хвойный лѣсъ, ни лиственный; лѣсныя пространства разорваны, перерѣзаны пашнями, огородами и садами. Въ южной Германіи опять массы лѣсовъ, преобладаніе одной породы надъ другими, большею частію хвойной, совершенно дѣвственные, дикіе лѣса. Тѣ же самыя различія можно найдти и въ распредѣленіи растеній. Тѣ же крупныя группы растительности на сѣверѣ, обширныя пространства однообразныхъ, дикихъ растеніи на югѣ; пестрота и смѣсь всѣхъ родовъ и видовъ въ средней Германіи. На сѣверѣ разстилаются чрезвычайно обширныя однообразныя зерновыя поля, обширныя насажденія картофеля, обширные луга, новины, покрытыя на нѣсколько часовъ ходьбы однимъ и тѣмъ же родомъ дикихъ растеній. То же самое явленіе повторяется на плоскихъ возвышенностяхъ юга и въ пустыняхъ Альповъ. Разнообразіе флоры въ средней Германіи способствуетъ садовнической ручной системѣ хозяйства; на сѣверѣ и югѣ хлѣбопашество преимущественно заботится о количествѣ произведеній одного и того же рода. Первоначальныя, грубыя системы обработки господствуютъ на сѣверѣ и югѣ; въ Баваріи, Австріи, Богеміи, частію въ Пруссіи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ. Самые утонченные, самые раціональные способы обработки принадлежатъ собственно средней Германіи: Саксоніи, южной Вестфаліи, Силезіи, Пфальцу, Виртембергу, Бадену.

Къ сѣверо-востоку, около прибрежной равнины, сосредоточиваются коренныя германскія поселенія; здѣсь хранятся, можетъ-быть на многія столѣтія, запасы первобытной германской народности. На юго-западѣ сталкивается она съ романскою культурою. Здѣсь собственно зерно средневѣковой цивилизаціи, въ которой романскій и германскій міръ какъ бы слились воедино. Въ то время какъ прирейнское народонаселеніе вступило въ соприкосновеніе и борьбу съ элементами болѣе просвѣщенныхъ народностей, должно было то уступать этимъ элементамъ, то покорять ихъ, то перерабатывать, грубыя естественныя силы германской народности на сѣверѣ и юго-востокѣ должны были бороться съ племенами, отъ которыхъ онѣ не могли принять почти никакихъ элементовъ развитія. Франки, отличавшіеся въ началѣ среднихъ вѣковъ, между всѣми германскими племенами, самою дѣятельною силою развитія, принимаютъ на себя роль

примирителей романскаго и германскаго духа. Чѣмъ далѣе отъ сѣвера, отъ сѣверныхъ пустынь и низменностей, чѣмъ ближе къ горамъ средней Германіи, тѣмъ болѣе германская народность уступаетъ этому вліянію. Клиномъ вторгаются Франки въ среднюю Германію, и на среднемъ и верхнемъ Рейнѣ полагаютъ основаніе новой франко-германской культуры. Карлъ Великій утвердилъ центръ своего всемірнаго могущества на западѣ средней Германіи. Отсюда начинаются рейнскія преданія, легенды, сказки, вся поэзія Рейна, вошедшая потомъ во все дальнѣйшее развитіе германскаго народа. Поэзія Рейна, хотя германская по своему происхожденію и по своему характеру, есть во всякомъ случаѣ, *по преимуществу, среднегерманская*. Насупротивъ цивилизующаго (Culturvolk) и перемѣшаннаго германскаго племени Франковъ, стоитъ на сѣверѣ чисто-германское, еще нетронутое цивилизующими началами (Naturvolk) племя Саксовъ, а на юго-востокѣ германская почва отбивается чуждыми племенами. Въ народныхъ и религіозныхъ войнахъ Карла Великаго на германскомъ сѣверѣ и юго-востокѣ уже заключается первообразъ всего послѣдующаго историческаго движенія германскаго народа по тремъ главнѣйшимъ направленіямъ. Съ исчезновеніемъ каролингскаго среднегерманскаго могущества, центръ тяжести государственнаго наряда и просвѣщенія передвигается на долгое время отъ западнаго основанія среднегерманскаго треугольника во внутренность его. Во время саксонскихъ императоровъ новыя средоточія просвѣщенія и политическаго вліянія утверждаются въ Тюрингіи и верхней Саксоніи. Эти страны обусловливаютъ характеръ среднегерманской народной жизни до средины XIII столѣтія. Черезъ Саксонію и Тюрингію къ Рейну идетъ ось великаго движенія культуры, и двигающій центръ германскихъ народныхъ силъ въ послѣдній разъ является съ Гогенштауфенами въ средней гористой Германіи. Въ исторіи средневѣковаго зодчества самымъ явственнымъ образомъ высказывается это значеніе средней Германіи. Памятники древнѣйшей германо-романской архитектуры воздвигнуты на Рейнѣ. Послѣ того базилики романскаго стиля постепенно огерманиваются съ переходомъ германской архитектуры въ Тюрингію и Саксонію. Важнѣйшіе въ исторіи искусства того времени памятники собираются въ полосѣ среднегерманскихъ возвышенностей; Гарцъ и Тюрингервальдъ составляютъ въ исторіи архитектуры непосредственное продолженіе Рейна. Потомъ во время франкскихъ Генриховъ и Гогенштауфеновъ струя художественнаго развитія устремляется къ юго-западу,

чтобъ оплодотворить верховья Майна, гессенскія и швабскія земли. Лучшій цвѣтъ романскаго стиля и цѣломудренной юности готической архитектуры принадлежитъ уже не исключительно долинѣ Рейна, но и области рейнскаго бассейна вмѣстѣ съ развѣтвленіями дунайскаго, везерскаго и эльбскаго бассейна въ средне-германскихъ горахъ. Но настоящій базисъ этого развитія искусства остается все еще на линіи Рейна. Съ концомъ XIII столѣтія среднегористая Германія вполнѣ раскрыла свою личность, обнаружила и распространила вліяніе своихъ цивилизующихъ началъ во всѣ стороны; тогда выступаютъ впередъ другія двѣ группы германскихъ земель и народностей.

Уже давно въ тишинѣ укрѣпилось воинственное, сосредоточенное, независимое могущество восточныхъ маркграфовъ. Съ крестовыми походами юго-восточная дунайская и альпійская область дѣлается поприщемъ всемірной международной торговли Сѣвера и Востока. Съ Рудольфомъ Габсбургскимъ средняя Германія перестаетъ быть базисомъ государственной власти императоровъ, и на ея мѣсто вступаетъ Австрія, высокогористая южная Германія Въ общія судьбы Германіи вторгается Богемія, съ могущественными на нихъ вліяніями. На сѣверной германской равнинѣ Ганза дѣлается новою великою силою для развитія германской торговли, мореходства, военнаго искусства, и городовой осѣдлости. Ганза и большіе княжескіе города собираютъ сѣверную область. Разщепляющіе внутренніе раздоры родовъ и цеховъ, потомъ городовъ и владѣтельныхъ князей, всего болѣе поражаютъ юго-западную часть среднегорной Германіи; они мало затрогиваютъ высокія горы юга и равнины сѣвера. Германское начало является колонизующимъ на сѣверо- и юго-востокѣ, въ славянскихъ земляхъ. Напротивъ того, на юго-западѣ, германская народность сохраняетъ только оборонительное положеніе передъ централизующею силою Франціи, и потомъ покидаетъ на ея произволъ важнѣйшія пограничныя линіи. И здѣсь развитіе архитектуры имѣетъ большое для насъ значеніе. Только въ XIV столѣтіи возникаютъ въ бальтійской области памятники строительнаго искусства, ему собственно принадлежащаго, строгіе прямолинейные, часто крайне массивные и смѣлые замки и церкви; всѣ они такъ же близки другъ къ другу, какъ далеки отъ среднегерманскаго готическаго стиля.

«Такъ, говоритъ г. Риль, средняя Германія раньше всѣхъ была могущественна, раньше всѣхъ раскрыла особенности своей личности, но и раньше всѣхъ распалась и какъ самосто-

ятельная сила разложилась. Это можно было бы еще болѣе выяснить множествомъ отдѣльныхъ чертъ исторіи съ самыхъ отдаленныхъ и до нашихъ временъ.

«Послѣдствія этого лежатъ теперь у всѣхъ передъ глазами. На сѣверной равнинѣ и въ полосѣ южно-германскихъ великихъ горъ и плоскихъ возвышенностей нашли большія и среднія государства Германіи базисъ своей силы. Города и средоточія торговли, искусства и науки, современныхъ государственныхъ интересовъ и частію промышленности, выросли въ болѣе широкихъ и могущественныхъ формахъ на централизированномъ югѣ и сѣверѣ, въ то время какъ въ средней Германіи выступаютъ болѣе наружу многообразіе, гибкость и разрозненность формъ, вся полнота жизни германской культуры.

«Какъ на современную характеристическую черту, можно указать на то, что въ сѣти желѣзныхъ дорогъ югу и сѣверу Германіи принадлежатъ величайшія и важнѣйшія линіи всемірнаго обращенія, а среднегорная Германія имѣетъ гораздо болѣе богатую систему желѣзныхъ дорогъ для мѣстнаго сообщенія, наибольшее число дорогъ и наибольшія пространства, пересѣченныя ими во всѣхъ направленіяхъ.»

Послѣ всѣхъ очерченныхъ выше признаковъ дѣленія Германіи, остается взглянуть на самое ея народонаселеніе. Г. Риль говоритъ о необходимости различать страны, *абсолютно* и *относительно* незаселенныя, или мало населенныя; первыя, вслѣдствіе естественныхъ своихъ условій, всегда будутъ имѣть рѣдкое населеніе; вторыя мало заселены до нѣкотораго только времени, вслѣдствіе особыхъ историческихъ причинъ. Не будемъ касаться здѣсь вопроса, въ какой степени справедливо это положеніе, и можно ли ручаться за непреложность его въ отдаленномъ будущемъ. Къ абсолютно-незаселеннымъ странамъ относитъ г. Риль всѣ пустынныя мѣстности сѣвера и юга Германіи: песчаныя и низменныя пространства, скалы и высокія горы. Средняя Германія всюду *способна* имѣть густое или болѣе густое народонаселеніе; для сѣверной и южной Германіи это не вездѣ возможно. Средняя Германія (въ тѣхъ предѣлахъ, какіе принимаетъ для нея нашъ авторъ) уже теперь имѣетъ самую бо́льшую сравнительную населенность (разумѣется, въ среднихъ числахъ для всей вообще поверхности). Въ то время, какъ средняя цифра населенности въ средней Германіи болѣе 5000 чел. на кв. милю, въ южной и сѣверной она только отъ 3 до 4 тысячъ. Здѣсь опять встрѣчаются крайнія сѣверныя страны

съ крайними южными; въ тѣхъ и другихъ (нѣкоторыя мѣстности въ Помераніи, западной Пруссіи и Тиролѣ) населенность спускается иногда до 800—1000 чел. Но наращеніе народонаселенія сильнѣе вообще въ сѣверной и южной Германіи (какъ и должно впрочемъ быть при болѣе рѣдкомъ населеніи), чѣмъ въ средней, гдѣ даже въ иныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе эмиграціи, народонаселеніе уменьшилось. Замѣчательно относительно народонаселенія Германіи распредѣленіе еврейскаго элемента; самое большее число жидовъ сосредоточивается въ средней Германіи, и самое малое въ южной и сѣверной (исключая впрочемъ Познань и Прусскую провинцію).

Мы сдѣлали, по возможности, вѣрный очеркъ дѣленія Германіи, представляемаго г. Риломъ. Это дѣленіе на три главныя части, или лучше на три стихіи, онъ проводитъ черезъ все развитіе государственной, общественной, нравственной жизни Германіи. Во всѣхъ этихъ сферахъ онъ видитъ общее единство германской народности, несмотря на чрезвычаино рѣзкія различія, образовавшіяся вслѣдствіе естественно-историческихъ и политико-историческихъ причинъ; наконецъ между краинимъ сѣверомъ и крайнимъ югомъ онъ видитъ много общаго и сходнаго, отличающаго ихъ несравненно болѣе отъ средины, чѣмъ другъ отъ друга. Эти воззрѣнія послужатъ къ дальнѣйшему объясненію многихъ явленій, анализируемыхъ имъ въ общественной жизни Германіи, и многихъ его выводовъ. Но при этомъ никакъ не должно забывать той географической фигуры (образуемой средними возвышенностями, то-есть, треугольника съ широкимъ основаніемъ на протяженіи Рейна, и съ острымъ угломъ или вершиною въ Саксоніи и Силезіи), которую онъ разумѣетъ подъ среднею Германіею; также не должно упускать изъ виду, что и въ этой средней Германіи встрѣчаются безпрестанно многія противоположности и физіологическія черты юга и сѣвера, что многія мѣстности имѣютъ переходныи характеръ то къ сѣверу, то къ югу, что наконецъ разнообразіе, пестрота, смѣшеніе общественныхъ явленій и типовъ именно составляютъ главную отличительную черту средней Германіи, въ противоположность къ болѣе или менѣе массивнымъ, къ болѣе или менѣе однообразнымъ очертаніямъ и формаціямъ крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ странъ.

«Съ постепеннымъ паденіемъ древней Германской имперіи, говоритъ г. Риль, стало дѣлаться все болѣе и болѣе явственнымъ это естественное разчлененіе Германіи на три части,—разчлененіе, которое имѣетъ не только свои географическія и этногра-

фическія основанія, но и общественныя. Но оно еще не созрѣло до совершенной ясности и опредѣленности. Старому времени было совершенно чуждо понятіе «сѣверной Германіи» во всемъ его объемѣ, какъ мы его понимаемъ, и всего менѣе проникало оно въ народное сознаніе. Послѣднее совершается теперь, и съ каждымъ днемъ все болѣе. Въ самой природѣ страны уже первоначально заключалось это раздѣленіе на три части; но политическою возможностію сдѣлалось оно только съ паденіемъ Германской имперіи и съ вступленіемъ Пруссіи и Австріи въ разрядъ первостепенныхъ державъ. Какъ памятникъ паденія Германскаго государства стоитъ средняя Германія, съ своимъ обособленіемъ (Individualisirung), само себя разлагающимъ, доходящимъ до самой послѣдней краиности, съ своею политическою разорванностію, съ совершеннымъ распаденіемъ всѣхъ своихъ естественныхъ общественныхъ группъ, но и съ своею ненасытимою личною дѣятельностію, съ безчисленными развалинами стараго блеска и могущества.

«... Географы, какъ извѣстно, несогласны между собою относительно пограничной черты между сѣверною и южною Германіей. Камень преткновенія именно составляетъ средняя Германія, ее именно затрудняются отнести то къ сѣверной, то къ южной Германіи. Точно также несогласны и еще не ясны воззрѣнія на этотъ вопросъ въ самомъ народѣ. Средняя Германія есть та точка равноденствія, на которой рѣзкія противоположности германской народности встрѣчаются между собою, пересѣкаются, сглаживаются и разрѣшаются. Среднюю Германію легче опредѣлить тѣмъ, чего въ ней нѣтъ; нежели въ томъ, что она есть. Въ этомъ отношеніи можно сравнить среднюю Германію съ четвертымъ сословіемъ въ гражданскомъ обществѣ, которое въ дѣйствительности существуетъ, но еще не замкнуто, котораго текучая сущность не подчиняется строгимъ границамъ какого-либо одного понятія, которое въ своихъ частностяхъ заключаетъ только элементъ для новыхъ состояній или общественныхъ группъ, но въ цѣломъ является все-таки совершенно самобытнымъ и новымъ феноменомъ.

«Такъ какъ въ средней Германіи столкнулись и смѣшались самыя противоположныя характеристическія черты германской народной жизни, то всегда подвергаешься искушенію принять эту пеструю энциклопедію нашего общества за гражданское общество всей Германіи. Такимъ одностороннимъ воззрѣніемъ были увлечены весьма многіе честно-либеральные государственные

люди. Внѣшняя сторона подобнаго воззрѣнія много говоритъ въ его пользу, ибо въ дѣйствительности мы еще не далеко отстоимъ отъ того великаго и богатаго періода времени, когда все наше литературное образованіе, въ самой своей сущности, поддерживалось и проникалось всѣми тѣми элементами, которые поддерживаютъ и проникаютъ собою средне-германскую народную жизнь. Гуманизмъ, который сглаживаетъ или не хочетъ знать никакихъ противоположностей въ народныхъ вѣрованіяхъ, который представляетъ себѣ сословныя общественныя различія окончательно исчезнувшими, и нисколько не заботится о развалинахъ, еще полныхъ естественной мощи, многихъ древнихъ народныхъ группъ, нашелъ для себя фактическую опору въ положеніи средне-германскаго, мелкогосударственнаго общества Теперь уже это болѣе чѣмъ совершенно выдохшаяся фраза,—общеупотребительная въ прежнее время,—называть лежащій въ «сердцѣ» средней Германіи Веймаръ «Германскими Аѳинами», а Лейпцигъ «Малымъ Парижемъ». Наша классическая литературная эпоха принадлежитъ преимущественно средней Германіи. Вѣна тогда едва была называема; Берлинъ, за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, былъ нѣчто въ родѣ литературнаго предмѣстія Веймара, Іены, Лейпцига, Гёттингена и всѣхъ другихъ мелкихъ центровъ умственной жизни средней Германіи. Даже въ самыхъ церковныхъ государствахъ и въ «мрачныхъ поповскихъ городахъ» на Рейнѣ и Майнѣ царствовалъ тогда духъ германизма, просвѣщенія и всемірнаго гражданства, о которомъ мало или вовсе ничего не знали на первобытно-свободномъ поморьѣ сѣверо-германскои равнины и въ республиканскихъ ганзейскихъ городахъ, и который до сихъ поръ остался чуждъ большеи части централизированнаго юга Германіи. Потому, при оцѣнкѣ умственнаго и общественнаго развитія германскаго народа, тогда вовсе не принимали въ разсчетъ этихъ варваровъ на морскихъ берегахъ и въ высокихъ горахъ. Несмотря на свое политическое безсиліе, средняя Германія располагала, еще во второй половинѣ XVIII вѣка и первой четверти XIX, направленіемъ литературныхъ воззрѣній и сужденій во всемъ нашемъ обществѣ. Настоящая борьба за органическое дѣленіе общества или за крайнее его уравненіе, со всѣми обширными своими послѣдствіями, есть борьба германскаго сѣвера и юга за освобожденіе отъ общественнаго владычества средней Германіи. Съ сѣвера и юга, гдѣ еще есть большіе лѣса, болота, горы, дичь, — пришла германская реакція. Не въ сѣверной ли Германіи теперь главное средоточіе дворянъ и ари-

стократовъ, людей съ сословными предубѣжденіями, также людей строго набожныхъ и вѣрующихъ, протестантскихъ миссіонеровъ, поборниковъ христіянскаго государства? Не на югѣ ли ультрамонтаны, *монахи-живописцы*, протекціонисты, цехи, всегерманскіе монархисты? Въ сѣверной Германіи политическія партіи ведутъ споръ, который вращается около великихъ вопросовъ. Въ средней Германіи уже давно размѣняли великіе вопросы на мелкіе и даже самые мелкіе. Но всего этого бы не было, еслибы на общественной картѣ Германіи не были вновь открыты *варварійскія* пустынныя страны германскаго сѣвера и юга. Еслибы новая реакція съ юга и сѣвера была только реакція со стороны правительства, партій или горсти школьныхъ политиковъ (какъ ее часто представляютъ), то она осталась бы безсильною. Но она была реакціею изъ среды народа, общественною реакціей, и она не призвала къ жизни ничего отжившаго, нѣтъ, она ищетъ возстановить права живущаго, но забытаго и отодвинутаго на задній планъ, и тѣмъ самымъ возвѣщаетъ дѣйствительное движеніе впередъ.»

Здѣсь опять, и уже болѣе явственно, просвѣчиваютъ нѣкоторыя личныя симпатіи автора, которыя никакъ не соотвѣтствуютъ ни нашимъ собственнымъ влеченіямъ, ни, смѣемъ думать, потребностямъ времени. Но мы опять оставимъ въ сторонѣ эти симпатіи, и будемъ преимущественно обращать вниманіе на факты вѣрные, хотя бы, можетъ-быть, и выставленные авторомъ при нѣкоторомъ исключительномъ колоритѣ освѣщенія. Были бы вѣрны факты, выражающіе то или другое положеніе общества, выводы придутъ сами собою. А въ справедливости очерченной г. Риломъ картины средне-германскаго, сѣверныхъ и южныхъ обществъ, кажется, нельзя сомнѣваться.

Общественное единство на сѣверѣ и югѣ Германіи не уничтожило однако всѣхъ мѣстныхъ особенностей народнаго развитія. Разнообразіе въ діалектахъ не меньше на сѣверѣ и югѣ, чѣмъ въ средней Германіи; но тамъ гораздо болѣе общаго въ характерѣ всѣхъ мѣстныхъ нарѣчій, чѣмъ здѣсь. Въ средне-германскихъ государствахъ гораздо болѣе размельченія въ діалектахъ, нѣтъ крупныхъ, общеупотребительныхъ, понятныхъ для обширныхъ мѣстностей, нарѣчій. Въ высокогорныхъ альпійскихъ пространствахъ жители одной долины весьма часто не имѣютъ никакого понятія о жителяхъ другой, ближайшей долины, отстоящей отъ первой на два или на три часа ходьбы. Тѣмъ не менѣе, если они между собою случайно встрѣтятся, то встрѣтятся какъ

братья, какъ земляки. Такимъ внѣшнимъ разобщеніемъ и внутреннимъ единствомъ, различіемъ въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и привычкахъ жизни, и единствомъ общаго направленія духа отличаются и жители сѣвернаго поморья и острововъ.

«Какъ замѣчательный обращикъ *особенности, проникнутой высшимъ единствомъ* сѣверогерманской народности, въ противоположность къ расщепленію средней Германіи, говоритъ г. Риль, является островъ Рюгенъ. Когда разсматриваешь на картѣ очертанія этого острова, состоящаго изъ кружевообразнаго соединенія мысовъ, полуострововъ и косъ, которыхъ зерно опять перерѣзано внутренними озерами, то думаешь, что здѣсь могутъ быть только поселенія, обособившіяся до самаго послѣдняго внутренняго разъединенія. Дѣйствительно, здѣсь представляется въ народонаселеніи все естественное расположеніе къ подобной разорванности. И между тѣмъ народный характеръ этихъ островитянъ, во всѣхъ главныхъ чертахъ, чрезвычайно крѣпко собрался въ одно цѣлое и заперся въ самого себя. Эта двойственность натуры дѣлаетъ островъ Рюгенъ единственнымъ въ своёмъ родѣ пунктомъ для этнологическихъ наблюденіи въ Германіи. Какъ бываютъ особенно предпочитаемыя метеорологическія станціи, точно также могутъ быть и этнологическія, на которыхъ долженъ бы водвориться постоянный наблюдатель народной жизни. Только тогда могли бы наши государственные люди узнавать изъ цѣлаго ряда наблюденій, какъ образуются вѣтеръ и погода въ нижнихъ слояхъ общественной атмосферы.

«Обитатели Рюгена географически такъ между собою разобщены, что на ихъ языкѣ нѣтъ даже общеупотребительнаго названія для всего острова. Здѣсь говорятъ о полуостровахъ Витовѣ, Ясмундѣ, Менхгутѣ, Цударѣ (входящихъ въ составъ острова), какъ объ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ странахъ. Рюгенъ служитъ названіемъ только для небольшой части острова, и еслибы кто захотѣлъ въ разговорѣ съ жителями распространять это названіе на весь островъ, то это отвлеченное географическое понятіе такъ же мало было бы для нихъ понятно, какъ для нѣкоторыхъ Нѣмцевъ отвлеченное понятіе общей Германіи.

«Взаимныя сношенія жителей полуострововъ между собою поразительно рѣдки, и оба соединительные перешеика почти вовсе не обработаны. Здѣсь можно ходить цѣлый день посреди песка и ила, не встрѣчая ни одной человѣческой души. Какъ въ Альпахъ скала, глетчеръ раздѣляютъ двѣ сосѣднія долины, будто два отдаленные другъ отъ друга міра, такъ и здѣсь перешейки раз-

общаютъ совершенно-своеобразно развившіяся народныя группы. Каждыи полуостровъ имѣетъ свой особенный оттѣнокъ нарѣчія, Менхгутъ даже свой особенный языкъ. Здѣсь преобладаетъ еще народныи костюмъ, въ то время какъ вообще въ прибальтійскомъ краѣ едва сохранились нѣкоторые остатки народнаго одѣянія. Здѣсь люди вообще мало имѣютъ вкуса къ художественнымъ формамъ и цвѣтамъ. Характеристическою чертой для безцвѣтнаго и беззвучнаго сѣвера служитъ та одежда рыбаковъ на Мѣнхгутѣ, которая отличается у мущинъ только покроемъ, а не цвѣтомъ, и является смѣшеніемъ разныхъ грязно-сѣрыхъ красокъ...

«.... Каждый клочокъ земли имѣетъ здѣсь какія-нибудь свои особенности, совершенно исключительныя, и между тѣмъ единство народной жизни не распадается, какъ въ средиземныхъ странахъ. Послѣднее было бы возможно только въ такомъ случаѣ, еслибы всѣ эти обособившіяся частицы не составляли острова и морскаго острова. То, что было разъединено въ характерѣ народной жизни этою пестрою, безпорядочною смѣсью горъ и долинъ, поля и лѣса, пустырей, дюнъ, болотъ, скалъ, то соединилось подъ мощною рукою со всѣхъ сторонъ волнующагося моря. Море—высшая охраняющая общественная сила для Рюгена. Въ большомъ видѣ повторяется то же самое на британскихъ островахъ. Море соединяетъ сѣверную Германію, какъ высокія горы южную Германію. На твердой землѣ интересы прибрежныхъ жителеи разбѣгаются по разнымъ направленіямъ, на морѣ они однообразны.

«Это можно видѣть въ небольшомъ видѣ на Рюгенѣ. Добыча въ ловлѣ сельдей есть *горячій вопросъ* для всего острова. Если сельди прибываютъ весною бесзисленными стадами, то люди веселы на цѣлый годъ, какъ жители виноградниковъ послѣ хорошей осени. Счастливый уловъ сельдей также мало можетъ быть напередъ извѣстенъ, какъ и урожай винограда. Хронологія на Рюгенѣ основана на годахъ счастливой ловли сельдей, какъ въ прирейнскомъ краѣ на урожаяхъ винограда, но олимпіады улова сельдей къ счастію не такъ продолжительны, какъ олимпіады винодѣлія.

«Все образованіе, все умственное содержаніе этого прибрежнаго народонаселенія обусловлено моремъ. Житель Рюгена вообще довольно хорошо можетъ справиться съ географическою картою. Всходя на какую-нибудь горную вершину, онъ легко обозрѣваетъ весь свой островъ, будто карту. Онъ знакомъ съ необходимыми морскими инструментами, которыхъ одинъ

видъ привелъ бы иной разъ въ ужасъ какого-нибудь средиземнаго крестьянина. Но отсюда не слѣдуетъ еще заключать, что крестьянинъ острова Рюгена вообще образованнѣе другихъ крестьянъ; его образованіе имѣетъ только нѣкоторыя свои особенности. Вся народная поэзія на Рюгенѣ, преданія, сказки основаны на разныхъ предразсудкахъ и сказаніяхъ, относящихся къ морю. Всѣ юридическія воззрѣнія народа развились подъ вліяніемъ понятій о береговомъ правѣ...

«.... Часто встрѣчаютъ путешественника въ селахъ на Рюгенѣ вопросомъ: что̀ дѣлается въ свѣтѣ? Одинъ старый рыбакъ въ Менхгутѣ, самомъ забытомъ уголкѣ всего острова, сдѣлавшій мнѣ тотъ же самый вопросъ, осенью въ 1851 году, конечно не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ дѣлалось тогда въ свѣтѣ; только одно его интересовало: нахлынули ли опять Французы, или скоро ли это будетъ? Все его знакомство съ европейскою политикой ограничивалось одною мыслію, что Франція (говоря журнальнымъ языкомъ) источникъ европейскихъ революцій. Въ то же самое время *Revue des deux Mondes* представляло это самое воззрѣніе какъ искусственный продуктъ европейской реакціи. Но оно глубоко вкоренилось въ народный образъ мыслей Германіи; это настоящее народное вѣрованіе и, можетъ-быть, въ иныхъ случаяхъ суевѣріе. Этотъ рыбакъ на крайней оконечности сѣверо-германскаго поморья, который о всякомъ явленіи внѣ рюгенскаго міра рѣшительно ничего не знаетъ, который о странѣ, называемой Франціею, имѣетъ конечно самыя фантастическія понятія, конечно не былъ настроенъ со стороны реакціи изъ Петербурга, Берлина, Вѣны, и все-таки вышесказанное убѣжденіе таится въ немъ, какъ одно изъ основныхъ его вѣрованіи. И каждый простолюдинъ въ Германіи скажетъ то же самое. Такое всеобщее народное воззрѣніе не можетъ однако быть построено на воздухѣ.

«Тому же самому рыбаку разказывалъ я про южную Германію; то была для него страна еще болѣе чуждая, чѣмъ революціонная Франція, созданная его воображеніемъ. Я описывалъ ему высокія горы, глетчеры и вѣчный снѣгъ, и замѣтилъ, что онъ слушалъ меня какъ какого-нибудь хвастуна. Я говорилъ ему о быстрыхъ горныхъ потокахъ въ противоположность къ смирнымъ, стоячимъ лужамъ острова, объ опустошающихъ разливахъ, которыми тамъ угрожаютъ малѣйшіе ручьи, тогда какъ здѣсь люди живутъ совершенно безопасно посреди безбрежнаго моря, о градобитіяхъ и грозахъ, которыя наносятъ столько вреда на

твердой землѣ, тогда какъ здѣсь громъ составляетъ чрезвычайное исключеніе; при этомъ я разказалъ о предусмотрительныхъ Швабахъ, ставящихъ громоотводъ на каждую свою бесѣдку, въ то время, какъ на плоскомъ поморьѣ высочайшія башни, фабричныя трубы и дворцы безъ всякой защиты возносятъ свои вершины къ небу. Старикъ слушалъ все съ видомъ сомнѣнія... Но впечатлѣніе, произведенное на него моимъ разказомъ, внезапно измѣнилось, когда я сталъ описывать ему крестьянское хозяйство въ средней Германіи. Я разказалъ ему о неограниченной дѣлимости поземельныхъ участковъ, ежегодно выкидывающей на улицу тысячи здоровыхъ, способныхъ къ труду нищихъ, тогда какъ на Рюгенѣ нищіе только калѣки и увѣчные. Я старался выяснить ему, какъ тамъ величина отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ постепенно уменьшается въ той самой пропорціи, въ какой растетъ число владѣльцевъ. Я привелъ въ примѣръ болѣе знакомое мнѣ положеніе шести деревень въ Гогенцоллернѣ, составляющихъ одну группу населенія. За 40 лѣтъ предъ симъ, тамъ было еще 77 крестьянъ, которые жили отдѣльными дворами, имѣвшими каждый въ своей собственности болѣе 100 моргеновъ земли, тогда какъ теперь во всѣхъ шести деревняхъ ни одинъ крестьянинъ не имѣетъ 100 моргеновъ. Это объясняется легко, ибо та же самая масса поземельной собственности, которая прежде раздѣлена была между 3000 владѣльцами, дѣлится теперь между 5000. За сорокъ лѣтъ всѣ шесть деревень имѣли до 360 лошадей, теперь только 60, прежде было тамъ 830 рабочихъ быковъ, теперь крестьяне вовсе не держатъ быковъ и пашутъ коровами. Въ прежнее время, когда хотѣли въ средней Германіи дать обидное названіе какому-нибудь крестьянину-бѣдняку, то называли его *коровьимъ мужикомъ*, то-есть такимъ, который до того разорился, что пашетъ дойною коровой и доитъ ее во время работы. Скоро это ругательное прозвище обратится въ почетное, ибо уже начинаютъ тамъ и сямъ на крохотныхъ крестьянскихъ владѣніяхъ сносить всю жатву домой на рукахъ, и тотъ, кто еще можетъ употребить на это корову, имѣетъ тамъ то же общественное значеніе, какъ въ другихъ мѣстностяхъ выѣзжающій въ поле съ парною упряжью. Я просилъ стараго рыбака сравнить это обстоятельство съ его отечественнымъ островомъ, гдѣ избытокъ молодыхъ работниковъ, вмѣсто того чтобы разносить родительское достояніе, идетъ въ море, и часто на англійскихъ судахъ, подъ фирмою какого-нибудь «датскаго» матроса, внушаетъ Англичанамъ уваженіе къ мореходному искусству бальтій-

скихъ жителей; гдѣ крестьянское обособленіе такъ сильно, что жители Мёнхгута не хотятъ брать себѣ женъ изъ другихъ частей Рюгена и принимать въ свой кругъ «чужія семейства». Когда старикъ все это услыхалъ, то началъ вѣрить моимъ предшествовавшимъ описаніямъ величественной южной природы, рѣкъ и горъ, о которыхъ его холмы и озера не могли дать ему никакого понятія, и выразилъ такое мнѣніе, что должно же быть въ нашемъ краѣ за всѣмъ этимъ что-нибудь да очень плохое; какъ будто ему явилась мысль поэта, что есть страны слишкомъ прекрасныя для того, чтобы люди могли быть въ нихъ счастливы.

«Несокрушимая гордость своею родиною въ сѣверномъ и южномъ Германцѣ можетъ быть теперь связана въ простомъ человѣкѣ съ самыми удивительными мелочами. Но она имѣетъ свои глубокіе историческіе корни. Южная Германія, съ первобытныхъ временъ и понынѣ, должна была выдерживать закаляющій бой съ Гуннами, Мадьярами, Турками; сѣверная Германія съ Норманами и съ пограничными сосѣдями—Скандинавами и Славянами. Южная Германія распространяла свои колоніи въ придунайской области, и къ чести ея, каждаго Нѣмца зовутъ до сихъ поръ въ Венгріи Швабомъ; сѣверная Германія колонизировала прибалтійскій край. Средняя Германія вовсе не высылала колоній; даже наоборотъ, ея лучшія земли, то на время, то навсегда, были захватываемы Французами. Потому-то иностранцы различаютъ только сѣверную и южную Германію. Среднегерманцы оставались въ теченіи вѣковъ запертыми въ самой узкой политической сферѣ мелкопомѣстной жизни (Kleinleben); конечно по тому самому они и развивались въ умственномъ отношеніи, въ иныя эпохи, богаче и свободнѣе, но и быстрѣе прожились. Въ послѣднее время, только сѣверная и южная Германія принимала участіе въ европейской политикѣ, и именно для того, чтобы сокрушить силу двухъ могущественнѣйшихъ средоточій нашей страны, хотѣлъ Наполеонъ построить, по собственной своей фантазіи, среднегерманское государственное тѣло, независимое отъ этихъ обоихъ средоточій.

«У мелкихъ крестьянъ средней Германіи, и именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ всего болѣе тяготѣло надъ ними ярмо феодализма, стало историческимъ обыкновеніемъ выдавать себя, передъ пріѣзжимъ изъ города, за гораздо болѣе угнетенныхъ и страждущихъ, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ есть; тогда какъ напротивъ крестьяне въ издревле-свободныхъ сѣверныхъ странахъ или въ высокихъ горахъ юга, гдѣ дичь дѣлаетъ человѣка свобод-

нымъ (?), охотно превозносятъ свое благосостояніе и довольство, или же роскошь и красоту своей природы. Богатый крестьянинъ изъ Поморья конечно пріѣзжаетъ въ Гамбургъ въ засаленыхъ штанахъ сомнительнаго цвѣта, но тѣмъ съ большею гордостію заставляетъ онъ звенѣть тяжеловѣсные талеры, засунутые въ эти штаны, и бѣдный альпійскій пастухъ, передъ которымъ вы вздумаете превозносить всѣ преимущества средней Германіи, полагаетъ, что онъ окончательно васъ побилъ, когда замѣтилъ вамъ, что тамъ даже не водятся дикія козы. Въ сѣверной Германіи есть еще вліятельное землевладѣльческое дворянство, и подлѣ него развита также порода недорослей *юнкерство* (Junkerthum). Въ средней Германіи болѣе нѣтъ настоящаго юнкерства, ибо дворянство большею частію разложилось какъ и прочія сословія. Но за то здѣсь царствуютъ въ деревняхъ жиды, тотъ самый мелкій жидъ, котораго дворянство призвало къ себѣ и взлелѣяло во время своего паденія, и крестьянинъ много перенялъ привычекъ у мелкаго торгаша-жида.

«Такой жидъ обладаетъ обыкновенно удивительнымъ искусствомъ притворяться бѣднякомъ и страдальцемъ; онъ съ намѣреніемъ носитъ всегда истертое платье, и если никто не называетъ его бѣднымъ, то онъ самъ себя такъ называетъ, въ то время какъ важные городскіе Евреи обыкновенно весьма старательно выставляютъ свое богатство. Въ мелкомъ крестьянинѣ, какъ и въ мелкомъ жидѣ, отражается темное воспоминаніе о печальныхъ средневѣковыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ сильный непремѣнно ограбилъ бы ихъ, еслибы достатокъ ихъ сдѣлался извѣстенъ.

«Различіе между большими массами нашихъ централизированныхъ, въ *общественномъ* отношеніи, земель и обособившеюся (индивидуализированною) среднегерманскою страною, имѣетъ огромную важность для изслѣдованія гражданскаго общества. Что здѣсь, въ изученіи взаимныхъ отношеній страны и людей, разлагается на географическія особенности, то должно опять, въ очеркѣ гражданскаго общества Германіи, явиться въ совокупномъ единствѣ. Тогда нужно будетъ отвлечь идеальныя группы германскаго мѣщанина, крестьянина и проч., отъ всѣхъ здѣсь начертанныхъ мѣстныхъ различій и типовъ народной жизни. Но эти общія черты германскихъ общественныхъ группъ, потому именно такъ рѣдко изображаются вѣрно, что напередъ не бываютъ съ точностію опредѣлены и признаны мѣстныя особенности и случайности; и что нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе того или

другаго политическаго воззрѣнія или личной склонности, принимаются за цѣлое Я самъ себѣ отдалъ во всемъ этомъ отчетъ, когда собралъ въ умѣ всѣ разнообразныя сужденія, которыя были вызваны моею книгою «о гражданскомъ обществѣ». Что съ сѣверо-германской или южно-германской точки зрѣнія было признано вообще справедливымъ и вѣрнымъ въ моихъ изображеніяхъ, то находили, при среднегерманскомъ воззрѣніи, одностороннимъ и ложнымъ, и наоборотъ. Именно черезъ эти перекрещивающіяся сужденія пришелъ я къ успокоительному убѣжденію, что вообще, должно-быть, я попалъ на истину. Но при этомъ я увидѣлъ, до какой степени необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ мѣстныхъ особенностяхъ и ихъ отношеніи къ общей картинѣ гражданскаго общества, и такимъ образомъ возникли изслѣдованія *о странѣ и людяхъ*, какъ необходимое введеніе къ книгѣ о гражданскомъ обществѣ.

«Въ централизированныхъ народныхъ массахъ германскаго сѣвера и юга, которымъ преимущественно принадлежатъ настоящее и ближайшее будущее, всѣ общественныя движенія разражаются съ большею энергіей и односторонностію. Но никакъ не должно впадать въ то искушеніе, чтобъ эти мощныя односторонности принимать за цѣлое, какъ это прежде дѣлалось, въ отношеніи къ пестрому энциклопедическому разнообразію, примирительнымъ и переходнымъ тонамъ, разрѣшенію и уравненію рѣзкихъ противоположностей германскаго духа въ среднегерманской народности.»

Такимъ образомъ набрасываетъ г. Риль общія отличительныя черты главныхъ составныхъ частей Германіи и германскаго политическаго и общественнаго міра; далѣе онъ будетъ входить въ бо́льшія подробности общественной и народной физіономіи, характеризующія главныя группы разнообразныхъ мѣстностей Германіи. Сдѣлавъ довольно значительную выписку, чтобы лучше ознакомить нашихъ читателей съ планомъ дѣленія Германіи и вообще съ направленіемъ мыслей г. Риля, мы не хотѣли прерывать его собственныхъ словъ. Между тѣмъ его эклога объ островѣ Рюгенѣ, не лишенная фактическаго интереса, не совсѣмъ удовлетворяетъ нашимъ собственнымъ влеченіямъ, и мы обязанностію считаемъ заявить о томъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ. Можно описывать довольство не тронутыхъ промышленнымъ духомъ поселеній; скажемъ болѣе, не безполезно видѣть недостатокъ благосостоянія въ низшихъ народныхъ массахъ тѣхъ обществъ, которыя со всѣхъ сторонъ, какъ въ средней Германіи, охвачены промышленнымъ

и умственнымъ развитіемъ; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что это положеніе вещей было необходимымъ органическимъ переходомъ отъ такого же довольства, какимъ повидимому наслаждаются жители острова Рюгена. Увеличеніе народонаселенія и развитіе новыхъ въ немъ потребностей, незнакомыхъ человѣческимъ обществамъ въ первоначальную эпоху культуры, и повели къ промышленной дѣятельности, такъ жестоко изрывшей общественную почву въ западной Европѣ, такъ безпощадно обдѣлившей однѣ общественныя группы, такъ щедро вознаградившей трудъ другихъ. Но то недовольство своимъ положеніемъ въ средне-германскихъ поселеніяхъ, которое выставляетъ г Риль, именно и есть тотъ могучій двигатель всякаго общественнаго успѣха, который повлекъ западно-европейскіе народы на путь просвѣщенія; онъ же долженъ повести ихъ и къ болѣе нормальному равновѣсію общественнаго благосостоянія. Гордость своимъ положеніемъ, гордость нищеты, конечно, весьма замѣчательныя проявленія человѣческаго духа; но и страстное стремленіе выйдти изъ положенія нищеты, внутренній душевный разладъ, между тѣмъ, чего хочется, и тѣмъ, что̀ есть въ дѣйствительности, также, по преимуществу, проявленіе человѣческаго духа. Ему обязанъ Европеецъ всѣми своими историческими подвигами, ему обязанъ онъ и способностью постигать прелесть гармоніи потребностей съ удовлетвореніемъ, которая ему нравится въ дикарѣ, и которой не достаетъ ему.

Чтобы представить болѣе выпуклымъ образомъ характеръ народной жизни въ разныхъ частяхъ Германіи, нашъ авторъ беретъ самыя рѣзкія ихъ противоположности. Такъ онъ беретъ, какъ образцикъ разщепленной народности средней Германіи, прирейнскія населенія (такъ-называемый Rheingau, собственно пространство средняго Рейна), и подлѣ нихъ южную Баварію, коренную представительницу широко-развившейся германской народности на югѣ. Съ одной стороны бѣдный народъ, съ другой — богатый; бѣдный живетъ въ золотомъ углу древнихъ, когда-то богатыхъ церковныхъ владѣній на Рейнѣ, богатый — на бѣдныхъ, пустынныхъ плоскихъ возвышенностяхъ римской Ретіи!

Уже съ XV столѣтія слышатся жалобы на обѣдненіе реинскаго народонаселенія; уже тогда чрезмѣрное развитіе винодѣлія подавляло собою всѣ прочія отрасли народной промышленности. Уже съ того времени рейнское народонаселеніе не можетъ покинуть мысль, сдѣлавшуюся для него какою-то маніею, что въ винодѣліи исключительное его призваніе. Здѣсь мы видимъ народонаселе-

ніе, которое въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій находится подъ гнетомъ злосчастныхъ отношеній капитальной ренты къ задѣльной платѣ и напрягаетъ свои усилія къ разрѣшенію этой страшной экономической задачи. До сихъ поръ оно успѣло только въ отрицательныхъ ея разрѣшеніяхъ, то-есть въ выселеніи; съ давнихъ поръ высылаетъ Рейнскій край своихъ эмигрантовъ, прежде въ другія страны Германіи, теперь въ Америку и Австралію. Хотя страданія прирейнскаго народонаселенія отъ винодѣлія, или, какъ говоритъ г. Риль, отъ избытка культуры, отъ излишества обработки (Uebercultur), весьма давнія, но только въ самое недавнее время рѣшились здѣсь прибѣгнуть къ болѣе грубымъ родамъ земледѣлія—хлѣбопашеству и скотоводству, чтобы вмѣстѣ съ виноградомъ имѣть нѣсколько и хлѣба. Теперь обращеніе виноградниковъ подъ пашню считается здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *успѣхомъ* хозяйства; — такъ понятіе успѣхъ относительно! Между тѣмъ въ прежнее время самою грубою насмѣшкою было сказать про кого-нибудь, что *онъ запахалъ свой виноградникъ*. «Позднимъ лѣтомъ, въ 1850 году, говоритъ г. Риль, путешествовавшіе по Рейну были поражены близь самаго Іоганнисберга, видомъ одного склона горы, на которомъ дымились одинъ подлѣ другаго тысячи маленькихъ огней, ночью этотъ склонъ походилъ на военный лагерь, днемъ дымъ застилалъ черною тучей всю долину Рейна Это были огни, зажженные для чистки полей подъ пашню; они пожирали пирамидально складенныя куски дерна и съ нимъ всѣ корни винограда, чтобы приготовить почву подъ первый посѣвъ. Этотъ огонь былъ направленъ не противъ дичи первобытныхъ лѣсовъ, какъ въ Америкѣ, а противъ бѣдствія чрезмѣрной культуры, скрывающагося на сосѣднихъ холмахъ королевскихъ виноградниковъ Іоганнисберга подъ наружнымъ покрываломъ, которое блещетъ золотомъ. Старые жители Рейна перевернулись бы въ своихъ гробахъ, еслибъ они узнали, что въ 1850 году, вблизи Іоганнисберга обработаны были новыя поля подъ картофель! Между тѣмъ это несомнѣнный фактъ!» Подобные факты, скажемъ мы, должны заставлять всякаго ближе вникать въ сущность и условія такъ-называемаго раціональнаго хозяйства, должны напоминать намъ, что цѣль всякой отрасли народнаго хозяйства не блистательныя его утонченности, не техническіе успѣхи обработки, не внѣшняя раціональность, а благосостояніе, которое заключается прежде всего въ равновѣсіи способовъ съ потребностями.

Три церковныя княжества столкнулись вмѣстѣ на среднемъ Рейнѣ:

Вюрцбургъ, Курмайнцъ и Куртриръ. Драгоцѣннѣйшіе виногр адники въ долинахъ Рейна, Майна и Мозеля, находились въ ихъ владѣніяхъ. Группа этихъ земель, распространяющаяся отъ юго-востока далеко къ сѣверо-западу, составляетъ собственно зерно западной средней Германіи. Здѣсь страннымъ образомъ земледѣліе или крестьянское хозяйство было съ давнихъ поръ промышленностью роскоши; крестьянинъ еще отъ временъ среднихъ вѣковъ привыкъ спекулировать на прихоть и невоздержность князей и аристократовъ, столпившихся въ этой странѣ, и богатыхъ жителей сѣверныхъ торговыхъ городовъ. Богатые и нищіе издавна преобладаютъ на этихъ благословенныхъ прирейнскихъ земляхъ; но крѣпкаго, самостоятельнаго средняго класса никогда не было. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нищета водворила здѣсь свое постоянное мѣстопребываніе и сдѣлалась нормальнымъ положеніемъ народонаселенія: таковы около богатой Майнской долины поселенія на горныхъ возвышенностяхъ, Ренѣ и Шпессартѣ, въ Тайнусѣ подлѣ пышныхъ виноградниковъ прирейнскаго края въ тѣсномъ смыслѣ слова (Rheingau, правый берегъ Рейна, внизъ отъ Рюдесгейма, Іоганнисбергъ, Асмансгаузенъ и проч.; эта часть настоящій узелъ и средоточіе всей долины средняго Рейна), насупротивъ долины Мозеля на Вестервальдѣ, на Ейфелѣ

Ни одна изъ отраслей промышленности, удовлетворяющихъ потребностямъ роскоши и моды, не оправилась съ такимъ трудомъ послѣ общественныхъ и политическихъ потрясеній 1848 г., какъ винодѣліе, особенно тонкое. Въ 1850 г. на аукціонѣ винъ, принадлежащихъ государственнымъ имуществамъ Нассаускаго великаго герцогства, — самая высшая цѣна дана была за одну партію гохгеймера 1846 г., именно 5,000 флор.; три года прежде того, такая партія платилась отъ 12 до 14 т. флор. Вкусъ на вино измѣнился; прежняя страсть къ старымъ винамъ исчезла, напротивъ молодое вино вошло въ моду. Старыя вина тяжелы, крѣпки, но также и горьки и жестки; они не имѣютъ тонкаго, возбуждающаго аромата новыхъ винъ; въ выдѣлкѣ послѣднихъ болѣе современнаго, техническаго искусства. Только въ аристократической Англіи сохранилась еще страсть къ старому вину. На Рейнѣ вино 1846 г. считается самымъ старымъ, и то на него особенный спросъ только потому, что послѣ 1846 г. еще не было хорошаго урожая винограда. Нынѣшній годъ считается на Рейнѣ необыкновенно счастливымъ; говорятъ, подобный ему былъ въ XIX столѣтіи только 1811 г.; мы были свидѣтелями тревожныхъ ожида-

ній рейнскаго народонаселенія въ нынѣшнемъ году. Въ счастливые виноградные годы оно какъ-то оживаетъ, и весь край принимаетъ праздничный видъ. Такая тѣсная, рабская зависимость народонаселенія цѣлаго края, въ насущномъ содержаніи, отъ прихоти времени, отъ случайностей погоды, и зависимость, находящаяся внѣ всякой доброй воли, всякихъ усилій труда, подрываетъ всю крѣпость общественной жизни. Между тѣмъ вкусъ къ крѣпкимъ напиткамъ чрезвычайно измѣнчивъ; въ послѣднее время пивомъ совершенно вытѣснено изъ употребленія вино въ большей части Германіи, не только въ бѣдныхъ классахъ, но и въ самыхъ достаточныхъ; только на берегахъ Рейна вино еще общеупотребительно въ народной массѣ. Счастливые виноградные годы сдѣлались какъ-то рѣдки; замѣчаютъ постоянно усиливающуюся продолжительность неудачныхъ періодовъ. Промыселъ винодѣлія имѣетъ мало правильности и точности разсчета, сдѣлавшихся необходимыми принадлежностями всѣхъ прочныхъ современныхъ промышленныхъ предпріятій, теперь онъ болѣе или менѣе, сколько мы могли слышать и видѣть на Рейнѣ, преимущественная принадлежность или чрезвычайно богатыхъ землевладѣльцевъ, князя Меттерниха, герцога Нассаускаго и проч., или самаго бѣднаго народонаселенія, ничего въ немъ не теряющаго, ибо не имѣющаго что потерять. Надъ винною торговлей изощряютъ также свое искусство мелкіе торгаши Цѣны не имѣютъ никакого постоянства; плохое вино продаютъ теперь на Рейнѣ уже не на мѣру, а часто на время: «лить часъ считается 6 крейцеровъ, начатой часъ считается за цѣлый.»

По среднимъ цифрамъ за 200 лѣтъ исчислено, что въ Прирейнскомъ краѣ приходится на двадцать лѣтъ одиннадцать лѣтъ, плохихъ для значительныхъ землевладѣльцевъ; но для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, эти плохіе года могутъ быть названы голодными. Послѣ этого понятно, какія трепетныя ожиданія несчастныхъ людей соединены съ этими, повидимому, изящными виноградниками, такъ привѣтливо улыбающимися беззаботнымъ туристамъ Рейна! Болѣе семи съ половиной милліоновъ бутылокъ вина, и большею частію прекраснѣйшаго, производитъ собственно мѣстность, называющаяся Прирейнскою по преимуществу (Rheingau), но много горькихъ слезъ положено въ это вино. Соображенія о послѣдовательности урожаевъ вина (Weinjahre) наполняютъ собою все содержаніе жизни прирейнскаго народонаселенія, къ нимъ привязаны всѣ мѣстные предразсудки, преданія, суевѣрія. Изслѣдованія науки привели къ нѣкоторымъ

болѣе или менѣе точнымъ результатамъ относительно предузнанія урожаевъ винограда на основаніи отношеній температуры и влажности воздуха; но качество самаго вина иногда ускользаетъ отъ самыхъ внимательныхъ соображеній и совершенно обманываетъ всякіе разсчеты. Во всякомъ случаѣ большіе виноградники, винодѣліе, сосредоточенное въ крупныхъ хозяйствахъ, представляютъ болѣе прочности для этой промышленности; хорошіе и плохіе урожаи разныхъ мѣстностей и лозъ нѣкоторымъ образомъ взаимно уравновѣшиваются; послѣдствія плохихъ годовъ могутъ быть перенесены съ меньшими лишеніями, хорошіе выходы вина могутъ быть лучше выдержаны и капитализированы: тогда какъ въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ они немедленно идутъ на покрытіе разорительныхъ ущербовъ дурныхъ годовъ. Крайнее раздробленіе имуществъ имѣетъ въ этомъ отношеніи самыя пагубныя послѣдствія; здѣсь разительнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь оказывается несостоятельность неимущаго труда передъ капиталомъ. Но возвращеніе винодѣлія къ прежнему порядку хозяйства, когда огромныя плантаціи винограда были соединены подъ владѣніемъ церкви, духовныхъ и свѣтскихъ аристократовъ, невозможно; остается и здѣсь ожидать благотворныхъ вліяній кредита и духа товарищества, которыя бы снова связали раздробленные атомы въ большія и сильныя единицы, но уже на основаніи свободнаго труда и равномѣрной помощи.

«Бѣдствія винодѣлія, говоритъ г. Риль, не могли однако уничтожить привязанность къ жизни и ея наслажденіямъ, которою отличается народный характеръ прирейнцевъ. Они *пропиваютъ свою нужду*; ибо чѣмъ менѣе денегъ у винодѣльца, тѣмъ болѣе онъ можетъ пить. Это постоянно оживающее въ винѣ мужество къ жизни прирейнскаго жителя весьма забавнымъ образомъ представлено въ одномъ народномъ разказѣ. Нигдѣ такъ рѣдко не налагаетъ человѣкъ на себя руку какъ на Рейнѣ; въ особенности совершенно неслыханное дѣло, чтобы здѣсь кто-нибудь, пресыщенный жизнію, рѣшился повѣситься, какъ это свойственно людямъ, одержимымъ тяжкою меланхоліей. Только однажды случился человѣкъ, который хотѣлъ повѣситься. Все его хозяйство пришло въ совершенное разореніе, послѣдняя домашняя утварь была заложена. Только полведра вина оставлено было кредиторами въ его погребѣ. Этотъ бѣднякъ отыскалъ новую веревку, намазалъ ее масломъ, завязалъ искусный узелъ и сталъ подъ балку. Онъ уже готовъ былъ отправиться въ свои роковой путь, какъ вдругъ вспоминаетъ о своемъ полведрѣ вина. Отчего не

выпить хоть одинъ глотокъ на дорогу? Онъ спустился въ погребъ, всунулъ сифонъ въ дыру бочки, гдѣ бываетъ благороднѣйшая кровь всей бочки, и налилъ себѣ полштофа. Когда онъ выпилъ его, то вино показалось ему вкуснымъ, и онъ налилъ еще полштофа. При третьемъ полуштофѣ подумалъ онъ, какъ глупо оставлять хорошее вино наслѣдникамъ, которые будутъ надъ нимъ смѣяться; поэтому онъ выпилъ еще четвертый полуштофъ. Когда онъ приступилъ къ седьмому, то развязалъ тихонько узелъ веревки, всунулъ ее въ отверстіе бочки и закричалъ: такъ качайся же и ты, проклятая веревка! Прежде я опорожню всю бочку, и потомъ уже мы посмотримъ будешь ли ты на что-нибудь годиться. Но выпивъ до дна все вино въ бочкѣ, онъ нашелъ, что веревка не можетъ быть болѣе употреблена на затѣянное дѣло. Таковъ былъ единственный человѣкъ на Рейнѣ, который вздумалъ повѣситься.

«Въ теченіи тысячи лѣтъ жизнь прирейнцевъ погружена въ вино; она сдѣлалась *зелена* какъ вино, какъ добрыя старыя бочки. Много мѣстностей въ Германіи, занимающихся винодѣліемъ, но нигдѣ вино не составляетъ *всего въ жизни*, какъ на Рейнѣ. Здѣсь опять видно, въ какой тѣсной связи находятся между собою страна и люди. Въ винѣ заключается confession de foi Прирейнскаго края; какъ во времена Кромвеля узнавали роялистовъ по пастетамъ, папистовъ — по супу изъ изюму, атеистовъ — по ростбифу, такъ съ незапамятныхъ временъ узнаютъ прирейнцевъ по бутылкѣ вина.

«Говорятъ, что на Рейнѣ матери вливаютъ ложечку добраго стараго вина въ ротъ новорожденныхъ, какъ первую пищу при появленіи ихъ на свѣтъ, чтобы тотчасъ наложить на нихъ печать родины. Настоящій *обжигальщикъ* (Brenner), какъ называютъ на Рейнѣ хорошихъ бражниковъ, непремѣнно выпиваетъ ежедневно семь бутылокъ, скоро старѣется, никогда не бываетъ пьянъ, и отличается только краснымъ носомъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить, какъ на Рейнѣ, такихъ типовъ записныхъ питуховъ, со всѣми ихъ оригинальными особенностями, такихъ знатоковъ и ученыхъ по винной части, которые однако никогда не отличатъ, съ завязанными глазами, по одному вкусу, красное вино отъ бѣлаго,—такихъ прорицателей вина, спеціялистовъ для пробы вина, которые бѣгаютъ отъ одного аукціона вина къ другому, чтобы на пробахъ досыта напиваться даромъ. Всѣ эти типы, подраздѣляющіеся на безчисленные роды, представляютъ неисчерпаемый сю-

жетъ для современной жанристской живописи, какъ матросы гуляки въ Голландіи »

На Рейнѣ, народныя поговорки, брань, росказни, предразсудки и вѣрованія проникнуты понятіями и представленіями, связанными съ виномъ Народный юморъ, неподдѣльная веселость и поэзія вина переплетаютъ собою всѣ обстоятельства и отношенія жизни прирейнскаго народонаселенія, украшаютъ собою всѣ бѣдствія незавиднаго его быта. Обыкновенно чрезмѣрная обработка земли, и еще болѣе, пролетаріатъ даютъ прозаическій характеръ народной жизни. То и другое въ высшей степени проявилось въ Прирейнскомъ краѣ, но самородная поэзія народнаго характера спасена не сокрушаемымъ юморомъ вина, который магически освѣщаетъ прозу голодныхъ годовъ. Винодѣліе, по словамъ г. Риля, обнаруживаетъ свое вліяніе не только на внутренній бытъ народа, на характеръ отдѣльныхъ личностей, но и на все общественное и политическое настроеніе страны

Плохое, кислое вино 1847 года, которое никто не хотѣлъ покупать, и которое было распито во время мартовской революціи въ 1848 г., сохранилось до сихъ поръ подъ названіемъ революціоннаго вина (Revolutions-Wein)

«Прирейнское народонаселеніе, говоритъ г. Риль, прошло сперва черезъ школу пышности и богатства, потомъ испорчено было ярмомъ слишкомъ суровыхъ обстоятельствъ; но дайте этому народу нѣсколько праздничныхъ дней, и его характеръ воспрянетъ во всей своей чистотѣ. Народъ образуется и облагораживается въ радостяхъ праздника вообще скорѣе, чѣмъ отдѣльныя лица; кто въ этомъ желаетъ убѣдиться, долженъ изучить отдѣльныя черты въ прирейнскомъ народномъ характерѣ. Говорятъ, что южный склонъ прирейнскихъ возвышенностей (не надобно забывать сказанное выше о предѣлахъ Прирейнскаго края, Rheingau, въ собственномъ смыслѣ, какъ его разумѣетъ авторъ и какъ обыкновенно разумѣютъ его въ Германіи) имѣетъ самую теплую среднюю температуру во всей Германіи; Рейнъ, въ этой мѣстности широко разлившійся и покрытый островами, сравниваютъ съ италіянскими озерами, и стихотворцы литературнаго періода париковъ назвали эту мѣстность *Германскою Италіей*. Надобно къ этому присовокупить, что здѣсь народный характеръ, болѣе нежели гдѣ-либо во всей Германіи, походитъ на характеръ Италіянцевъ. Какъ-то загорѣлась и сгорѣла на половину одна прирейнская деревня; жители сосѣдняго города при-

шли на помощь, потушили пожаръ, и погорѣвшіе исполнились такой къ нимъ благодарности, что остановили пожарныя трубы и наполнили виномъ ящики. Тутъ пошла попойка; сосѣди братовались и дружно гуляли на дымящихся развалинахъ домовъ, побившись объ закладъ, что опорожнятъ всѣ ящики. Горожане, въ невинности души, затянули пѣсню: «намъ такъ весело вмѣстѣ» и проч. (wir sitzen so fröhlich beisammen), оканчивающуюся куплетомъ. «когда бъ навсегда такъ осталось» (ach! wenn es doch immer so blieb!); этотъ стихъ не понравился крестьянамъ; они оглянулись на развалины домовъ, гдѣ погребено было все ихъ имущество, и просили сосѣдей не пѣть этой пѣсни. Горожане не соглашались. Началась драка, и прежде чѣмъ выпита была половина всего вина, щедрые хозяева и великодушные гости были разведены съ окровавленными головами. Можетъ-быть эта исторія выдумана, но она такъ истинно, такъ вѣрно изображаетъ характеръ прирейнскаго народонаселенія, что если она и не случилась, то всегда можетъ случиться. То же самое могло произойдти и посреди итальянскаго народонаселенія, кромѣ попойки, которая даетъ здѣсь мѣстный колоритъ

«Житель Прирейнскаго края весьма воспріимчивъ ко всякаго рода возбужденію и волненію, и именно политическому: но до сихъ поръ можно было замѣтить, что оно также быстро здѣсь утихало, какъ и возникало. Простолюдинъ, которыи здѣсь вообще болѣе похожъ на омужичившагося горожанина, нежели на настоящаго крестьянина, имѣетъ несравненно болѣе живой темпераментъ, чѣмъ тяжеловѣсные крестьяне сосѣднихъ хлѣбородныхъ мѣстностеи, болѣе быстрое сужденіе, больше чувства личнои независимости, и извѣстнаго лоска общаго образованія. Вино развязываетъ народный духъ. Но народное воодушевленіе походитъ здѣсь часто на шумъ винныхъ паровъ. Когда народъ замѣтилъ, что конечно въ революціонное время веселѣе можно попировать задаромъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается число пирующихъ съ чужой стороны и платящихъ, то сдѣлался онъ, и прежде всего мелкіе крестьяне винодѣльцы, практически-реакціонернымъ; но духъ теоретической оппозиціи составляетъ одну изъ постоянныхъ особенностеи прирейнскаго народнаго характера. Почти во всѣхъ политическихъ движеніяхъ Прирейнскаго края играетъ большую роль какое-то добродушіе. Въ дикихъ крестьянскихъ войнахъ, прирейнцы проливали только кровь винограда и умирали за винными бочками. Когда безпокойные граждане Рауенталя возмутились противъ своего курфир-

ста въ Майнцѣ за то, что онъ не хотѣлъ выполнить своихъ обѣщаній, они нѣсколько лѣтъ сряду собирались каждый вечеръ за стаканомъ вина, чтобъ излить всю свою злобу въ страшной попойкѣ, и преданіе указываетъ доселѣ мѣсто ихъ собраній подъ названіемъ «комнаты мятежа» (Krawallstube). Въ этомъ и состояло все возстаніе. При началѣ волненій 1848 г. опасались за большіе погреба въ Іоганнисбергѣ и Эбербахѣ, гдѣ хранятся милліоны жидкаго золота, и потому, для охраненія этихъ сокровищъ отъ грабежа, приставлена была къ нимъ стража изъ гражданскаго ополченія. Но эта предосторожность оказалась совершенно излишнею. Ибо, какъ гласитъ народное сказаніе, геній мѣста произвелъ такое дѣйствіе на стражу, что должны были не только смѣнять, но и выносить на рукахъ часовыхъ, стоявшихъ у дверей погребовъ съ оружіемъ въ одной рукѣ и стаканомъ вина въ другой.

«Существуютъ цѣлыя библіотеки путеводителей по Рейну, разказывающихъ разныя исторіи, одинъ подробнѣе другаго. Они отмѣчаютъ малѣйшую каменную или деревянную фигуру ландшафта, но ни одинъ изъ нихъ не выставляетъ самой лучшей и оригинальной фигуры всей картины, рѣзко отпечатлѣннаго народнаго характера этой мѣстности. Здѣсь опять оказывается вся новость совокупнаго изученія *страны* и *людей*: страна топографически изслѣдована до мельчайшихъ подробностей, такъ какъ едвали какая-нибудь другая страна въ Европѣ, но людей никто не замѣчаетъ. Но въ этомъ есть нѣчто утѣшительное для болѣе основательнаго наблюдателя: для большинства легкомысленныхъ туристовъ, ежегодно густыми стаями съѣзжающихся на Рейнъ, чтобы въ нѣсколько часовъ проглотить всѣ его красоты, остается навсегда недоступною именно тончайшая прелесть этого наслажденія, заключающаяся въ наблюденіи особенностей народной жизни. Такъ и вездѣ въ Германіи. Такъ чудно разнообразно вылившаяся физіономія нашего народнаго быта ожидаетъ еще, въ своихъ тонкостяхъ и отдѣльныхъ чертахъ, труда ученаго и искусства художника. Въ безчисленныхъ отдѣльныхъ группахъ развитія нашихъ народныхъ племенъ заключается вся кипящая полнота самой свѣжей жизни, которая представляется благодарнѣйшимъ предметомъ изученія для наблюдателя, съ любовію и самоотверженіемъ умѣющаго приближаться къ народу. Бо́льшая часть писателей-путешественниковъ спотыкаются объ этотъ матеріялъ и не замѣчаютъ, что онъ лежитъ у нихъ на дорогѣ.»

Нынѣшній Прирейнскіи край не имѣетъ ни настоящихъ городовъ, ни настоящихъ деревень. Всѣ обитаемыя мѣста составляютъ нѣчто среднее между обоими. Въ преобладающемъ на Рейнѣ занятіи народа, въ винодѣліи, встрѣчаются между собою, переплетаются и спаиваются три главнѣйшія группы труда: земледѣліе, промышленность и торговля. Но ни одна изъ нихъ не даетъ истиннаго и прочнаго благосостоянія народу: здѣсь почти только совершенно богатые и совершенно бѣдные люди, очень большія имѣнія, принадлежащія почти исключительно иностранцамъ, поддѣ крайняго размельченія участковъ. Крестьянскій костюмъ уже давно здѣсь исчезъ; крестьянинъ одѣвается какъ разорившійся мѣщанинъ. Никакихъ особенностей нарѣчія также нѣтъ, но не только въ Прирейнскомъ краѣ, гдѣ издавна встрѣчались и смѣшивались разныя народности, но и во всей средней Германіи нѣтъ рѣзко оттѣняющихся нарѣчій, а только разныя переходныя и блѣдныя формаціи языка. Исторія Прирейнскаго края послѣ среднихъ вѣковъ доказываетъ, какъ обманчива та довольно распространенная мысль, что водвореніе богатыхъ иноземцевъ въ какой-либо странѣ оживляетъ и обогащаетъ ее. Мѣстное народонаселеніе было малочисленно и слабо для того, чтобы противостать иноземнымъ элементамъ, безпрестанно вторгавшимся въ него и разлагавшимъ его общественную физіономію; оно также не имѣло довольно силы, чтобы дать изъ себя при этомъ процессѣ смѣшенія живительную реакцію. Рейнскій край, переполненный княжескимъ и идворянскими резиденціями, былъ похожъ на придворный лагерь. Здѣсь искали утѣхъ и приволья жизни и богатые городскіе патриціи, и иноземные купцы, и духовные и свѣтскіе аристократы. Всѣ внутреннія основанія народной жизни были потрясены. Такую же точно картину представляютъ въ настоящее время мѣстности около минеральныхъ купаній и водъ. Здѣсь во всѣ мѣстное народонаселеніе проникаетъ духъ лакейства и трактировъ, духъ низкопоклонства и спекуляціи на прихоти, изнѣженность и пресыщеніе богатыхъ и важныхъ людей. «Замкнутость страны, говоритъ г Риль, создаетъ народъ, крѣпко держащійся своихъ обычаевъ, преданій своей политической практики. Но это относится только къ такой странѣ, обособленіе которой является совершенно естественнымъ, гдѣ народъ чувствуетъ себя довольно великимъ, чтобы находить для себя удовлетвореніе въ своихъ собственныхъ общественныхъ формахъ. Произвольное обособленіе страны, которая по своей природѣ не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго, производитъ партикуляризмъ (размельченіе общественной жизни).

Послѣдніи разлагаетъ нравы и обычаи народа, и уничтожаетъ въ нѣмъ смыслъ постоянно движущагося впередъ гармоническаго политическаго развитія. Безпокойство, незрѣлость политической жизни слишкомъ малой страны отпечатлѣвается и въ народномъ характерѣ. Здѣсь можно сказать то же о группахъ страны, что̀ и объ общественныхъ группахъ. Плотное, корпоративное сцѣпленіе элементовъ въ настоящихъ сословіяхъ даетъ впервые естественному общественному разчлененію силу и прочность, въ то время какъ перенесеніе той же корпоративной замкнутости на ненастоящія сословія разрываетъ всю внутреннюю связь въ обществѣ. Средневѣковое государственное устройство Рейнскаго края даетъ собою самый лучшій образикъ подобной фальшивой замкнутости. Хотя эта земля, по своей малости, не была въ состояніи сама себя удовлетворять, однако она была замкнута сама въ себѣ какъ средневѣковои укрѣпленный замокъ. Съ юга и запада запирало ее теченіе Рейна; съ востока тянулась цѣпь укрѣпленныхъ стѣнъ и башень; тамъ, гдѣ прекращалась эта цѣпь, образовывали естественную границу на западъ до Рейна горныя возвышенности. Здѣсь лѣсъ составлялъ самое лучшее укрѣпленіе; на нѣсколько миль протяженія сросшіяся и переплетенныя между собою деревья представляли крѣпкую стѣну, которая такъ разрасласъ въ теченіи вѣковъ, что служила лучше всякаго укрѣпленія для защиты страны. Можно было запереть весь этотъ уголокъ земли какъ домъ. Этой территоріяльной замкнутости соотвѣтствовало общественное и политическое обособленіе народа. Владѣтельный князь заперъ свою землицу посредствомъ сторожевыхъ жилищъ (Vogtei); а народъ заперъ себя, поставивъ величайшія затрудненія къ пріему иностранцевъ въ свои союзъ Этотъ общественно - политическій партикуляризмъ высказался положительнымъ образомъ въ чрезвычайно-замѣчательномъ и древнемъ рейнскомъ *пограничномъ союзѣ* (*rheingauischen Heimgeraide*). Въ первобытномъ духѣ этого союза, все мѣстное народонаселеніе принимается за большое семейство. Вся страна составляла общую собственность этого семейства. Лѣсъ, пастбища, воды, дороги и тропы суть предметы пользованія, на которые каждый житель имѣетъ прирожденное право, но только въ смыслѣ общаго владѣнія, ибо ни единый кусокъ земли не могъ быть отрѣзанъ въ личную собственность. Этотъ патріархальный коммунизмъ, который связывалъ все народонаселеніе въ одинъ тѣсный семейный кругъ, развивался, кромѣ Рейнгау, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще понынѣ преобладаетъ сильное полити-

ческое раздробленіе и государственное размельченіе, въ юго-западной группѣ германскихъ государствъ. Въ старое время эти пограничные и лѣсные союзы (Markvereine и Waldgenossenschaften) были могущественнымъ рычагомъ для успѣховъ цивилизаціи и развитія политическаго единства жизни въ народѣ; позже они сдѣлались опорами ложнаго обособленія жизни. Даже постоянно усиливавшаяся княжеская власть долго не могла осилить глубоко вкоренившійся въ народную жизнь партикуляризмъ. Границы сосѣдственныхъ союзовъ часто пересѣкали границы княжескихъ территорій, и такимъ образомъ вносили еще общественное географическое раздробленіе въ политическое...»

«... Рейнгау развилъ свою народную жизнь въ средніе вѣка до самой крайней точки партикуляризма и за тѣмъ изжился. Крайность обособленія перешла въ противоположную крайность. Страна, которая была прежде такъ сурова къ пріему чужеземцевъ, сдѣлалась, въ теченіи XIX столѣтія, какъ бы въ возмездіе, убѣжищемъ странствующей толпы всѣхъ національностей. Но хотя исчезли почти всѣ характеристическія черты прирейнскаго народонаселенія, одна изъ нихъ никакъ не можетъ изгладиться. Житель Рейнгау по преимуществу человѣкъ германскои винодѣльной полосы, винодѣлія и винопитія. Въ этомъ заключается удивительное естественное сродство между *страною* и *людьми*, которое не можетъ быть уничтожено никакими политическими потрясеніями. Основное постановленіе земскаго права въ Рейнгау гласило: *въ Прирейнскомъ краѣ воздухъ дѣлаетъ свободнымъ*. Эта великая привилегія салически – свободныхъ земель давно потеряла всякій смыслъ. Но въ этомъ средневѣковомъ юридическомъ изреченіи лежитъ глубоко-поэтическій смыслъ. Именно воздухъ дѣлаетъ еще свободною современную народную жизнь въ Прирейнскомъ краѣ, заглохнувшую въ тѣсныхъ границахъ столько же незрѣлой, сколько перезрѣлой культуры, этотъ мягкій, геснерическій воздухъ, не имѣющіи себѣ подобнаго во всей Германіи, воздухъ возращающій лозу Штейнберга и Іоганнисберга, для того чтобы по крайней мѣрѣ вино освѣщало лучомъ поэзіи бѣдный народъ въ богатѣйшеи землѣ, чтобы онъ не вовсе лишенъ былъ этого самаго драгоцѣннаго и для отдѣльныхъ людей и для цѣлыхъ народовъ блага, *личной особенности*.»

Въ параллель къ обращику общественной и политически-раздробленной средней Германіи нашъ авторъ беретъ типъ массивно и широко развернувшихся областей и народностей южной Германіи. Въ противоположность западно-средней Германіи, гдѣ на

каждомъ шагу поражаетъ насъ величайшее разнообразіе почвы и народной жизни, развившееся до самой крайней мелочности и пестроты, являются обширные размѣры ландшафта и народности, отсутствіе всякой характеристической личности малыхъ пространствъ, на баварскихъ плоскихъ возвышенностяхъ, въ массивныхъ формаціяхъ природы и народа между теченіемъ Дуная и Альпами. Но эта мѣстность никакъ не лишена личности: она только гораздо крупнѣе и не можетъ быть замѣчена въ продолженіи какой-нибудь послѣобѣденной прогулки, а требуетъ продолжительныхъ изслѣдованій и путешествій.

«Въ германской народности, говоритъ г. Риль, конечно есть двойственность, но она никакъ не совпадаетъ съ категоріями сѣверной и южной Германіи. Она основана на сосредоточеніи и обособленіи страны и народа Обѣ дѣйствующія силы гражданскаго общества, влеченіе къ единству и духъ обособленія, развиваются здѣсь географически и этнографически. Сѣверъ и югъ нашего отечества имѣютъ рѣшительно сродственныя группы народныхъ личностей: средняя Германія образуетъ противоположность имъ. Если отвлечься отъ случайностей, отъ внѣшнихъ декорацій, отъ костюма, то Остъ-Фризы, Шлезвигъ-Голштинцы, Мекленбургцы, Поморяне, стоятъ гораздо ближе къ Старо-Баварцамъ, Тирольцамъ, Штирійцамъ, безконечно ближе нежели всѣ они къ Саксонцамъ, Тюрингцамъ, рейнскимъ Франкамъ и т. д...»

Чтобы выставить эти широкія народныя массы, являющіяся на югѣ и сѣверѣ, въ противоположность къ размельченію средней Германіи, авторъ беретъ южную Баварію

Высокая баварская равнина образуетъ колоссальный мостъ между Альпами и средиземными германскими возвышенностями. Только холмы, безъ числа и названій, не горы оживляютъ эту огромную плоскость. На югѣ образуютъ горизонтъ передовыя альпійскія вершины, которыя на всемъ протяженіи этой мѣстности, съ запада къ востоку, стѣсняютъ кругъ зрѣнія. Безчисленное множество потоковъ параллельными линіями сбѣгаютъ съ Альповъ къ Дунаю, но ни одна значительная рѣка не пересѣкаетъ этой страны и не преобладаетъ въ ней. Воды и берега всѣхъ рѣкъ чрезвычайно между собою сходны. Важнѣйшія рѣки рѣдко имѣютъ правильное русло; образуя безчисленныя вѣтви, рукава, острова, высохшія русла, наносные пески и т. д, всѣ онѣ занимаютъ очень много мѣста. Эти рѣки еще не подчинились требованіямъ просвѣщенія и промышленности; онѣ скорѣе находятся въ непріятельскихъ къ нимъ отношеніяхъ. Онѣ болѣе препят-

ствуютъ сообщеніямъ, нежели способствуютъ имъ. Человѣческія осѣдлости не собрались по ихъ теченію, а напротивъ удаляются отъ нихъ. Иногда бываетъ достаточно одной недѣли бурнаго разлива этихъ водъ, чтобъ уничтожить далеко вокругъ всѣ труды земледѣльца и превратить трудолюбиво-обработанныя пашни въ дикіе пески. На Лехѣ стоялъ нѣкогда древній замокъ Гунценлахъ, зданіе баснословной величины и красоты; здѣсь давали старые баварскіе герцоги свои пышные пиры; этотъ замокъ потонулъ въ Лехѣ и не только замокъ, но и вся принадлежавшая къ нему земля, всѣ знаменитые и роскошные сады, такъ что никто не можетъ теперь даже найдти какіе-нибудь слѣды построекъ. До крайности широкія ложа рѣкъ, далеко распространившіеся безплодные наносы, большія болота, на которыхъ еще живутъ одинокіе колонисты подлѣ маленькихъ разрозненныхъ деревень, значительныя озера и пруды, безчисленные группы холмовъ, которые тѣснятся другъ за другомъ и также между собою сходны какъ морскіе валы, надъ всѣмъ этимъ сводъ неба, который поднимается на югѣ, надъ Альпами, и широко разстилается на сѣверъ къ Дунаю, чтобъ опять спуститься тамъ на линіи горизонта,—такова общая физіономія этой страны.

Эта широкая физіономія природы отражается и въ ближайшихъ къ ней произведеніяхъ человѣческаго искусства,—деревняхъ. Онѣ растянулись здѣсь гораздо шире, чѣмъ въ средней Германіи; дома необыкновенно просторны для крестьянскихъ жилищъ, окна очень велики. Даже на самыхъ кладбищахъ тѣла покойниковъ лежатъ далеко другъ отъ друга. Вездѣ бросается въ глаза впечатлѣніе, что здѣсь еще много мѣста для народа. Это впечатлѣніе имѣетъ какой-то успокоивающій характеръ, когда приходишь сюда изъ мѣстностей густо-населенныхъ и во всѣхъ направленіяхъ перепаханныхъ потребностями промышленности. Участки земель здѣсь необыкновенно велики въ сравненіи съ среднерейнскою страною. Эти высокія и широкія гряды пашней (къ Дунаю прилегающіе такъ-называемые Hochäcker и Bifange) суть вмѣстѣ и историческіе памятники; ибо точно также широко и глубоко проводитъ нынѣ верхне-баварскій крестьянинъ свои борозды, какъ дѣлалъ это, нѣсколько столѣтій тому назадъ, Кельтъ, съ своимъ ретическимъ плугомъ, который описанъ Плиніемъ.

Сходенъ съ рѣками и характеръ дорогъ. Безчисленными развѣтвленіями главныхъ путей, которые случайно пробиты пѣшеходами, дороги занимаютъ здѣсь очень много мѣста, и напоминаютъ рѣки, пробивающія свое ложе то въ ту, то въ другую сторону.

Если справедливо говорятъ, что чрезъ осушеніе своихъ болотъ Баварія могла бы завоевать новую страну внутри себя самой, то то же можно сказать и о приведеніи въ болѣе правильную систему дорогъ Баваріи. Доселѣ еще считается здѣсь болѣе удобнымъ, пролагать, съ помощію своего экипажа, новую дорогу, нежели ѣхать по ѣзжалымъ дорогамъ, которыя всѣ непроходимы Но къ устройству хорошихъ дорогъ въ Баваріи чрезвычайнымъ препятствіемъ служитъ недостатокъ въ камнѣ, годномъ для ломки и для построекъ. Здѣсь преобладаетъ въ постройкахъ *кирпичъ*. «А тамъ, гдѣ исключительно преобладаетъ *кирпичъ*, замѣчаетъ г. Риль, человѣческія осѣдлости всегда разрастаются въ ширину; только на широкихъ пространствахъ высказывается ихъ *личность*, и въ кирпичномъ жилищѣ человѣкъ тѣснѣе срастается съ своимъ домомъ, нежели обыкновенно думаютъ. . Услѣдить вліяніе *кирпича* и *дикаго* (строительнаго) *камня* на народный характеръ, во всей его широтѣ и глубинѣ,—это еще важная государственная задача для соціяльнаго историка. Противоположности, которыя основаны на различіи этихъ первобытныхъ матеріяловъ цивилизаціи, принимаютъ колоссальные размѣры; въ историческомъ развитіи изъ мѣстныхъ историческихъ противоположностей вырастаютъ всемірныя противоположности: древній Востокъ (какъ напримѣръ, Вавилонъ исключительно, Индія по большей части) употреблялъ жженую глину, Эллада и Римъ—дикій камень; на сѣверо-востокѣ Германіи, въ средніе вѣка, употреблялся кирпичъ, а на юго-западѣ Германіи, въ тотъ же періодъ, самородный камень. Вездѣ встрѣчаемся мы съ тѣмъ же самымъ кореннымъ различіемъ въ строительномъ матеріялѣ, которое въ самомъ маломъ видѣ является въ сложенномъ изъ дикаго камня жилищѣ горнаго крестьянина и въ глиняномъ или кирпичномъ домѣ крестьянина болотной или плоской мѣстности.»

Возвращаясь къ поселеніямъ юго-баварской плоской возвышенности, должно, мимоходомъ, отмѣтить черепичныя крыши на кирпичныхъ домахъ, въ болѣе холмистыхъ мѣстностяхъ; онѣ тотчасъ бросаются въ глаза послѣ соломенныхъ крышъ въ мшистыхъ пространствахъ, послѣ швейцарскихъ деревянныхъ и лубковыхъ домиковъ въ гористой полосѣ. Неуклюжіе, массивные, широко и глубоко выстроенные дома холмистой полосы южной Баваріи, съ ихъ квадратными окнами, съ ихъ высокими, но почти подъ тупымъ угломъ опущенными фронтонами, съ ихъ просторными сѣнями, хорошо и архитектурно выражаютъ собою солиднаго, зажиточнаго, но неповоротливаго хлѣбнаго крестьянина этой

полосы, настоящаго поморца (жителя сѣвернаго поморья) южной Германіи. Посреди этой архитектуры можно также замѣтить постройки въ характерѣ швейцарскихъ домиковъ, напоминающія собою горный ландшафтъ и выдвинувшіяся сюда какъ передовые посты южной высоко-гористой Германіи. Благое желаніе выражаетъ г. Риль, когда онъ говоритъ о необходимости изучить архитектуру крестьянскихъ жилищъ, пока еще не совершенно исчезло, подъ вліяніемъ промышленности и цивилизаціи, все ихъ историческое разнообразіе; онъ сравниваетъ крестьянскую избу съ народною пѣсней, въ которои современные изслѣдователи уже нашли столько богатыхъ матеріяловъ для изученія прошедшихъ судебъ народа.

«Какъ въ средневѣковой Германіи, говоритъ г. Риль, обособленіе народной жизни доведено было до самой крайней точки, такъ ту же самую крайнюю степень выражаетъ въ эстетическомъ отношеніи готическая архитектура. Кирпичъ самый злой врагъ готической архитектуры. Никакой другой городъ не можетъ служить такимъ краснорѣчивымъ здѣсь доказательствомъ, какъ Аугсбургъ, испоконъ вѣковъ центральныи пунктъ южно-баварской плоской возвышенности. Готическая архитектура испорчена здѣсь противодѣйствіемъ чуждаго ей матеріяла; старыи романскій стиль и парикъ, съ своими широкими простѣнками, царствуютъ здѣсь деспотически И это идетъ далѣе по всей странѣ. Централизація строительнаго искусства сельскихъ церквей между Иллеромъ и Изаромъ не имѣетъ для себя ничего подобнаго, можетъ-быть, во всей Германіи. Вездѣ та же, въ романскомъ вкусѣ, нижняя часть церковныхъ башень; на ней сидитъ парикомъ воздушный, восьмиугольный павильйонъ, увѣнчанный луковицеобразнымъ куполомъ; вездѣ тѣ же стройныя башни, въ родѣ минаретовъ, соотвѣтствующія характеру равнины, поднимаются, посреди полей, въ видѣ колоссальной спаржи. Можно провести на этой плоской возвышенности рѣзкую пограничную черту между швабскою и баварскою народностію. Она разсѣкаетъ всю страну на двѣ большія, совершенно различныя по исторіи, образу жизни, и языку, группы; но сельскія церкви построены, по ту и другую сторону, на одинъ и тотъ же образецъ. Кто знаетъ, въ какои степени послѣдовательно и строго отдѣлилась церковная архитектура,—и особенно мелкая, обыденная,—границами разныхъ мѣстностей, тотъ пойметъ значеніе приведеннаго нами явленія. Я указывалъ выше на различіе построекъ въ холмистыхъ, болотистыхъ горныхъ пространствахъ: только для старинныхъ сель-

скихъ церквей эти различія не существуютъ; онѣ во всѣхъ трехъ полосахъ также похожи одна на другую, какъ яйца. Это однообразіе можетъ довести до отчаянія глазъ художника; историкъ культуры видитъ въ сотняхъ подобныхъ башень, кораблей, хоровъ, величественный памятникъ централизующаго могущества церкви.»

Безпрестанно обращаясь къ своему любимому сближенію между крайнимъ сѣверомъ и крайнимъ югомъ Германіи, нашъ авторъ говоритъ:

«Въ срединѣ Германіи, въ индивидуализированной странѣ, играетъ главную роль романтическая часть нашей исторіи Тамъ воздымаются прекраснѣйшіе наши за́мки, самый роскошный букетъ поэтически-прекрасныхъ развалинъ городовъ, церквей и монастырей. Но болѣе грозныя народныя битвы разыгрались на сѣверо-востокѣ и югѣ; на обоихъ пунктахъ была борьба на смерть противъ врывавшихся чуждыхъ племенъ. Южно-баварская плоская возвышенность, болѣе чѣмъ тысячелѣтіе тому назадъ, была великимъ полемъ битвы. Здѣсь наступали одна на другую массы, тогда какъ въ средней Германіи столкнулись личности Несмотря на то, наши сѣверо-восточныя пограничныя пространства, такъ же какъ и горы юга, бѣдны бросающимися въ глаза историческими развали́нами. Безчисленные за́мки на лѣвомъ берегу Леха почти всѣ уни́чтожены до самаго основанія. Характеристическою чертою этой мѣстности можетъ служить то, что обыкновенно или оставляли нетронутою посреди развалинъ часовню за́мка, или строили на этомъ мѣстѣ церковь изъ остатковъ развалинъ.

«Но нельзя не видѣть нѣчто болѣе чѣмъ случайность, въ томъ, что во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе сохранилось внѣшнихъ историческихъ памятниковъ, историческій характеръ народа всего болѣе потухъ, между тѣмъ какъ на обширныхъ пространствахъ юга и сѣвера, такъ жестоко лишенныхъ всякихъ монументальныхъ развалинъ, всего лучше сохранился живой памятникъ историческихъ учрежденій и обычаевъ. (Это замѣчаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, особенно у насъ!)

«На сѣверо-германскихъ морскихъ берегахъ часто показываютъ небольшія полоски прибрежнаго песку, совершенно окрашенныя въ красный цвѣтъ остатками кирпичей, разрушившихся и оставшихся въ глубинѣ моря. Это тѣ мѣста, на которыхъ цѣлыя деревни, нѣсколько столѣтій тому назадъ, были поглощены морскими приливами. Такъ можно видѣть на южно-баварскихъ

плоскостяхъ холмы, которыхъ верхушки совершенно окрашены распавшимся на мелкіе куски кирпичомъ. Такіе холмы были подножіями замковъ (ихъ называютъ потому *Burgsel*), но красный порошокъ остается единственнымъ памятникомъ падшаго могущества и великолѣпія.

«Красота этихъ плоскихъ возвышенностей, также какъ и приморскихъ низменностей, проявляется въ *массѣ*, а не въ отдѣльныхъ частяхъ. Напротивъ того ландшафтная прелесть нашихъ среднегерманскихъ индивидуализированныхъ странъ заключается почти всегда въ особенностяхъ пластики отдѣльныхъ формъ. Такъ и ландшафтное эстетическое значеніе идетъ рука-объ-руку съ топографическимъ и этнографическимъ. Долина Леха, благословенная страна и народныхъ сказаній, и исторіи, нынѣ пустыня безъ деревьевъ, безъ холмовъ, необозримое коричневозеленое пространство. Ее сравнивали съ окаменѣлымъ моремъ. Но именно въ этой безконечной пустынѣ, въ гаснущихъ надъ нею лучахъ заходящаго солнца дышитъ какая-то демоническая, сжимающая сердце прелесть. Это огромная пустыня, но съ своимъ собственнымъ, глубоко врѣзаннымъ въ нее характеромъ.

Уже выше было сказано о дѣленіи описываемаго пространства, теченіемъ Леха, на двѣ части: *швабскую*, по лѣвому берегу, и *баварскую*, по правому. Замѣчательно, что эту черту разграниченія можно провести съ математическою точностію въ отношеніи ко всѣмъ физіологическимъ признакамъ народности, въ то время какъ характеръ природы совершенно тождественъ по ту и по другую сторону. Основаніе этнографическаго дѣленія должно искать въ самыхъ отдаленныхъ временахъ исторіи, когда народныя массы толпились одна за другою въ южной Германіи и, другъ у друга оспаривая осѣдлости, осѣли послѣ продолжительной борьбы одна подлѣ другой. Такимъ образомъ стратегическая линія сдѣлалась этнографическою чертою. По правую сторону Леха преобладаетъ въ географическихъ именахъ баварское окончаніе *ing* и распространяется далѣе на востокъ, черезъ Австрію до Венгріи. По лѣвую, швабское *ingen*, идетъ черезъ Вюртембергъ и Баденъ въ Эльзасъ и мало-по-малу исчезаетъ только на восточныхъ границахъ Лотарингіи и Франшъ-Конте. Къ сѣверу отъ Дуная можно найдти границу между *ingen* и *ing*, въ углу, образуемомъ бассейнами Ворница и Альтмюля (притоковъ Дуная), гдѣ районъ швабской и франкской области встрѣчается съ баварскою. Еще доселѣ Лехъ имѣетъ

очень мало мостовъ, и сообщеніе между двумя берегами чрезвычайно мало оживлено. Недостатокъ въ мѣстахъ и постоянныхъ переправочныхъ пунктахъ черезъ Лехъ есть историческое преданіе, давшее содержаніе многимъ народнымъ сказаніямъ; но и въ настоящее время, это дѣиствительная потребность, къ удовлетворенію которой еще весьма мало сдѣлано. Весьма немного деревень расположены на самомъ берегу Леха; бо́льшая часть лежитъ въ почтительномъ отдаленіи, но у самой рѣки можно найдти много слѣдовъ укрѣпленій.

Вообще на баварскомъ берегу Леха болѣе исключительности въ характеръ народной жизни, болѣе застарѣлыхъ обычаевъ, менѣе подвижности въ развитіи, чѣмъ на швабскомъ. Въ крестьянскомъ одѣяніи нѣтъ рѣзкаго различія по теченію рѣки. Но и въ этомъ можно замѣтить отсталость старо-Баварцевъ передъ Баварцами Швабіи; народный костюмъ первыхъ принадлежитъ XVII столѣтію, а вторыхъ XVIII. Когда одѣяніе народа остановилось на какой-нибудь эпохѣ его исторіи, то эта эпоха должна была произвести рѣшительное вліяніе на его судьбы. Формы церковныхъ башень и народнаго костюма въ старой Баваріи принадлежатъ ближайшему времени послѣ Тридцатилѣтней войны. Въ продолженіе этого смертельнаго боя сильно была взрыта почва Баваріи и друзьями, и врагами. Какъ въ это время оцѣпенѣло движеніе политической жизни въ Баваріи, такъ съ нею остановились и формы народной фантазіи. Умственныя битвы XVIII столѣтія, съ своимъ броженіемъ, съ своими разлагающими и разрушающими стихіями, съ своими предощущеніями современныхъ намъ успѣховъ, едва коснулись старой Баваріи; жизни же простаго народа вовсе въ ней не тронули XIX столѣтіе какъ будто попло здѣсь непосредственно за XVII, а XVIII было только продолженіемъ XVII. Вообще во всемъ положеніи народной жизни въ старой Баваріи замѣтно это отсутствіе XVIII столѣтія, что̀ придаетъ ей много особенностей. Простолюдинъ здѣсь строго и церковно религіозенъ; вообще религіозныя смятенія, снова потрясшія образованный міръ, совершенно здѣсь чужды, и католицизмъ преобладаетъ во всей своей первобытной силѣ и свѣжести. «Иной очень порядочный человѣкъ въ старой Баваріи, говоритъ г. Риль, да́же одѣвающійся въ весьма тонкое сукно, былъ бы чрезвычайно пораженъ, еслибы ему сказали, что лютеране также вѣрятъ въ Христа.» Всѣ свои занятія и предпріятія окружаетъ старо-Баварецъ религіозными обрядами и внѣшними выраженіями благочестія. Всѣ народныя сказанія и сказки обра-

щаются преимущественно около церковныхъ преданій, временъ церковныхъ браней, преимущественно противъ протестантовъ; народный юморъ до сихъ поръ изощряется надъ приверженцами ученія Лютера и разказами о немъ самомъ. Всѣ народныя предразсудки, суевѣрія, поговорки, проникнуты религіозными, собственно-католическими вѣрованіями. Здѣсь могущество духовенства имѣетъ крѣпкую опору въ самомъ духѣ народа. Особенно характеристическое явленіе составляетъ здѣсь низшее духовное, лицо прошедшаго столѣтія, сдѣлавшееся въ германской литературѣ предметомъ многихъ юмористическихъ разказовъ. Этихъ служителей церкви стараго времени наука вовсе не озабочивала; они были по-капуцински популярны, или просто крестьяне, нѣсколько обученные обязанностямъ церковнаго званія, и которыхъ, по словамъ нашего автора, массивное пониманіе духовнаго званія какъ нельзя лучше соотвѣтствовало массивной натурѣ ихъ духовныхъ дѣтей. Этимъ-то людямъ собственно обязана Баварія, что отъ XVII вѣка она прямо перешла къ XIX, а XVIII прошелъ мимо ея. Они поддерживали мирныя отношенія духовенства къ народу именно въ то время, когда въ другихъ странахъ образованное духовенство, казалось, особенно ревностно занималось задачеи разорвать всякую связь между собою и простымъ народомъ и дѣйствовать наперекоръ народнымъ обычаямъ и нравамъ, чтобы передѣлать ихъ по своему. Старо-баварскій народъ политически консервативенъ, но прежде всего онъ консервативенъ въ церковномъ отношеніи. Въ малыхъ государствахъ средней Германіи народъ уважаетъ еще власть церкви, но только вслѣдствіе принужденія къ тому со стороны государственной власти. Въ строго-протестантскихъ провинціяхъ Пруссіи преданность идеальному, господствующему значенію церкви, соединяется въ народномъ сознаніи съ преобладающею здѣсь идеею прусско-протестантской честности. Здѣсь до сихъ поръ глубоко вкорененъ въ народномъ пониманіи смыслъ одного изъ основныхъ протестантскихъ положеній, что владѣтель страны есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшій церковный сановникъ, *summus episcopus*. Здѣсь опять строго-католическій югъ ближе соприкасается съ строго-протестантскимъ сѣверомъ, нежели съ обоими ими церковный индифферентизмъ средней Германіи.

По правую сторону Леха до самаго Дуная чрезвычайно распространена въ народѣ привязанность къ разнымъ пластическимъ изображеніямъ и украшеніямъ, которыхъ вовсе нельзя найдти на лѣвомъ берегу. На правомъ берегу въ глаза путеше-

ственника безпрестанно бросаются доски мертвыхъ (Todtenbretter), эмблема смерти, и майскія деревья (Maibaum), эмблема жизни. Доска, на которой лежалъ покойникъ, считается проникнутою его духомъ и служитъ семейнымъ памятникомъ. Каждому живому человѣку, семейству, деревнѣ, воздвигается дерево изъ досокъ и палочекъ. Все это украшается самою разнообразною живописью и рѣзною работой, и разными надписями. Досками мертвыхъ и майскими деревьями усѣяны всѣ села, дома, поля и пашни. Это стремленіе увѣковѣчить какими-либо внѣшними признаками память человѣческой личности проявляется во всемъ. Въ чрезвычайномъ употребленіи здѣсь надгробныя рѣчи, которыя произносятся не только надъ каждымъ совершеннолѣтнимъ, но даже надъ нѣсколько-дневными младенцами. При этомъ случаѣ составляется подробная біографія усопшаго; если онъ младенецъ, изображаются обстоятельства его рожденія и его смерти, жизнь его родителей и т. д. Во всемъ этомъ выражается какое-то особенное благоговѣніе передъ человѣческою личностію, которой малѣйшіе слѣды на земномъ поприщѣ тщательно сохраняются на память потомству; здѣсь весь народный бытъ проникнутъ какимъ-то историческимъ духомъ.

Къ названнымъ нами пластическимъ народнымъ изображеніямъ, нужно также присовокупить доски, вывѣшиваемыя въ церквахъ и содержащія описанія болѣзней, преступленій, отъ которыхъ были чудодѣйственныя исцѣленія, несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ ожидается исцѣленія, еще памятныя дощечки, надѣваемыя для предохраненія себя отъ несчастій и т. д. Все это пестро расписано и разукрашено рѣзьбою, также какъ и внутренность домовъ. Эти произведенія народной фантазіи рѣдко можно встрѣтить на лѣвомъ берегу Леха, они не распространяются за Дунаи; можно думать, что эта струя художественности течетъ съ юга, изъ Италіи, откуда шелъ и большой торговый путь.

«Грубость нравовъ, говоритъ г. Риль, и недостатокъ умственнаго развитія, въ которыхъ большею частію очерствѣлъ южно-баварскій простой народъ, находятъ замѣчательное для себя противодѣйствіе въ этомъ инстинктивномъ влеченіи къ художественному творчеству. Искусство имѣетъ здѣсь дѣйствительно народную почву, и кто видѣлъ живопись и рѣзную работу въ сотняхъ южно-баварскихъ деревень, тотъ не станетъ думать, что современное покровительство искусству въ Мюнхенѣ импровизи-

ровано и стоитъ внѣ всякоій органической связи съ настроеніемъ и духомъ страны. Въ вопросахъ о народномъ развитіи наши городскіе литераторы вообще весьма быстры въ сужденіяхъ. Верхне-германскіе горные крестьяне далеко отстали во всякаго рода знаніяхъ отъ нижне-германскихъ жителей низменностей; но за то они обладаютъ сокровищемъ художественнаго смысла и технической ловкости, о которыхъ послѣдніе не имѣютъ никакого понятія. Когда въ баварскихъ и тирольскихъ деревняхъ рисуютъ красивые образа, рѣжутъ изъ дерева разныя миловидныя вещицы, когда тамъ на всѣхъ поляхъ раздаются на тысячи ладовъ народныя пѣсни, полныя смысла, когда въ Шварцвальдѣ выдѣлываются прекрасныя вещи, плетеныя изъ соломы, и часы, то неужели и все это не имѣетъ права называться народнымъ развитіемъ? Одно изъ величайшихъ заблужденій нашего вѣка заключается именно въ томъ, что народное развитіе мѣряютъ только по проценту статей конверсаціонсъ-лексикона, попавшихъ въ голову простолюдина!»

«.... Какъ мы отыскиваемъ индивидуальное разнообразіе въ членахъ общества, такъ должны поступать и въ отношеніи къ народнымъ группамъ. Народная жизнь въ каждомъ поселеніи стремится по направленію своего собственнаго призванія, и, вмѣсто того чтобы спорить, стоитъ ли южногерманская народность, благодаря преобладающимъ элементамъ художественнаго развитія, выше или ниже, чѣмъ нѣкоторыя болѣе вышколенныя въ умственномъ направленіи народныя группы германскаго сѣвера, мы бы должны радоваться, что имѣемъ обѣ формы развитія одну подлѣ другой; ибо индивидуальное образованіе характера въ отдѣльныхъ народныхъ группахъ есть уже ручательство за способность къ жизни въ цѣломъ народѣ.

«Выше сдѣланное нами замѣчаніе, что *въ тѣхъ германскихъ поселеніяхъ, гдѣ внѣшніе историческіе памятники лучше сохранились, тамъ историческій характеръ народа всего болѣе выдохѣя, тогда какъ въ странахъ, совершенно лишенныхъ монументальныхъ развалинъ, живой памятникъ историческихъучрежденій и обычаевъ сохранился самымъ прочнымъ образомъ,*— это замѣчаніе можетъ быть примѣнено и къ сохраненію преданій народнаго художественнаго творчества. Въ прирейнскихъ земляхъ, гдѣ въ средніе вѣка искусство преобладало, нынѣ художественное творчество или вовсе погасло въ народѣ, или живетъ внѣ всякой связи съ прежнею народною художественною

дѣятельностію. Новое племя блуждаетъ между древними памятниками. Совершенно иное видимъ мы въ южной Баваріи. Здѣсь народъ практически сберегъ, до сего дня, историческое преданіе своей старои художественноі дѣятельности. Именно въ пластическихъ искусствахъ самыя разнообразныя народныя измѣненія стиля сохранились и вырабатываются далѣе; точно также для настоящей народной пѣсни, столѣтія передаютъ свой вкладъ въ формахъ, движеніяхъ, образахъ, и она дѣлается принадлежностію нѣсколькихъ поколѣній, не будучи исключительною принадлежностію ни одного въ отдѣльности. Это уже выказывается въ постройкѣ деревенскихъ домовъ, въ которыхъ являются разнообразнѣйшіе оттѣнки, начиная отъ Альповъ до Дуная, представители всѣхъ возможныхъ эпохъ. Еще яснѣе выступаетъ это явленіе въ церковныхъ изображеніяхъ. Натянутыя византійскія формы альттеттенской Богоматери, прямолинейныя очертанія вызолоченнаго одѣянія, черное лицо и на рукахъ у нея такой же черный младенецъ, до сихъ поръ находятъ подражателей между мѣстными рѣзчиками южной Баваріи; въ то же самое время, въ другихъ изображеніяхъ Мадонны, идеалъ готической скульптуры или эпохи парика крѣпко сохраняется и перерабатывается въ новыхъ народныхъ формахъ.

«... Каждый, кто знаетъ лишь самый ничтожный отрывокъ германскаго народа, считаетъ себя въ правѣ принимать этотъ отрывокъ за цѣлый германскій народъ и за тѣмъ разсуждать о его воззрѣніяхъ, сознаніи, требованіяхъ!

«Сознаніе германскаго народа тѣмъ именно отличается отъ большей части другихъ народовъ Европы, что оно развивается въ безконечно-разнообразныхъ оттѣнкахъ и только въ немногихъ основныхъ началахъ едино.

«Эти мужики южно-баварской плоской возвышенности, которые совсѣмъ не умѣютъ разсуждать о политикѣ, которые, сидя въ переполненномъ народомъ кабакѣ за стаканомъ пива, тотчасъ оставляютъ его, когда раздается благовѣстъ вечерняго Ave Maria, и посреди внезапно воцарившагося благоговѣйнаго молчанія, въ то время какъ хозяйка или ключница произносятъ вечернюю молитву, съ благочестіемъ приговариваютъ послѣсловіе, и когда исчезнулъ въ воздухѣ послѣдній звукъ колокола, опять схватываютъ стаканъ и продолжаютъ свою попойку,—эти мужики такая же часть германскаго народа, и столь же хорошая часть, какъ и ихъ просвѣщенные собратія въ Баденѣ, на Рейнѣ и т. д.

«Грубыя преступленія противъ личности и собственности: убійство, грабежъ, кража, здѣсь, относительно, довольно часты въ необразованномъ классѣ народа; въ другихъ земляхъ преобладаютъ уже болѣе тонкія преступленія даже между простымъ народомъ: клятвопреступничество, фальшъ, обманъ и проч. Кто можетъ рѣшить, который изъ двухъ родовъ преступленій свидѣтельствуетъ о болѣе закоренѣлой безнравственности? Разказываютъ въ старобаварскихъ деревняхъ, что храмовой праздникъ (кирмессъ), на которомъ, въ суматохѣ, никто не убитъ до смерти, считается не довольно веселымъ. Здѣсь восклицаютъ люди съ какимъ-то каньбальскимъ наслажденіемъ: «сегодня чертовски весело! нужно чтобы еще кого-нибудь уходили.» Въ этомъ еще слишкомъ много природы, но именно природы.

«... Чудное смѣшеніе естественной дикости и наивно-религіознаго и народно художественнаго развитія создаютъ изъ южно-баварскаго крестьянина въ высшей степени привлекательную типическую фигуру. Тѣ же черты, въ усиленномъ градусѣ, можно встрѣтить у Тирольцевъ; пресыщенные знатные люди уже давно открыли въ нихъ эту привлекательную сторону явленія и платятъ лукавому сыну горъ нѣсколько грошей для того, чтобъ онъ сказалъ имъ *ты*, отпустилъ имъ нѣсколько грубостей, и чтобы потомъ нахохотался вдоволь надъ этими глупыми чертями, которые увѣрены, что эта купленная грубость—природа. Многія старобаварскія деревни имѣютъ рѣшительныхъ героевъ забіячества и драки, молодцовъ баснословной крѣпости кулака, память о которыхъ живетъ въ народѣ, на удивленіе свѣту, иногда до ста лѣтъ.

«... Если грубость унижаетъ этотъ народъ, то *сила* облагораживаетъ его. Еслибы захотѣли вдругъ навязать этимъ людямъ образованіе, тогда испортили бы ихъ до самаго основанія. На баварскихъ озерахъ никогда не мажутъ лодокъ дегтемъ, и онѣ весьма скоро сгниваютъ. Но я бы желалъ видѣть такого колдуна, который бы вбилъ въ голову коренастымъ мужикамъ, что смазанная лодка, которая можетъ выдержать вдвое больше противъ несмазанной, потому самому вдвое дешевле послѣдней.

«Чрезвычайно трудно заставить говорить южно-баварскихъ крестьянъ; они не наступаютъ на чужаго съ тѣмъ навязчивымъ любопытствомъ, которымъ отличаются среднегерманскіе крестьяне. У перваго граничнаго холма для нихъ заколоченъ свѣтъ

гвоздями. Именно потому, что имъ не достаетъ любопытства, чуждое образованіе не можетъ въ нихъ проникнуть. Одному, очень пристойному и по-своему весьма образованному крестьянину на озерѣ Аммеръ, тщетно старался я объяснить тотъ фактъ, что въ его озерной мѣстности выпадаетъ большое количество дождя вслѣдствіе близости сосѣднихъ холмовъ. Онъ полагалъ, что если на его озерѣ идетъ дождь, то онъ идетъ во всемъ мірѣ, хотя впрочемъ ему весьма мало нужды, есть ли еще гдѣ дождь, ибо ему довольно заботы съ своимъ собственнымъ. Прирейнскій крестьянинъ совершенная этому противоположность. Онъ самое любопытное существо, и его воображеніе любитъ болѣе останавливаться на Голландіи, превознесенной странѣ его шкиперовъ и судовщиковъ, нежели на своей родинѣ.

«На южно-баварской возвышенности простолюдинъ носитъ, во всякое время года, тяжелую суконную шинель; просвѣщенный крестьянинъ въ среднегерманскихъ земляхъ носитъ, большею частію, воздушный балахонъ.

«Въ южной Баваріи, въ деревняхъ, ѣдятъ еще говядину, прикусывая пшеничный хлѣбъ, и пьютъ крѣпкое пиво. Во многихъ мѣстностяхъ средней Германіи, говядина сдѣлалась давно большою рѣдкостію въ жилищѣ крестьянина; ее замѣняютъ картофелемъ и сыромъ, ѣдятъ тяжелый, сырой овсяный или картофельный хлѣбъ, и запиваютъ хлѣбною водкой.

«Матеріяльное благосостояніе распространено въ народонаселеніи крайняго юга и крайняго сѣвера Германіи, даже въ такихъ слояхъ, гдѣ, въ средней Германіи, преобладаетъ нищета. У южно-баварскихъ крестьянъ, которые все еще ѣздятъ въ городъ на базаръ на парѣ тяжелыхъ лошадей, состязуясь между собою въ скорости, послѣдній остатокъ городскаго благосостоянія (которое заключалось прежде въ 175 процентахъ чистой прибыли) перешелъ въ самую страну. Когда въ деревенскихъ гостинницахъ я осиливаю половину могучихъ порцій мяса, то хозяинъ тотчасъ подаетъ мнѣ кусокъ бумаги, чтобы я могъ завернуть и взять съ собою другую половину, потому что ему заплачено за весь кусокъ; этимъ все-таки доказывается благосостояніе и прочность быта. Нельзя ли также изъ этого видѣть какъ въ Баваріи новый вѣкъ непосредственно сѣлъ на старый?

«Когда входишь въ среднегерманскую деревню, то большею частію прежде всего бросается въ глаза помѣщеніе школы, какъ

дворецъ деревни. Въ южной Баваріи, напротивъ того, трактирное заведеніе есть дворецъ деревни, а школу рѣдко можно замѣтить съ перваго раза. Но недалеко отъ трактира стоитъ обыкновенно церковь, и когда въ воскресенье вечеромъ трактиръ биткомъ набитъ народомъ, то, безъ сомнѣнія, и въ церкви народъ не менѣе толпился въ тотъ день. Воспитаніе народа бываетъ различно, и народъ производитъ изъ себя самого ту педагогію, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его природѣ. Эта, въ самомъ корнѣ, разнообразная природа германскихъ народностей можетъ-быть выровняется въ теченіи столѣтій, но конечно не сегодня и не завтра. Кто такъ смѣло говоритъ о сознаніи и потребностяхъ германскаго народа вообще, тотъ пусть прежде убѣдитъ южно-баварскаго крестьянина, чтобъ онъ поставилъ воспитаніе школы впереди воспитанія церкви, чтобъ онъ носилъ на правомъ берегу Леха остроконечную шляпу, а на лѣвомъ—круглую, чтобъ онъ ѣлъ картофель вмѣсто жаренаго теленка; и съ другой стороны, пусть онъ сдѣлаетъ, чтобы среднегерманскій крестьянинъ надѣлъ лѣтомъ теплую суконную шинель, вмѣсто балахона, и чтобы содержатели прирейнскихъ гостинницъ предлагали гостю кусокъ бумаги для сохраненія остатка заказанныхъ ими кушаній. Кто всего этого не можетъ сдѣлать, тотъ не долженъ опрометчиво принимать за цѣлый германскій народъ отрывокъ, находящійся передъ глазами.

«Есть два рода искусства внутренняго управленія: одинъ для разобщившейся страны и другой для сосредоточенной. Изжившая, переполненная, индивидуализированная страна требуетъ, чтобъ были открываемы новые пути для дѣятельности ея жителей, чтобъ были создаваемы новыя формы пользованія землею; страна, рѣдко населенная, отъ природы растянутая въ большіе размѣры, съ народонаселеніемъ еще наивнымъ въ своемъ образѣ жизни, крѣпко и упорно остается при своихъ старыхъ формахъ. Старую обработку полей, старый промыселъ надо здѣсь развивать количественно, сдѣлать живыми, а не создавать новую культуру. Здѣсь было бы ядомъ то, что̀ тамъ цѣлительное лѣкарство.»

Мы не находимъ, съ своей стороны, никакихъ дополненій и комментарій, которые могли бы присовокупить ко всему, такъ хорошо сказанному авторомъ; безчисленные вопросы, и вопросы первостепенной важности, на каждомъ шагу затрогиваемые авторомъ, сами собою возникнутъ въ умѣ читателя, и мы считаемъ недостойнымъ важности вопросовъ входить въ слишкомъ опрометчивыя о нихъ сужденія. Скажемъ только, что наше посильное

изложеніе остается далеко позади разказовъ автора о мѣстностяхъ, взятыхъ имъ какъ типы и изученныхъ имъ въ самой природѣ. Мы должны были по необходимости обѣгать многія подробности, и часто именно въ этихъ микроскопическихъ подробностяхъ народной физіологіи, изслѣдованныхъ со всею строгостію науки и воспроизведенныхъ со всѣмъ изяществомъ вкуса неподдѣльнаго художника, является во всемъ блескѣ дѣятельность и талантъ г. Риля.

III.

Въ истекшемъ году мы представили характеристику народной жизни въ Германіи, какъ она сложилась изъ взаимнодѣйствія географическихъ условій страны и этнографическихъ и историческихъ особенностей различныхъ племенъ, ее населившихъ. Сочиненіе г. Риля, которымъ мы руководствовались въ настоящемъ случаѣ, далеко нами не исчерпано. Потому мы не считаемъ лишенными интереса еще нѣкоторыя черты изъ жизни германскаго общества, и постараемся сообщить ихъ здѣсь, придерживаясь болѣе или менѣе разказа нашего автора, и позволяя себѣ иногда отступленія къ разъясненію нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, имъ затрогиваемыхъ.

«Я встрѣтилъ однажды въ лѣсу двухъ дровосѣковъ, говоритъ нашъ авторъ, которые, съ свойственною простому человѣку любовью къ общимъ нравственнымъ размышленіямъ, философствовали насчетъ собственной своей нищеты. Одинъ изъ нихъ думалъ, что бѣдность — плохое положеніе для человѣка; другой — что, напротивъ, бѣдность — самое лучшее положеніе, и бѣдные люди — самые лучшіе люди, ибо, еслибы бѣдность не была самымъ лучшимъ положеніемъ, то Спаситель не избралъ бы ее

для себя и не сдѣлался бы добровольно бѣднымъ человѣкомъ. На это первый возражалъ: именно, нашъ Спаситель былъ бѣднякомъ по своей доброй волѣ, а это не то, что мы грѣшные; бѣдные люди тѣ, которые бѣдны, и хотѣли бы сдѣлаться богатыми, но не могутъ. Вотъ настоящіе бѣдные люди. А кто бѣденъ, и хочетъ оставаться бѣднымъ, тотъ не настоящій бѣдный.

«Если вникнуть въ теорію этого дровосѣка, то оказывается, что есть два рода нищеты: *добровольная* и *естественно-необходимая*. Послѣдняя можетъ быть *безсознательная*, какъ у совершенно необразованныхъ народовъ, у людей, не вышедшихъ изъ естественнаго состоянія (Naturmenschen, Naturvölker). или *сознательная*, которая признаетъ и ощущаетъ свою естественную необходимость

«Именно съ этими двумя послѣдними родами бѣдности будемъ мы теперь имѣть дѣло.

«Въ Германіи есть цѣлая цѣпь мѣстностей, которая представляетъ намъ эту естественную, прирожденную землѣ нищету; эта нищета прежде всего географическое и этнографическое явленіе, и только потомъ уже общественное. Но вслѣдствіе этого не надо думать, чтобъ эти мѣстности были особенно важны только какъ свидѣтельство вліянія страны на людей; онѣ также служатъ и для характеристики общественной жизни. Мы можемъ здѣсь въ теченіе одной прогулки понять различіе между бѣдными людьми и пролетаріями, между нищетою наивною и разсуждающею, реакціонерною и оппозиціонною. Эти мѣстности составляютъ. въ общественномъ отношеніи, величественную историческую руину. Въ нихъ мы видимъ передъ собою *бѣдныхъ людей* среднихъ вѣковъ еще живыми, въ то самое время, какъ нѣсколько часовъ ходьбы въ сторону могутъ привести насъ къ болѣе пышнымъ ущеліямъ и долинамъ современныхъ бѣдныхъ людей; отъ обѣднѣвшихъ крестьянъ, которые остаются еще крестьянами, мы можемъ перейдти къ настоящимъ членамъ четвертаго сословія, то-есть къ пролетаріямъ. Здѣсь, стало-быть, можемъ мы практически собрать необходимыя, предварительныя свѣдѣнія для одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ изслѣдованіи о гражданскомъ обществѣ, вопроса о пролетаріяхъ или четвертомъ сословіи.»

Рядъ земель, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, суть отроги среднегерманскихъ возвышенностей: *Вестервальдъ* (параллельно съ правымъ берегомъ Лана, притока Рейна), *Фогельбергъ* и *Рёна* (оба на водораздѣлѣ сѣверныхъ притоковъ Майна и западныхъ

Везера). Эти горы базальтовой формаціи, и въ геологическомъ отношеніи составляютъ одну группу. Онѣ тянутся по территоріямъ, преимущественно Нассауской и Гессенскимъ, частію же захватываютъ сѣверо-западный уголъ Баваріи. Эти земли являются какъ бы островомъ, полнымъ особенностей, замкнутымъ въ себя самого, посреди обособившейся средней Германіи и образуютъ, въ своей сѣверо-западной части, границу средней отъ сѣверной Германіи. Здѣсь, на Вестервальдѣ, передовомъ постѣ сѣверной Германіи, сталкиваются, перекрещиваются и переплетаются черты сѣверной и средней Германіи, и въ то же время, несмотря на нѣсколько переходныхъ тѣней, вездѣ рѣзко могутъ быть отличены одна отъ другой. Подобною же гранью на востокѣ можно назвать Фихтельгебирге, гдѣ сталкиваются верховья Салы, Эгера, Нааба и Майна, и откуда онѣ несутъ свои воды въ четыре стороны свѣта, къ тремъ главнѣйшимъ рѣкамъ Германіи: Рейну, Эльбѣ и Дунаю. Такіе естественные граничные пункты, на которыхъ встрѣчаются отпрыски всѣхъ составныхъ общественно-историческихъ элементовъ, весьма важны какъ обсерваціонные пункты для общественно-физіологическихъ изслѣдованій; стоя подъ перекрестными вліяніями различныхъ центровъ цивилизующихъ и политическихъ силъ, они обыкновенно пріобрѣтали свой особенный характеръ, мало подвергавшійся вліянію централизаціи и бюрократіи.

«Съ первыми южными возвышеніями Вестервальда, говоритъ г. Риль, начинаются естественныя симпатіи къ сѣверо-германскому могуществу, къ Пруссіи. Обитатель южнаго склона Вестервальда живетъ еще въ странѣ гульденовъ, но онъ уже считаетъ на талеры; его рѣчки и озерки стремятся на югъ къ Лану, но онъ не слѣдуетъ этому географическому влеченію. Разстояніе одной мили на югъ въ долину кажется ему больше, чѣмъ три мили на сѣверъ, несмотря даже на гребень горы. Къ сѣверу тянутъ его всѣ интересы; въ Кельнскую область везетъ онъ всѣ свои продукты, и изъ промышленныхъ земель Зига, Вуппера и Рура (притоковъ нижняго Рейна) течетъ къ нему струя промышленной жизни.

«Такимъ образомъ южный склонъ Вестервальда есть въ моральномъ отношеніи прусская провинція, хотя прусская пограничная линія идетъ черезъ пустынныя вершины и водораздѣлы, по срединѣ горъ, и есть не только политическая, но и естественная граница. Вестервальдъ признаетъ себя за *одно цѣлое*, не взирая на политическое свое дѣленіе, ибо онъ составляетъ

одно *общественное* тѣло. Какъ только пройдешь часа два отъ прусской границы, такъ найдешь цвѣтущую промышленность; на нассаусской же сторонѣ — бѣдную крестьянскую страну, въ которой сѣмена промышленной дѣятельности съ трудомъ начинаютъ пробивать почву; но здѣсь промышленная страна и крестьянская страна соединены вмѣстѣ, ибо обѣ составляютъ одну страну — Вестервальдъ.

«Линію пограничныхъ валовъ и рвовъ обыкновенно оставляютъ необитаемыми и пустынными: точно такъ же лежатъ пустѣ эти колоссальные граничные валы базальтовыхъ горъ, которыя частію отдѣляютъ сѣверную Германію отъ средней, частію врѣзываются въ послѣднюю, чтобъ еще болѣе разорвать эту и безъ того уже изорванную страну.

«Закостенѣлость нравовъ и обычаевъ, къ тому еще экономическая одичалость и отсталость крестьянъ на нашихъ базальтовыхъ горахъ получаютъ, черезъ пограничное положеніе этихъ твердынь нищеты, особое историко-политическое для себя основаніе. Если Вестервальдъ является далеко выдвинувшимся мысомъ, то подлѣ отроговъ Рёны и Фогельберга уже въ давнія времена пересѣклись самыя разнообразныя границы. На Рёнѣ столкнулись границы Фульдской и Вюрцбургской областей, потомъ соприкоснулись здѣсь концы Ганау-Мюнценбергской, Гессенъ-Кассельской, Геннебергской земель, и между ними смѣшались межи франкскаго имперскаго рыцарства.

«Какъ ни ничтожна цѣпь Фогельберга, но на немъ соприкасались границы Гессенъ-Дармштадта, Фульда, Герсфельда, Изенбурга, Сольмсъ-Лиха, Сольмъ-Лаубаха, Ганау-Мюнценберга, Штольбергъ-Гедерна и имперскаго рыцарства. Стало-быть о какомъ-нибудь общемъ характерѣ административной системы на всемъ протяженіи горъ не могло быть здѣсь и рѣчи; почти каждая долина лежала запертою въ граничномъ углу другой земли. Въ настоящее время, на Рёнѣ стоятъ пограничные камни баварскіе, гессенскіе, веймарскіе и мейнингенскіе; по крайней мѣрѣ теперь преобладающая масса на сторонѣ Баваріи.

«Такія политическія условія весьма естественнымъ образомъ дѣйствовали въ ущербъ успѣхамъ культуры на этихъ горахъ. Но онѣ не могли разорвать то, что̀ *единствомъ формаціи почвы* было соединено въ одно общественное цѣлое. Однообразіе Вестервальда и Фогельберга въ формаціяхъ горъ и долинъ, въ растительности, въ начертаніи человѣческихъ осѣдлостей — дѣйствовало могущественнѣе нежели пестрота произвольныхъ государ-

ственныхъ дѣленій. Это замѣчательное свидѣтельство того упорства, съ которымъ держится взаимная связь *страны* и *людей*.»

Съ исхода среднихъ вѣковъ, резиденціи владѣтельныхъ князей и дворянства болѣе и болѣе направлялись къ равнинамъ, къ долинамъ рѣкъ, къ городамъ, и пустынныя гористыя мѣстности сдѣлались еще пустыннѣе. Подобныя мѣстности оставались совершенно неизвѣстными странами, почти до самаго новѣйшаго времени, когда онѣ *открыты* для образованнаго міра, подобно внутреннимъ землямъ Африки. Издавна эти мѣстности едва ощущали на себѣ вліяніе успѣховъ народнаго хозяйства и государственнаго управленія; онѣ служили только для ссылки или удаленія негодныхъ чиновниковъ, безпокойныхъ членовъ духовенства и т. д., въ то время, какъ, по справедливому замѣчанію г. Риля, такія обиженныя природою мѣстности должны бы были сосредоточивать на себѣ особенное вниманіе здравой политики и изощрять дѣятельность самыхъ достойныхъ ея служителей. Во многихъ государствахъ мы безпрестанно видимъ эту ошибочную политику на дѣлѣ: въ отдаленныя и пустынныя области всегда назначаются менѣе способныя должностныя лица, а во внутреннія и болѣе образованныя—самыя способныя; тогда какъ именно слѣдовало бы дѣйствовать наоборотъ. Самый бѣглый взглядъ на карту Германіи убѣждаетъ, что на базальтовыхъ горахъ, и особенно въ самыхъ дикихъ углахъ, тѣснѣе нежели гдѣ-либо въ средней Германіи, толпятся одно подлѣ другаго крестьянскія поселенія. Это можно объяснить тѣмъ, что горы постоянно избѣгали той хирургической силы большихъ войнъ, которая могущественно централизуетъ народонаселенія равнинъ. Это можно подтвердить безчисленными именами деревень, исчезнувшихъ во время Крестьянской и Тридцатилѣтней войнъ. Бѣднѣйшія и негостепріимнѣйшія для движенія войскъ мѣстности сохранили тотъ же излишекъ деревенскихъ поселеній, какой преобладалъ почти повсемѣстно въ средніе вѣка. Въ XVIII столѣтіи, многія селенія на Вестервальдѣ и на Рѣнѣ пропали сами собой, вымерли, какъ гаснетъ огонь за недостаткомъ горючаго матеріяла: только въ народныхъ преданіяхъ и легендахъ сохранились воспоминанія объ этихъ печальныхъ событіяхъ. Если сравнить число жителей въ этихъ нагорныхъ селеніяхъ съ пространствомъ земли, то можетъ показаться, что населенность здѣсь скорѣе рѣдка, чѣмъ густа. Но это былъ бы только *оптическій* обманъ, который показываетъ, какъ осторожно надо обращаться съ голыми статистическими выводами. Если принять въ соображеніе, что

бо́льшая часть пространства заключается здѣсь въ лѣсахъ и пустыняхъ, которыя едва ли будутъ когда-нибудь способны къ обработкѣ, то *рѣдкая* населенность покажется даже слишкомъ *густою*. Во внутренности самыхъ жилищъ гораздо болѣе тѣсноты, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ деревняхъ. Въ каждомъ изъ этихъ несчастныхъ домовъ, не имѣющихъ большею частію трубы, какъ у полудикихъ народовъ, живетъ отъ семи до десяти человѣкъ, такое отношеніе числа обитателей къ одному жилищу равняется отношенію въ самыхъ густо-населенныхъ мѣстностяхъ верхней Силезіи, въ мелкихъ городахъ сосѣдней Франкской области. Потому-то дома эти, припертые своею заднею стѣною къ горѣ, служатъ убѣжищемъ всякихъ язвъ и повальныхъ болѣзней. Но жители не дѣлаютъ вовсе никакихъ усилій, чтобы спастись отъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ; они принимаютъ ихъ, какъ неизбѣжное, роковое естественное зло. По новѣйшимъ замѣчательнымъ медицинскимъ изслѣдованіямъ, на Шпессартѣ, отрогѣ Рёны, тифъ сдѣлался постоянно свирѣпствующею болѣзней, и оттуда распространяетъ свои опустошенія въ прочія страны Германіи.

«На нашихъ пустынныхъ базальтовыхъ горахъ, говоритъ г. Риль, природа хочетъ сама освободиться отъ болѣзненной густоты народонаселенія, такъ какъ, со стороны, ей никто не помогъ, ни войска, ни государственные люди. Она противопоставляетъ собственную реакцію повальныхъ болѣзней и голодной смерти. Мѣстныя страданія вслѣдствіе нужды, въ новѣйшее время, суть симптомы того кризиса, въ которомъ тѣло стремится возстановить свое здоровье. Чего не излѣчиваетъ лѣкарство, то должны излѣчить огонь и желѣзо. Такъ говорятъ врачи. И для терапіи и патологіи въ народномъ хозяйствѣ имѣетъ значеніе это изреченіе. Внизу, въ долинахъ сидятъ маленькіе люди и занимаются теоріями общественныхъ бѣдствій и нужды, а тамъ на верху горъ царствуетъ, посреди бурь, само божество нужды, и посылаетъ непогоду, язвы и голодъ, для того, чтобы подвергнуть больные члены человѣческаго общества тѣмъ хирургическимъ операціямъ, тому желѣзному и огневому лѣченію, которое не могли имъ дать военныя бури. Это процессъ государственно-экономическаго и общественно-экономическаго лѣченія въ большихъ размѣрахъ

«Вестервальдъ едва имѣетъ собственную политическую исторію; онъ имѣетъ только исторію культуры, которая, по своему безконечно-медленному развитію, представляетъ высочайшій интересъ. Онъ едва можетъ выставить нѣсколько памятниковъ стро-

ительнаго искусства стараго времени, но сами эти деревни, хотя онѣ большею частію состоятъ изъ десяти или двадцати соломой покрытыхъ мазанокъ,—суть историческіе памятники. Онѣ большею частію существуютъ испоконъ вѣковъ, и несмотря на то, изслѣдователь рѣдко можетъ отыскать какой-нибудь историческій фактъ въ ихъ прошедшемъ. Но самая картина, которую онѣ представляютъ, уже рисуетъ для глаза историческій фактъ Теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, строитъ здѣсь крестьянинъ свой домикъ съ капиталомъ въ 25 гульденовъ; работа собственныхъ его рукъ, которую онъ кладетъ въ постройку, есть главная часть его обзаведенія, онъ строитъ свой домъ въ собственномъ смыслѣ самъ (въ Россіи это не только не исключительное, но самое обыкновенное явленіе). Потому и можно здѣсь видѣть такъ же часто, какъ въ старыя времена, особенно въ уединенныхъ мѣстахъ, совершенно покинутые, разваливающіеся дома. Ибо цѣнность гипотечная, цѣнность матеріяла, строительной работы, мѣстоположенія, здѣсь такъ ничтожна, что когда хозяинъ дома разстроился въ своихъ дѣлахъ, то ему не остается ничего болѣе, какъ кинуть домъ. Расходы ломки далеко превзошли бы цѣнность матеріяла. Отрываютъ то, что еще есть въ старомъ лѣсѣ годнаго; остальное покидаютъ на произволъ сѣверо-западнаго вѣтра.»

По поводу послѣдняго обстоятельства мы позволимъ себѣ съ своей стороны замѣтить, что стало-быть низкая *рыночная* или *мѣновая* цѣнность всѣхъ предметовъ потребленія можетъ быть весьма невыгодною для народнаго благосостоянія; стало-быть одна внутренняя цѣнность, или цѣнность потребленія, которая находится во всякой вещи, въ какой бы она ни находилась мѣстности, еще не достаточна для удовлетворенія потребностей общества. А ничтожество или отсутствіе мѣновой цѣнности есть одно изъ свойствъ такъ-называемаго естественнаго хозяйства, въ противоположность денежному, основанному преимущественно на мѣнѣ произведеній или товаровъ, неизвѣстной первому. Естественное хозяйство (Naturwirthschaft) является часто подъ перомъ г Риля, съ весьма свѣтлыми красками, въ противоположность къ промышленному, спекулятивному, мѣновому характеру вѣка. Потому мы и считали неизлишнимъ сдѣлать это замѣчаніе. Но разъ рѣшившись прервать разказъ о печальныхъ мѣстностяхъ средней Германіи, мы выскажемъ здѣсь еще одну мысль изъ области общественной экономіи. Нашъ авторъ говоритъ выше, что природа въ этихъ мѣстностяхъ какъ бы вознаграждаетъ своими бѣдствіями—болѣзнями, голодомъ, непогодою,—за забве-

ніе со стороны государственныхъ людей, за недостатокъ тѣхъ хирургическихъ операцій, которыми война или государственная администрація и полиція возстановляютъ равновѣсіе въ ненормальныхъ, уродливыхъ экономическихъ обстоятельствахъ, въ излишкѣ народонаселенія, естественной несостоятельности самой природы къ удовлетворенію нуждъ народонаселенія и т. д. Хотя это сопоставленіе войны съ администраціей весьма оригинально, но въ самомъ дѣлѣ вліяніе иной административной дѣятельности не далеко рознится отъ опустошеній непріятельскаго войска. Впрочемъ не объ этомъ рѣчь, и это насъ пока не касается. Мы хотѣли сказать, что вышеприведенная полуметафора г. Риля вовсе не метафора въ общественной экономіи. Здѣсь дѣйствительно природа не рѣдко сама за себя мститъ, и сама, съ страшными потрясеніями для общественнаго организма, возстановляетъ свое законное равновѣсіе. Законы экономическіе непреложны, и невѣжественное ихъ нарушеніе непреложно влечетъ реакцію со стороны самыхъ законовъ. По естественному экономическому закону, процентъ за наемъ капитала есть необходимое вознагражденіе за его употребленіе; какъ всякое вознагражденіе за какую-нибудь услугу свободнаго человѣка, не-раба, въ пользу другаго свободнаго человѣка, не-раба, оно должно зависѣть отъ свободнаго ихъ между собою соглашенія. Таковъ законъ природы. Нуждающіеся въ капиталахъ вступаютъ въ сдѣлки съ капиталистами; многіе изъ нихъ опрометчиво прибѣгаютъ къ кредиту, надѣясь на мечтательные барыши отъ своихъ предпріятій, спѣшатъ занять капиталъ за высокіе проценты; другіе, подъ гнетомъ суровыхъ домашнихъ обстоятельствъ, соглашаются платить непомѣрные проценты людямъ, пользующимся ихъ стѣсненнымъ положеніемъ. Противъ этого зла, возникшаго вслѣдствіе злоупотребленія закономъ природы, издается законъ человѣческаго искусства; онъ объявляетъ, что никто не можетъ, подъ угрозою строгаго преслѣдованія, платить и получать проценты за ссуду денегъ выше такой-то установленной имъ таксы; законъ человѣческаго искусства объявляетъ, что процентъ не есть предметъ свободнаго соглашенія, то-есть, что законъ природы лжетъ. Безъ закона искусства члены общества за свое легкомысліе, за безпорядокъ въ своемъ хозяйствѣ, пострадали бы; нѣкоторые бы перетерпѣли преслѣдованія кредиторовъ, другіе обанкрутились бы, третьи покончили бы свои дни въ тюрьмахъ. Но съ закономъ терпятъ не одни только неосторожные и безпорядочные должники, а все общество ибо: 1) Угроза закона и признаніе преступленіемъ всякой ссуды

за проценты выше таксы воздерживаютъ значительное большинство людей серіозныхъ заниматься подобными дѣлами, чтобы не быть подвергнутыми суду и позору, когда они по своимъ экономическимъ соображеніямъ не могутъ отдавать деньги по установленной таксѣ, а эта такса обыкновенно ниже ходячаго процента, иначе и не было бы надобности издавать ее. Съ уменьшеніемъ числа предлагаемыхъ капиталовъ, по необходимости должно увеличиться вообще затрудненіе въ полученіи ссудъ; съ возрастаніемъ предлагаемыхъ капиталовъ процентъ самъ собою понижается. 2) Этимъ, по необходимости, должны пользоваться тѣ, которые и по изданіи закона продолжаютъ отдавать въ заемъ свои деньги, не будучи расположены подчиняться требованію закона, который непосредственно отнимаетъ у нихъ часть выгодъ, предоставляемыхъ имъ экономическими обстоятельствами страны и добровольно и охотно уступаемыхъ имъ заимодавцами; они заключаютъ съ ними не гласныя условія или весьма просто обѣгаютъ законъ увеличеніемъ уплаты капитальной суммы векселя, противъ дѣйствительно ссуженной. Но какъ во всякомъ случаѣ и съ подобными сдѣлками сопряжена нѣкоторая опасность непріятнаго вмѣшательства полиціи, суда или негласныхъ расходовъ, для успокоенія совѣсти органовъ власти, то заимодавцы взимаютъ за это, для обезпеченія себя, лишній процентъ. 3) Злонамѣренные заимодавцы, ростовщики, прямо поставленные подъ грозу закона, конечно, не покидаютъ своего ремесла, съ которымъ издавна свыклись, но возвышаютъ свое вознагражденіе разными крючковатыми способами, и прибавляютъ къ прежнему своему проценту новый процентъ за безчестіе. Разумѣется, все здѣсь изложенное относится до такой страны, въ которой законы исполняются и угроза закона дѣйствительная угроза; мы не говоримъ о странахъ, гдѣ законы только издаются, но не исполняются; тамъ законъ противъ роста не опасенъ въ экономическомъ отношеніи; онъ только, въ ущербъ общественной нравственности, увеличиваетъ собою массу непроизводительнаго капитала законовъ не исполняющихся.

Такъ мститъ экономическій законъ природы, за свое непризнаніе, закону человѣческаго искусства. Но непреложность естественнаго экономическаго порядка не должна быть поводомъ къ совершенному бездѣйствію административной власти; она можетъ и должна дѣйствовать для облегченія страданій людей подъ вліяніемъ бездушныхъ законовъ природы, но только не иначе, какъ соображаясь съ этими законами, а не наперекоръ

ичъ Такъ въ приведенномъ нами случаѣ администрація можетъ содѣйствовать уменьшенію зла ростовщичества изданіемъ широкихъ законоположеній о свободномъ устройствѣ частныхъ товариществъ капиталистовъ для ссудъ или частныхъ банковъ, поощреніемъ на первое время къ учрежденію подобныхъ банковъ, снабдивъ ихъ заимообразно частію основнаго капитала. даже основаніемъ, но въ видѣ временной мѣры, казенныхъ ссудныхъ банковъ, или, наконецъ, устройствомъ строгаго, независимаго ни отъ какихъ вліяній, судебнаго и полицейскаго порядка для преслѣдованія несостоятельныхъ должниковъ, не взирая ни на какія офиціяльныя права ихъ на укрывательство. Въ подобныхъ мѣрахъ заключается экономическое начало: *laissez faire, laissez aller*, но разумно понятое. Укажемъ еще на одинъ примѣръ. Наука признаетъ тотъ экономическій законъ природы, по которому государственные доходы, какъ взимаемые съ чистыхъ доходовъ членовъ общества, должны всегда составлять долю разныхъ частныхъ промышленныхъ доходовъ въ странѣ, и потому возрастать лишь съ возрастаніемъ народнаго благосостоянія. Между тѣмъ финансовая администрація, какъ напримѣръ въ Китаѣ или въ прежнее время въ Австріи, создаетъ новый государственный доходъ, не основанный ни на какомъ народномъ доходѣ, выпускъ бумажныхъ денегъ. По мѣрѣ расширенія государственныхъ нуждъ, возрастаютъ выпускаемыя бумажныя деньги, и на первое время такъ удобно, такъ обольстительно-правильно и изящно, покрывъ ютъ всѣ финансовые недочеты. Въ основаніи всякой бумажной или кредитной цѣнности должна лежать какая-нибудь коммерческая или кредитная сдѣлка, которую первая собою изображаетъ. таковъ опять законъ природы. Но слѣпое человѣческое искусство не хочетъ его признать, и онъ за себя мститъ. Постоянно накопляющееся въ обращеніи количество бумажныхъ денегъ начинаетъ терять свою цѣну, какъ всякій товаръ, запасъ котораго превосходитъ нужду. Пониженіе въ цѣнѣ обнаруживается или въ промѣнѣ звонкои монеты на бумажныя деньги или въ возвышеніи цѣны всѣхъ прочихъ товаровъ, сравнительно съ деньгами. Если всеобщее вздорожаніе цѣнъ, крайне сокрушительное для общества, не озабочиваетъ еще само по себѣ людей финансовой администраціи, которые любятъ употребленіе вещей только дорогихъ, то месть природы идетъ еще далѣе, слѣдуя процессу логическаго доказательства *ad absurdum*. Для удовлетворенія государственныхъ потребностей, администрація должна сама закупать разные предметы и, разумѣется, уже по цѣнамъ не ниже

существующихъ, и даже обыкновенно выше, какъ заведено искони вѣковъ. Къ этому еще является совершенная необходимость увеличить то безчисленное множество постоянныхъ окладовъ, выдаваемыхъ изъ государственныхъ доходовъ и не достаточныхъ уже, при всеобщей дороговизнѣ, къ сколько-нибудь безбѣдному содержанію; вопль чиновниковъ могъ бы также самъ по себѣ никого не озаботить; но чиновники обѣщаютъ въ одно мгновеніе сдѣлаться суровыми блюстителями справедливости и порядка, если имъ увеличатъ жалованье, и имъ, по совершенной необходимости, для искорененія общественнаго порока, въ такомъ отвратительномъ видѣ являющагося въ изящной литературѣ, увеличиваютъ жалованье. Такъ возрастаютъ государственные расходы или, что̀ то же, уменьшаются государственные доходы, для увеличенія которыхъ прибѣгли къ бумажнымъ деньгамъ. Вотъ кара, месть экономическаго закона. Но если экономическій порядокъ непреложенъ, то это еще не причина, какъ мы уже сказали, бездѣйствовать, оставаться, сложа руки, передъ величіемъ и стройностію природы. Это возстановленіе равновѣсія въ бездушныхъ силахъ природы (а экономическія силы тоже бездушны), это возвращеніе къ равновѣсію сопряжено со многими тяжкими страданіями для человѣческаго общества, которое не бездушно. Потому человѣческое искуссство должно облегчить эти страданія, то-есть, помочь природѣ возможно постепеннѣе совершить свой процессъ развитія. Экономистъ не метеорологъ, который можетъ посреди дикихъ, необитаемыхъ горъ приходить въ восторги передъ бурею, происшедшею согласно всѣмъ законамъ природы, открытымъ его любознательностію. Экономическія бури, какъ онѣ ни любопытны для изслѣдователя, разражаются въ обществѣ людей, которые, всѣ безъ изъятія, способны страдать и наслаждаться.

Съ обстоятельствами Вестервальда совершенно сходствуютъ обстоятельства Фогельберга. Но Рóна видѣла лучшіе дни, чѣмъ нынѣшніе. Она имѣла исторію, которая не совсѣмъ же была только исторіею бѣдствій. Для феодальнаго періода это была не дурная страна, но наше промышленное столѣтіе не знаетъ, что̀ предпринять съ подобными заброшенными, непроизводительными горами. Не только неблагопріятный климатъ, но также всѣ особенности процесса развитія нашего просвѣщенія, если хотите, даже вся всемірная исторія легла трагически злополучнымъ рокомъ на эти горы. Рóна принадлежитъ къ тѣмъ германскимъ мѣстностямъ, о которыхъ одинъ поэтъ сказалъ: онѣ слишкомъ романтичны, чтобы

быть счастливыми, — поэтъ, который самъ былъ слишкомъ романтиченъ, чтобы быть счастливымъ, Готфридъ Кинкель

Потому-то Рона въ этомъ отношеніи не сходна съ Вестервальдомъ, которому она вообще совершенно подобна; цвѣтущее состояніе первой—въ прошедшемъ, втораго—въ будущемъ. Параллель между ними можно провести въ тысячѣ чертахъ. На Ронѣ множество разныхъ промысловъ, связанныхъ съ естественными сокровищами горы, но все это разсѣянно, спорадически, какъ будто для опыта. Здѣсь находятъ желѣзную руду, лѣпную глину, шпатъ, торфъ, марганецъ; здѣсь садятъ красильныя растенія даже для ліонскихъ фабрикъ, очень трудолюбиво ткутъ, вырабатываютъ рѣзной товаръ, кружево, фарфоръ; но сколько-нибудь обширная промышленность, которая бы обняла и оживила всю мѣстность, никакъ не привилась всѣми этими опытами, часто очень счастливыми. *Серебряные дворы,* расположенные подлѣ одной изъ самыхъ бѣдныхъ деревень, весьма характеристически получили свое названіе, потому что тамъ искали серебро, и — не нашли. Желѣзо бываетъ только гнѣздами. Въ томъ именно заключается злополучіе Роны, что здѣсь все есть только *гнѣздами*, промышленность и земледѣліе такъ же, какъ и желѣзо.

Въ народномъ костюмѣ на Ронѣ замѣтны остатки средневѣковаго одѣянія; въ Вестервальдѣ народъ почти исключительно одѣвается въ нищенскія лохмотья, не имѣющія никакого національнаго характера. На Ронѣ виднѣются развалины средневѣковыхъ замковъ, говорящихъ объ ея исторіи; на высокомъ Вестервальдѣ никогда не было воздвигнуто ни монастыря, ни замка; духовенство и рыцари избѣгали его какъ негостепріимнаго пріюта тумана и снѣга. На Вестервальдѣ извѣстенъ одинъ только промыселъ— скидка снѣга; только на этомъ вырабатываютъ себѣ жители нѣсколько крейцеровъ, и о нихъ ходитъ народная молва, что они круглый годъ просятъ у Бога мятелей и снѣга. Странно, что на самой горѣ не могло пріютиться ни одно ремесло, тогда какъ многія, если и не процвѣтаютъ, то кое-какъ прозябаютъ въ долинѣ, подъ горою. Когда поднимаешься съ юга на эти возвышенности и спрашиваешь у жителей, гдѣ же собственно начинается *настоящій* Вестервальдъ, то вамъ все показываютъ дальше, впередъ. Наконецъ взойдешь на самый гребень горы, и спускаешься по сѣверному склону: вамъ показываютъ назадъ, на южный склонъ. Никто не хочетъ признаться, что живетъ на Вестервальдѣ. Несмотря однако на это, у жителей Вестервальда весьма нѣжная

привязанность къ своей родинѣ и тоска по ней. Это доказываетъ, что Вестервальдъ не такъ плохъ, какъ его слава Точно. такъ же отрекаются отъ Фогельберга его обитатели. Но на Ронѣ совсѣмъ не то, она имѣетъ болѣе блестящія историческія воспоминанія, и жителямъ есть на что̀ указать съ гордостью, если въ настоящемъ они и прославились только нищетою. Такъ, между прочими развалинами прежняго богатства, здѣсь славится одна деревня, теперь совершенно разоренная, прежде знаменитая плодородіемъ своихъ полей. Столъ фульдскихъ княжескихъ аббатовъ былъ буквально жиренъ вслѣдствіе этого плодородія, ибо оттуда отправлялось ежегодно на придворную кухню до 3,000 ф. лучшаго коровьяго масла, и безчисленное множество быковъ и телятъ. Воспоминанія о прежней промышленной дѣятельности только портитъ наивность нищеты въ жителяхъ Рѳны. Вестервальдцы гораздо болѣе смирились передъ своею судьбой. На Рѳнѣ, Шпесартѣ, Фогельбергѣ, также Фихтельбергѣ, *жители* постоянно бьются завести у себя какую-либо отрасль современной промышленности, которая бы разомъ обогатила ихъ край; ищутъ несуществующихъ естественныхъ богатствъ и источниковъ производства, дѣлаютъ безпрестанно разные опыты, и ничто не удается. Это стремленіе внезапно вступить во всеобщій круговоротъ всемірной промышленности еще болѣе ухудшаетъ ихъ положеніе, тогда какъ здѣсь было бы необходимо терпѣливо обратиться къ самымъ простымъ отраслямъ производства, и разрабатывать то, что̀ есть; неутомимое желаніе водворить у себя производства, которыми славятся другія страны, болѣе образованныя, сдѣлаться во что̀ бы то ни стало утонченно-фабричнымъ народонаселеніемъ, повредило многимъ краямъ.

Въ этихъ горахъ мы находимъ какое-то странное противорѣчіе: въ народонаселеніи есть необходимое расположеніе къ промышленной дѣятельности, а между тѣмъ всѣ его усилія, вслѣдствіе положенія страны, чрезвычайно злополучны. Природные земледѣльцы не рѣдкость: здѣсь природные, *естественные*, какъ выражается г. Риль, *сыны промышленности*. Горные крестьяне въ Германіи тѣмъ существенно отличаются отъ крестьянъ, поселяющихъ равнины, что они обладаютъ природнымъ техническимъ геніемъ, котораго не достаетъ послѣднимъ. То же самое бѣдствіе, которое проявляется въ промышленныхъ селахъ въ Силезскихъ горахъ и въ Эрцгебиргѣ (Богеміи) въ большихъ размѣрахъ, здѣсь (на Ронѣ) повторяется въ маломъ видѣ. Хозяева обшир-

ныхъ заведеній въ городахъ и на главныхъ дорогахъ не жалуются на недостатокъ сбыта: напротивъ рѣзчики изъ дерева въ удаленныхъ мѣстностяхъ принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ людей. Первые работаютъ частію для иноземныхъ потребителей, послѣдніе для самаго ограниченнаго мѣстнаго сбыта, то-есть для такихъ покупателей, которые сами ничего не имѣютъ.

Мы знаемъ, какъ сокрушительно дѣйствуютъ на мѣстное народонаселеніе отрасли промышленности, разъ въ немъ укоренившіяся и не имѣющія передъ собой достаточнаго сбыта; люди, посвятившіе себя имъ, часто сроднившіеся съ ними, не скоро рѣшаются перемѣнить родъ своихъ занятій, и съ одной ступени нищеты переходятъ на другую. Сколько есть всюду такихъ мѣстныхъ занятій въ народѣ, которыя потеряли всякій сбытъ отъ развитія соперничества обширныхъ механическихъ заведеній, отъ новыхъ открытій и изобрѣтеній, совершенно измѣнившихъ вкусъ покупателей, и такъ далѣе, а мѣстное народонаселеніе, вспоминая прежнюю славу своихъ произведеній, продолжаетъ вѣрить въ непогрѣшимость своего промысла и упорно остается при немъ.

Какъ обращикъ природной технической талантливости горныхъ крестьянъ въ Германіи, г. Риль разказываетъ слѣдующее:

«На безплодныхъ горныхъ равнинахъ дикихъ Альповъ, между Пфуллингеномъ и Урахомъ, загналъ меня однажды жестокій градъ въ одно уединенно-стоявшее жилище. Домикъ смотрѣлъ такъ бѣдно, что я боялся воидти до тѣхъ поръ, пока не раздались въ немъ звуки фортепіяно. Маленькій, босоногій мальчишка игралъ на инструментѣ; не похоже было на то, чтобы онъ всякій день мылся, развѣ только по воскресеньямъ, праздничнымъ и базарнымъ днямъ. Я узналъ, что все семейство музыкально; въ комнатѣ показали мнѣ еще маленькій домашній органъ; фортепіяно и органъ сдѣлалъ самъ хозяинъ дома. Между тѣмъ онъ вовсе не былъ инструментальный мастеръ, а каменьщикъ, и въ то время былъ на работѣ въ Пфуллингенѣ. Фортепіяно конечно было не то, что англійскій рояль, но все-таки его точно такъ же можно было назвать фортепіяно, какъ дикое яблоко—яблокомъ Хотя дикія яблоки не даютъ спирта, однако даютъ все-таки уксусъ. Непреодолимое влеченіе промышленнаго генія горныхъ крестьянъ принудило каменьщика соорудить фортепіяно и органъ для воскресныхъ досуговъ. Кто бы могъ думать найдти такіе благородные плоды на такой дикой почвѣ!»

На высокомъ Вестервальдѣ вишни поспѣваютъ только въ теченіи двухъ лѣтъ. Здѣсь почти вовсе не имѣютъ плодовыхъ деревьевъ Земля очень плодородна, но сѣверозападный вѣтеръ и сырость тумановъ не даютъ взойдти ни одному дереву. Всѣ полевыя растенія на Вестервальдѣ заключаются: въ картофелѣ, овсѣ и ячменѣ. Разныя приготовленія изъ картофеля составляютъ исключительное кушанье жителей

Ни въ какой другой мѣстности Германіи не властвуетъ картофель такъ деспотически, какъ здѣсь. Можно бы вывести довольно полезную параллель между хлѣбнымъ деревомъ островитянъ Тихаго океана и картофельнымъ кустомъ на этихъ горахъ. Когда двѣсти лѣтъ тому назадъ, привезенъ былъ первый картофель на Вестервальдъ, то одна невѣста, въ вестервальдскомъ городкѣ Герборнѣ, украсила свою грудь, на свадебной процессіи, цвѣтами картофеля, вмѣсто миртъ и розъ. Такимъ образомъ это растеніе, которое вообще признается за архифилистра между своими собратіями, удостоилось здѣсь почестеи поэзіи. И поэты Вестервальда дѣйствительно воспѣли картофель въ своихъ пѣсняхъ. Первый картофельный кустъ былъ посаженъ здѣсь однимъ аптекаремъ въ видѣ украшенія, и выставленъ въ цвѣточномъ горшкѣ.

Самый благородный сортъ вестервальдскаго картофеля называется у сѣменныхъ торговцевъ. *слава Вестервальда.* Когда мы вникнемъ, какъ крестьянское существованіе въ этихъ мѣстахъ коренится въ воздѣлываніи картофеля, тогда освященіе этого растенія невѣстою, въ лучшій день ея жизни, получаетъ глубокое значеніе. Въ воздѣлываніи вѣроломнаго растенія можно бы даже узнать его пролетаріатскій характеръ. Въ сухіе годы не урождается картофель на пограничныхъ равнинахъ; но тѣмъ лучше созрѣваетъ онъ на богатыхъводою горахъ. Можно было бы, на этомъ основаніи, сдѣлать изъ картофеля предметъ вывоза, еслибы вестервальдскій крестьянинъ могъ видѣть нѣсколько далѣе, чѣмъ позволяетъ ему родной туманъ.

Но картофель имѣетъ здѣсь не только свою поэзію, но и свою жестокую прозу. Страна по преимуществу картофельная есть въ то же время по преимуществу страна водки. Это какъ нельзя лучше доказывается базальтовыми горами. Въ одномъ городкѣ на Ронѣ, имѣющемъ только 2,200 жителей, было выпито въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ (по показаніямъ акцизныхъ таблицъ) до 800 анкеровъ водки. Напротивъ въ старой Баваріи, гдѣ преобладаетъ

воздѣлываніе хлѣба, и насажденій картофеля относительно весьма мало, употребленіе водки очень ничтожно. Воздѣлываніе картофеля и размельченіе поземельныхъ участковъ идутъ рука объ руку; на базальтовыхъ горахъ пахотная земля размельчена до самой крайней степени. Въ то время какъ зерно и приготовляемый изъ него хлѣбъ, въ воззрѣніяхъ народныхъ и въ языкѣ признаются святыми, съ картофелемъ, ни сколько не менѣе важнымъ въ хозяйствѣ, обращаются безъ всякаго уваженія. Народъ будто инстинктомъ чуетъ тотъ враждебный характеръ, который скрывается въ воздѣлываніи картофеля. Онъ даже придаетъ картофелю разнаго рода бранные эпитеты. Надутое глупое лицо называютъ обыкновенно картофелиной, безобразный носъ картофельнымъ, и такъ далѣе. То, что̀ неуклюже и грубо, сравнивается въ народѣ всегда съ картофелемъ.

Но несмотря на это невѣжливое обращеніе съ картофелемъ, крестьянинъ на среднегерманскихъ возвышенностяхъ совершенно свыкся съ чрезмѣрнымъ воздѣлываніемъ картофеля. Тяжкія предостереженія голодныхъ годовъ вовсе еще не уменьшили тамъ распространеніе коварнаго плода. Даже въ самые плохіе годы, когда нужда достигла на Рѳнѣ самаго послѣдняго градуса, крестьяне все-таки не могли удержаться, чтобы не повторить опыта насажденія *полубольными* картофелинами. Къ этому принудила ихъ вовсе не крайняя нужда; ибо даже бѣднѣйшіе могли получить здоровыя сѣмена отъ частныхъ благотворителей и правительства. Но люди просто потеряли голову. Здѣсь смиреніе въ своемъ крайнемъ выраженіи непосредственно переходитъ въ безумную дерзость.

Воздѣлываніе картофеля не только тѣсно связано съ образованіемъ новѣйшаго пролетаріата,—оно заманиваетъ въ спекулятивную игру даже зажиточныхъ крестьянъ, которые прежде были очень отъ нея далеки. Въ 1825 г. были сельскіе хозяева, у подошвы Фогельберга, которые имѣли 50—60 головъ скота и болѣе 100 моргеновъ пахотной земли, слѣдовательно они, безъ сомнѣнія, могутъ назваться достаточными людьми; но ихъ скотъ былъ совершенно голодный, ибо прельщенные возможно бо́льшимъ выигрышемъ, они заняли подъ картофель 9—10 своего имѣнія. Онъ не уродился, и богатые хозяева голодали вмѣстѣ со скотомъ. Изъ этого видно, что здѣсь открываются совершенно особенныя фазы нищеты, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ общеизвѣстныхъ категорій. Надежда на огромный доходъ отъ

картофеля, съ помощью водочныхъ заводовъ, вовлекаетъ крестьянъ въ настоящую азартную игру; они ставятъ счастіе цѣлаго года на одну карту. Въ этомъ заключается чрезвычайная нравственная порча...

На пустынныхъ, безводныхъ горныхъ франкскихъ равнинахъ унаваживаютъ поля камнями и скашиваютъ сѣно съ деревьевъ; милліоны маленькихъ известковыхъ камней, разсѣянныхъ на поляхъ, сохраняютъ на нихъ сырость, а вмѣсто плодовыхъ деревьевъ стоятъ безчисленныя шарообразно-обстриженныя липы, которыхъ листья замѣняютъ для скота кормовую траву. Когда въ долинахъ сухо, на Вестервальдѣ, Фогельбергѣ и Ронѣ, туманъ и сырость, и наоборотъ. Иногда наверху благословенный годъ, а внизу неурожай. амый образъ жизни большей части германскихъ горныхъ крестьянъ, въ хозяйственномъ отношеніи совершенно извращенъ. Они бы должны быть самыми утонченными, самыми раціональными сельскими хозяевами, ибо природа не даетъ имъ ничего даромъ, а между тѣмъ они самые закоснѣлые реакціонеры въ хозяйствѣ, и успѣхи сельскаго хозяйства процвѣтаютъ въ долинахъ. Потому, при всемъ своемъ трудолюбіи, при всемъ самоотверженіи они все остаются въ своемъ прежнемъ злополучномъ состояніи. Есть на Ронѣ обширныя, правда нѣсколько уединенныя пространства, съ прекрасною почвою, но они даютъ посредственный урожай только черезъ каждые два года, ибо ихъ никогда не унаваживаютъ. Владѣльцы сильно занимаются скотоводствомъ, и имѣютъ хорошее удобреніе. Но какъ предки не признавали нужнымъ обрабатывать отдаленныя пашни съ усиленнымъ тщаніемъ, потомки также не дѣлаютъ того, хотя они въ этомъ очень нуждаются. Ихъ земледѣліе еще все разсчитано на то, чтобъ урожай прямо переходилъ изъ рукъ въ ротъ. На всей базальтовой линіи отъ Роны до Эйфеля, еще часто можно видѣть, что земледѣліе совершенно сохранило свой средневѣковой характеръ, между тѣмъ какъ потребности сдѣлались современными. Хозяева слѣдуютъ еще такой системѣ, при которой не было трубки, кофе и податей, а между тѣмъ не могутъ отказаться отъ первыхъ и освободиться отъ послѣднихъ.

Выше сказано было, что Вестервальдъ составляетъ выдвинувшійся форпостъ Вестфаліи. Система хозяйства остановилась здѣсь на переходной эпохѣ отъ системы дворовыхъ крестьянъ къ системѣ деревенскихъ крестьянъ. Потому здѣсь и всѣ недостатки той и другой системы, безъ ихъ достоинствъ, какъ впро-

чемъ бываетъ во всякой переходной формаціи. Здѣсь народонаселеніе почти исключительно заключается въ селеніяхъ, имѣющихъ всѣ неудобства изрѣзанныхъ дере венскихъ земель, а между тѣмъ нѣтъ всѣхъ общественныхъ выгодъ обширныхъ общинныхъ союзовъ. Какъ только южный склонъ Вестервальда водворилъ бы у себя какую нибудь самостоятельную промышленность, къ чему есть многія естественныя условія, такъ онъ пересталъ бы быть форпостомъ Вестфаліи. Онъ сдѣлался бы тогда весьма важною пограничною группой поселеній, соединяющею въ себѣ одинаковыя права на нижне-германскую и средне-германскую культуру. Хотя теперь крестьяне (горожанъ здѣсь вовсе нѣтъ) на Вестервальдѣ очень бѣдны, но они чрезвычайно ограниченны въ своихъ потребностяхъ, не имѣютъ никакого понятія о назначеніи денегъ и въ своемъ бѣдственномъ положеніи видятъ естественную необходимость. Революціонное движеніе пролетаріата въ 1848 г. вовсе не коснулось Вестервальда. «Гдѣ наслѣдственное право нищеты, говоритъ г. Риль, такъ глубоко коренится въ исторической почвѣ, тамъ нисколько не сомнѣваются, что наслѣдственное право избытка есть также историческая необходимость. Тамъ только, гдѣ нищета водворяется вмѣстѣ съ цивилизаціей, дѣлается она мятежною.»

«... Нищета, произведенная скупою природой, поддерживаетъ до извѣстной степени крѣпость и силу народа; нищета, порожденная случайностями цивилизаціи, дѣлаетъ народъ хилымъ и жалкимъ. Хотя Вестервальдецъ мало ѣстъ мяса, однако онъ крѣпкій человѣкъ. Женщины, конечно, большею частію слишкомъ массивны въ костяхъ и мускулахъ, болѣе чѣмъ сколько допускается то понятіемъ женской красоты. Тяжесть ударовъ вестервальдскаго кулака имѣетъ историческую славу. Тѣ германскія войска, которыя помогли Оранскому дому завоевать свободу Нидерландовъ, состояли преимущественно изъ Вестервальдцевъ. Даже сами полные крѣпости Оранскіе князья могутъ быть причислены къ Вестервальдцамъ; ихъ замокъ стоялъ въ преддверіи нашихъ горъ, и та германская липа, подъ которою Вильгельмъ совѣщался съ нидерландскими послами, есть вестервальдское дерево. И до сихъ поръ остается въ памяти народной славная оранская эпоха. Кто хочетъ убѣдиться, что исторія Нидерландовъ есть часть общегерманской исторіи, тотъ долженъ изучить преданія объ оранскомъ Вестервальдѣ. У Голландіи память была короче, чѣмъ у Германіи. Оранская липа

лучше сохранилась на отрогахъ Вестервальда, чѣмъ признательность Нидерландовъ къ Германіи.

«Пока еще остаются народныя группы, которыхъ полныя, еще юношескія силы находятся въ дремотѣ, подобно силамъ ихъ родной, еще не истощенной обработкою почвы,—народныя группы, которыя остановились на первоначальной эпохѣ своей культуры, какъ вестервальдскіе крестьяне,—до тѣхъ поръ еще не слѣдуетъ говорить о кончинѣ Германіи. Когда полуденное солнце цивилизаціи сожжетъ равнины, тогда съ бѣдныхъ культурою горныхъ странъ повѣетъ на нихъ непочатой, естественный народный духъ, какъ освѣжающій лѣсной воздухъ.

«Надо, чтобъ естественныя обстоятельства народной жизни получили опять свое законное право гражданства, и не только въ романахъ, но и въ дѣйствительности. *Я бы желалъ, чтобы каждая страница моего сочиненія говорила читателю объ этомъ коренномъ догматѣ моихъ воззрѣній, и если въ этомъ отношеніи проявляется у меня какая-нибудь односторонность, то по крайней мѣрѣ въ томъ виновно мое глубокое убѣжденіе.* Вслѣдствіе этого я и принимаю подъ мою защиту лѣсъ противъ поля, деревню противъ города, суровую, но крѣпкую, свѣтлую и юную естественную жизнь народа противъ старческой мудрости цивилизаціи, и политика, которая такимъ образомъ опирается на *страну* и *народъ*, должна сдѣлаться привѣтливымъ искусствомъ, богатымъ формами и цвѣтами, и *наукой*, а не сухою, черствою доктриной.»

Мы полагаемъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ высказался весь авторъ со всѣми своими увлеченіями; мы не можемъ здѣсь именно распространиться относительно направленія, выраженнаго въ этихъ словахъ и проникающаго всѣ его произведенія; съ этимъ направленіемъ связано весьма много вопросовъ, которыхъ бы слѣдовало коснуться. Здѣсь замѣтимъ только, что та крайность увлеченія, съ которымъ г. Риль безпрестанно возстаетъ противъ центровъ современной цивилизаціи, и какъ бы противъ самой современной цивилизаціи, вытекаетъ изъ его глубокой ненависти къ искусственной политикѣ, гнѣздящейся въ этихъ центрахъ, ничего не хотящей знать о *странѣ* и *людяхъ*. Въ этомъ движеніи противъ искусственно-централизующаго бюрократическаго порядка нашъ авторъ не знаетъ никакой мѣры. Это только увлеченіе, которое часто не даетъ его изслѣдованіямъ непосредственно войдти въ кругъ науки, вообще чуждой всякихъ увлеченій.

«Въ квартирахъ пролетаріевъ въ большихъ городахъ, продолжаетъ г. Риль, дышетъ хилая, чахоточная, вымирающая народная жизнь. Напротивъ, въ отдаленныхъ углахъ нашихъ пустынныхъ горъ, гдѣ также пріютились бѣдные люди, зерно народа еще крѣпко и не испорчено, несмотря на столѣтнія испытанія голода, нищеты и болѣзней. Какъ вырожденіе нашихъ хозяйственныхъ растеній началось не на тощей почвѣ, а на тучныхъ поляхъ, и оттуда, какъ бичъ выжившейся цивилизаціи, распространилось по всей землѣ, намъ угрожаетъ такой же процессъ вырожденія и вымиранія народной жизни. Каждый народъ, который не заключаетъ въ своей совокупности извѣстную массу грубой, необразованной народности, близокъ къ паденію. Если народъ не можетъ самъ себя обновить, тогда устремятся на него другіе народы, чтобы совершить въ немъ этотъ процессъ обновленія. Гордыя своимъ развитіемъ, выжившіяся городскія полосы средней и сѣверной Германіи, ужасаются тѣснаго сближенія съ Австріею и непремѣнно связаннаго съ нимъ прилива еще очень юныхъ элементовъ культуры, которые господствуютъ въ южныхъ горныхъ странахъ. Между тѣмъ какое произошло бы колоссальное явленіе, еслибы такимъ образомъ примирилась между собою первобытная естественная жизнь южнаго народнаго духа съ жизнію многолѣтняго развитія средней и сѣверной Германіи! Не только вопросы финансовые, политическіе, но и величайшіе общественные вопросы связаны съ этимъ примиреніемъ.

«Кто хочетъ подвергнуть наблюденію Вестервальдъ, Фогельбергъ и Рёну, кто хочетъ изслѣдовать горы, какъ *тѣло народнаго духа*, тотъ долженъ странствовать тамъ зимою, когда совершается полная побѣда суровой, враждебной всякому хозяйству природы, и самымъ рѣзкимъ образомъ выставляются бѣдственное положеніе и нужда человѣческихъ населеній. Ни одна германская гора одинаковой высоты не собираетъ на своей поверхности такую страшную массу снѣга, какъ Вестервальдъ. Солому, покрывающую крыши домовъ, спускаютъ со стороны господствующихъ вѣтровъ до земли, и иногда намететъ во время бури столько снѣга, что съ этой стороны дома имѣютъ видъ снѣжныхъ холмовъ. Острый запахъ каменно-угольнаго дыма, выходящаго изъ трубъ, наполняетъ воздухъ на такое пространство, что странникъ легче можетъ найдти объятыя снѣгомъ и туманомъ деревни, посредствомъ своего носа, чѣмъ посредствомъ глазъ.

«Вовсе не рѣдки на Вестервальдѣ такіе случаи, что ищешь

вдалекѣ слѣдовъ селенія, въ то самое время, когда стоишь, со стороны вѣтра, передъ самыми домами. Часто низкія хижины такъ занесены снѣгомъ, что обитатели ихъ совершенно лишены дневнаго свѣта и вырываютъ въ снѣгу своды и столбы отъ воротъ одной хижины до другой, чтобы возстановить сообщеніе между сосѣдями. Когда зимою призываютъ въ такое селеніе врача, то онъ долженъ брать съ собою людей, которые бы расчищали передъ нимъ дорогу.

«Порознь стоящіе лѣса являются здѣсь въ самомъ прекрасномъ значеніи: какъ защита хозяйства, какъ охраняющіе валы цивилизаціи. Тогда только чувствуешь всю цѣну лѣса, когда, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ весь насквозь растребленный вѣтромъ, внезапно вступаешь въ святую тишину лѣса. На высокомъ Вестервальдѣ почти всѣ кладбища расположены у опушки лѣса, даже когда вынуждены были отдалить ихъ черезъ это отъ селеній на большее, чѣмъ слѣдовало бы, разстояніе. Много поэтическаго въ той мысли, что люди хотѣли пріютить своихъ покойниковъ, отъ брани стихій, подъ покровительственною и мирною тишиною лѣсовъ.

«На ландтагѣ Прусско-рейнской провинціи, въ 1852 году, были обсуждаемы способы къ улучшенію хозяйства на Эйфелѣ, такъ сходномъ, по своему характеру, съ занимающими насъ горами. При этомъ возникло предположеніе, чтобы съ помощію ссуды изъ казны, превратить опустошенныя мѣста горы опять въ лѣсъ. Черезъ насажденіе лѣса полагали воздѣлать поля, черезъ искусственное возвращеніе къ лучшей формѣ дичи, лѣсу,— положить начало новой обработкѣ. Въ этомъ заключается глубокій символическій смыслъ для укрѣпленія самой народной жизни на этихъ горахъ; это укрѣпленіе можетъ быть достигнуто не черезъ внесеніе чуждыхъ, утонченныхъ понятій, но черезъ освѣженіе и облагораживаніе старыхъ естественныхъ нравовъ и обстоятельствъ.

«Снѣжныя мятели, со всѣми сопряженными съ ними приключеніями и бѣдствіями, послужили богатымъ матеріяломъ для цѣлаго круга народныхъ сказаній и сказокъ, называемыхъ *снѣжными*...»

Теперь передъ глазами читателей уже довольно собрано образцовъ разнообразныхъ формацій германской народной жизни, и потому можно перейдти къ нѣкоторымъ общимъ воззрѣніямъ г. Риля на *страну* и *людей* въ Германіи и къ связаннымъ съ ними общественно политическимъ вопросамъ.

«Общественное раздѣленіе Германіи на три части, говоритъ авторъ, какъ я его очертилъ, пересѣкается въ многочисленныхъ направленіяхъ политическою системой государствъ. Какъ Европа не можетъ достигнуть настоящаго мира и равновѣсія, пока государственныя дѣленія не приведены въ согласіе съ народностями, такъ и внутреннія обстоятельства Германіи останутся всегда неудовлетворительными, до тѣхъ поръ, пока наше разграниченіе между государствами будетъ противорѣчить естественному группированію страны и людей. Старые округи имперіи (Reichs-Kreise) императора Максимиліяна гораздо глубже основывались на природѣ вещей, чѣмъ наша современная политическая карта, и всякій опытъ органическаго раздѣленія большой германской земли непремѣнно долженъ будетъ опять отыскать главное направленіе линій тѣхъ имперскихъ округовъ.»

Въ Германіи, подлѣ первостепенныхъ государствъ, каковы: Пруссія, Австрія, Баварія, одаренныхъ внутреннимъ политическимъ могуществомъ усвоивать своему организму разнородныя народности, есть цѣлый рядъ *искусственныхъ государствъ*, не имѣющихъ никакой основы ни въ исторіи, ни въ общественной этнографіи. Вслѣдствіе люневильскаго мира, Рейнскаго союза и Вѣнскаго конгресса, была произвольно создана на юго-западѣ Германіи цѣлая группа государствъ, которыя можно назвать *случайными*. — Но хирургическіе пріемы въ государственной жизни бываютъ менѣе удачны, чѣмъ въ медицинѣ; природа человѣческихъ обществъ противодѣйствуетъ насильственному съ нею обращенію, еще можетъ-быть сильнѣе, чѣмъ физическая. Въ этихъ государствахъ, механически составленныхъ подъ преобладаніемъ военной, бюрократической, дипломатической и домашней (княжеской) политики, при полномъ забвеніи общественной политики, — въ этихъ именно государствахъ совершается настоящее общественное разложеніе средней Германіи. Не существуя по закону исторической необходимости, эти государства склоняются какъ стрѣлка къ магнитнымъ полюсамъ, то къ Австріи, то къ Пруссіи, и даютъ такой грозный для единства Германіи характеръ дуализму Австріи и Пруссіи. Безъ непрестанныхъ колебаній этихъ государствъ, этотъ дуализмъ самъ по себѣ

вовсе не имѣлъ бы того грознаго значенія. Уже въ самой природѣ заключается вліяніе юго-запада на германскій дуализмъ: въ этомъ углу лежитъ водораздѣлъ Нѣмецкаго и Чернаго моря. Вюртембергъ, на долю котораго преимущественно выпадаетъ этотъ водораздѣлъ, находится въ настоящее время въ особенно затруднительномъ положеніи, для того чтобы принять рѣшительно сторону того или другаго полюса въ дуализмѣ. Но чѣмъ важнѣе вліяніе этого края на политическія судьбы Германіи, тѣмъ необходимѣе было создать здѣсь государства сильныя по самымъ естественнымъ, ихъ границамъ. Здѣсь началось революціонное движеніе въ 1848 г., здѣсь нашло оно для себя пищу въ самой почвѣ, въ самой атмосферѣ. Здѣсь возбуждена была революція; въ то время, какъ на сѣверѣ она окрѣпла, на юго-востокѣ была отражена,—въ юго-западныхъ государствахъ въ Гессенѣ, Баденѣ, Нассау, Вюртембергѣ, впервые идея германскаго парламента сдѣлалась требованіемъ даже со стороны владѣтельныхъ лицъ. Центръ тяжести вновь зарождавшеися Германіи былъ брошенъ, хотя и на короткое время, во Франкфуртъ, въ средоточіе этой группы государствъ. Въ приготовительномъ собраніи парламента числительно преобладали эти государства, еще болѣе преобладалъ ихъ духъ. Центральныя власти, созданныя германскимъ парламентомъ, были скорѣе и безусловнѣе всѣхъ признаны правительствами этихъ государствъ Здѣсь также возникло первое открытое возстаніе, со стороны крайней демократической партіи, когда новые, болѣе консервативные элементы вступили въ парламентъ съ сѣвера и юго-востока. Министерства, образованныя движеніемъ 1848, всего долѣе удержались на юго-западѣ Германіи. Общегерманская конституція нашла самую приготовленную почву въ народѣ здѣсь, и правительства были преимущественно здѣсь вынуждены принять ее, а потому понятно, что въ Берлинѣ и Вѣнѣ стали смотрѣть на франкфуртскій парламентъ, какъ на *спеціяльное* представительство юго-западной Германіи.

Всѣ современные планы раздѣленія Германіи расчитывали преимущественно на сомнительное положеніе юго-западныхъ государствъ Германіи. Всякая политическая сила, которая сумѣла бы явиться распорядительницею на юго-западѣ, распоряжалась бы всею Германіею, ибо она тотчасъ парализировала бы австрійско-прусскій дуализмъ. Здѣсь уже издавна, со времени постепеннаго передвиженія политическаго центра Германіи съ запада на востокъ, нѣтъ никакихъ крупныхъ общественныхъ элементовъ, около которыхъ группировались бы прочіе. Здѣсь

полное смѣшеніе стихій. Ни сословные интересы, ни религіозныя вѣрованія, ни промышленность и торговля, не могли соединить здѣсь государства въ сколько-нибудь обширные союзы и партіи, которые дали бы какои-нибудь рѣшительный характеръ политикѣ.

Дипломатическіе переговоры во время наполеоновскихъ войнъ, безпрестанно проводили новыя государственныя границы на юго-западѣ, и только позже отзывались на сѣверѣ и востокѣ. Нужно вникнуть въ исторію перваго десятилѣтія XIX столѣтія, чтобы понять, каково отрицательное значеніе или пассивная сила германскаго юго-запада. Начало искусственному выкраиванію государствъ положилъ здѣсь Рейнскій союзъ Наполеона; на немъ выросла политическая карта Вѣнскаго конгресса. Въ основаніи этого произвольнаго творчества государствъ лежалъ самый крайній политическій раціонализмъ, который открыто и сознательно презиралъ исторію. Тутъ было въ виду странное начало: сопоставленіе либеральнаго куска земли съ консервативнымъ, какъ бы для образованія какихъ-то государственныхъ контрафорсовъ. Такъ соединили рейнскія, гессенскія земли съ Гессенъ-Дармштадтомъ, Рейнгау съ старою Нассауссною областью, Пфальцъ частію съ Баденомъ, частію съ Баваріею и проч. Такимъ образомъ, колебаніе и безпокойство были увѣковѣчены въ этихъ странахъ. Но какъ замѣчательно образцовое произведеніе произвольнаго государственнаго дѣленія, является земля окружающая вольный городъ Франкфуртъ. Здѣсь границы одного государства врѣзываются въ границы другаго, наподобіе кружевныхъ узоровъ, пестрота доходитъ до 20 различныхъ территорій на пространствѣ нѣсколькихъ миль.

Рейнскія провинціи можно было безнаказанно присоединить къ Пруссіи, ибо это государство имѣетъ достаточно внутренней силы общественнаго сосредоточенія чтобы всосать въ себя, ассимилировать чуждыи ему рейнскій элементъ. Въ послѣдствіи Пруссія сосредоточитъ около себя весь сѣверъ Германіи. Но то же самое невозможно, напримѣръ, для Гессенъ Дармштадта, въ отношеніи къ рейнскимъ гессенскимъ землямъ; тутъ встрѣчаются между собою совершенно равныя силы.

«Въ новѣйшее время, говоритъ г. Риль, можно было довольно часто замѣтить, что какъ только великая держава Германіи выступала на политическое поприще, какъ *великая держава*, она тотчасъ утрачивала симпатіи остальной Германіи; напротивъ,

лишь только она дѣлалась слабою и немощною, тотчасъ привязывадись къ ней *политическія надежды.* Въ этомъ заключается инстинктъ *партикуляризма,* который, чувствуя, что его собственное государственное единство есть нѣчто случайное, произвольное и потому безсильное, расположенъ отрицать жизнь и въ другихъ государственныхъ организмахъ, и всегда боится и трепещетъ за свое внутреннее бытіе, когда его глазамъ представляется что-либо великое, замкнутое и цѣлое. И тогда его неотразимо тянетъ соединиться съ слабымъ, чтобы противостоять сильному. Не малыя государства, какъ таковыя, обусловливаютъ это явленіе. Малыя государства, которыя были бы основаны на естественномъ группированіи страны и народа, легко нашли бы своихъ естественныхъ союзниковъ, и умѣли бы сами собою стоять твердо; мы бы не были тогда свидѣтелями этихъ безпрерывныхъ шахматныхъ передвиженій германскихъ союзовъ, въ которыхъ самыѣ малые ищутъ избѣжать гегемоніи могущества возстановленіемъ равенства безсилія.»

Въ 1848 году и во всемъ рядѣ событій, бывшихъ его послѣдствіемъ, можно дѣйствительно найдти много примѣровъ въ подтвержденіе мысли нашего автора. Много симпатій было связано въ то время во всей Германіи съ идеей о единой прусско-германской имперіи; но лишь только эта идея выступила какъ политическій фактъ, готовый сдѣлаться дѣйствительностью, вся погрязшая въ партикуляризмѣ Германія отъ нея отступилась. Но намъ кажется, что сущность этого важнаго политическаго вопроса Германіи, заключается въ томъ: на сколько Пруссія готова была взять на себя роль, выпадавшую ей на долю, въ силу историческаго хода событій, и именно на сколько прусское правительство и лицо, стоявшее въ его главѣ, было на высотѣ этой роли, сообразно со всѣми современными интересами и требованіями вѣка? По нашимъ глубокимъ убѣжденіямъ въ этомъ именно обстоятельствѣ болѣе ими менѣе случайнаго соотвѣтствія умственныхъ и нравственныхъ силъ отдѣльныхъ личностей съ интересами событій, во главѣ которыхъ онѣ поставлены судьбою, состоитъ вся великая драматическая игра исторіи Отдѣльная личность, призванная сплетеніями событій дѣиствовать посреди нихъ, не есть всегда продуктъ этихъ событіи, не всегда сложилась подъ вліяніемъ ихъ, не всегда наконецъ ими самими создана, и потому не всегда имъ соотвѣтствуетъ. А вслѣдствіе устройства общества, вслѣдствіе суще-

ствующаго въ немъ механическаго преобладанія однѣхъ категорій лицъ надъ другими, не всякая личность, именно способная, по своимъ качествамъ, дать политическое движеніе, сообразное съ требованіями эпохи, можетъ въ данный моментъ выдвинуться изъ массы и получить возможность, власть и право дѣйствовать. Такія прерогативы выпадаютъ часто и безпрестанно на долю менѣе достойныхъ личностей. Та психическая лабораторія, въ которой вырабатываются люди для событій, еще не та, въ которой вырабатываются событія для людей.

Та же участь постигла франкфуртскій парламентъ; постепенно, съ вступленіемъ его на практическую почву, собравшіеся около него симпатіи охлаждались, и для рѣшительныхъ политическихъ мѣръ онъ уже не могъ опираться на мелко-государственную, раздробленную Германію. Между тѣмъ никакое серіозное политическое движеніе въ Германіи не можетъ обойдтись безъ этой опоры. Влеченія и упованія демократовъ обратились къ Австріи именно въ то время, когда она была обезсилена возстаніями Венгріи и Италіи; и нельзя сказать, чтобы эти влеченія относились только къ Венгріи и Италіи; нисколько; они привѣтствовали самую Австрію, какъ *мечтательную*, по словамъ г. Риля, *безсильную великую державу Германіи*. Но когда весною 1851 года положеніе шахматной доски германскаго политическаго міра являлось въ самомъ извращенномъ видѣ, Гессенъ-Кассель дѣлался австрійскимъ Баденомъ, батальйоны Южной великой державы стояли на прибрежіи Нѣмецкаго моря, и единство Германіи казалось зараждавшимся въ австрійскомъ проектѣ большаго германскаго таможеннаго союза, тогда сѣверъ и западъ Германіи отвратились отъ Австріи съ такимъ же чувствомъ закоренѣлой ненависти, какъ югъ отъ Пруссіи во время ея плановъ на наслѣдственную прусскую имперію. То и другое движеніе противъ усиленія могущества великихъ германскихъ державъ, противъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ чрезвычайно между собою сходны. И если въ разныхъ планахъ перестроенія карты Германіи, которые навязывали то одной, то другой державѣ, было много смѣшнаго, то въ этомъ явленіи есть и чрезвычайно серіозное значеніе: прирожденная ненависть во всей этой мелко-государственной группѣ ко всякой германской политической силѣ, замышляющей дѣйствовать въ отношеніи къ Германіи какъ преобладающая политическая сила, и также, съ другой стороны, расположеніе вѣрить самымъ произвольнымъ преобразованіямъ въ распре-

дѣленіи германскихъ государствъ, подвергавшимся столькимъ искусственнымъ и произвольнымъ передѣлкамъ.

Съ большими затрудненіями заключенъ былъ въ тридцатыхъ годахъ таможенный союзъ; онъ долгое время былъ непопуляренъ въ Германіи. Несмотря на явныя выгоды, которыя онъ обѣщалъ и принесъ раздробленнымъ коммерческимъ интересамъ малыхъ государствъ, государственный партикуляризмъ средней Германіи видѣлъ въ этомъ союзѣ проявленіе политическаго могущества Пруссіи, и много стоило ему усилій, чтобы примириться съ этою ужасающею мыслію.

«За то, въ чемъ погрѣшили, въ теченіи многихъ лѣтъ, близорукіе государственные люди германскихъ большихъ державъ, говоритъ г. Риль, за это несутъ теперь наказаніе народы, за это терпитъ весь государственный организмъ Германіи. Ожесточеніе противъ меттерниховской системы превратилось въ ожесточеніе противъ Австріи; духъ политическаго партикуляризма и общественнаго уравненія, который желаетъ, чтобы великія германскія державы были либо слабы, либо глубоко ненавидимы, не желаетъ существованія другихъ народныхъ личностей, кромѣ общественно разложенныхъ или отданныхъ на поруганіе толпы,— духъ этотъ привязывается къ подобному смѣшенію понятій. Предразсудки народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, имѣютъ свои особенности. Они часто вдесятеро упорнѣе чѣмъ разумное убѣжденіе. Не только сегодня и завтра, но, можетъ-быть, десятки лѣтъ должны будутъ австрійскіе и прусскіе государственные люди ревностно работать, чтобъ уничтожить въ прочихъ германскихъ народностяхъ это историческое недовѣріе къ обѣимъ великимъ державамъ, недовѣріе, нашедшее себѣ пищу въ этомъ ошибочномъ смѣшеніи цѣлаго ряда злоупотребленій временной государственной власти съ естественною способностію политическаго развитія, даже съ народнымъ геніемъ этихъ странъ.»

Этихъ словъ нашего автора, кажется, достаточно, чтобы изгладить въ читателѣ всякое предубѣжденіе противъ симпатій его къ югу; не политическая система Австріи влечетъ къ себѣ его надежды, но крѣпкія, неистощенныя силы свѣжихъ народностей юга.

Размельченіе государственныхъ областей въ Германіи уже давно даетъ содержаніе цѣлой литературѣ, и серіозной, и шуточной. Въ XVIII столѣтіи было, какъ извѣстно, вдесятеро болѣе государствъ въ Германіи, чѣмъ нынѣ, и между тѣмъ ничтожество и смѣшная сторона этихъ микроскопическихъ госу-

дарствъ несравненно рѣзче выступаютъ впередъ въ наше время, чѣмъ тогда. Но дѣло въ томъ, что эта уродливость тогда не достигала еще такой степени, какъ теперь. Малыя государства были скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ. Тогда не было и мысли о самостоятельности, особенномъ государственномъ призваніи каждой народной группы, попавшей въ тѣ или другія государственныя границы, а теперь мы видимъ это. Мы слышимъ и въ высшихъ и низшихъ общественныхъ сферахъ о Вальдекерцахъ, Саксенъ-Кобургцахъ, Гессенъ-Гомбургцахъ, и проч., но такихъ народовъ и племенъ никогда не существовало. Конечно, есть германскія государства, въ которыхъ одна народность составляетъ зерно нынѣшней массы народонаселенія, такъ: Прусаки, Саксонцы, Баварцы, Ганноверцы, Вюртембергцы и т. д. Но во всѣхъ малыхъ государствахъ вопросъ о народномъ единствѣ заключается въ отношеніяхъ подданства, въ подчиненіи обломковъ нѣсколькихъ крупныхъ народныхъ группъ одному владѣтельному дому.»

Чтобы рѣзче выставить противорѣчіе между размѣрами политическаго устроиства мелкихъ государствъ Германіи и естественными размѣрами страны и народонаселенія, г. Риль беретъ въ примѣръ Нассауское герцогство, микроскопически имъ изученное и могущее служить типомъ мелкихъ государствъ Германіи, особенно *среднегорной*.

«Читая исторію Нассауской земли, невольно замѣчаешь, какая естественная простота управленія была здѣсь именно въ то время, когда нынѣшній его объемъ заключалъ въ себѣ еще нѣсколько меньшихъ владѣній, когда мелко-государственное развитіе достигало самаго высшаго своего цвѣта; мы понимаемъ, что это мелкое государственное хозяйство въ то время дѣйствительно могло имѣть значеніе и даже представлять весьма рѣшительныя преимущества. Я не хочу говорить о томъ времени (хотя оно только на три столѣтія позади насъ), когда владѣтельные князья переѣзжали изъ одного бурга въ другой, чтобы своимъ собственнымъ лицомъ исполнять всѣ обязанности такого кочеваго управленія, и во всякомъ случаѣ много тѣмъ сберегали времени и силъ отъ потери на письмоводство, донесенія, всю экспедиторскую и регистратурную механику, а придворный капелланъ исправлялъ должность верховнаго канцлера и писца и совмѣщалъ въ себѣ цѣлое министерство. Я вспоминаю только о государственныхъ учрежденіяхъ XVII и XVIII

столѣтій. Въ то время былъ въ нассаускихъ земляхъ только одинъ судъ при дворѣ, какъ верховная коллегія для юстиціи, одна палата для высшаго управленія и одинъ церковный совѣтъ для завѣдыванія всѣми духовными дѣлами. Только въ теченіе XVIII столѣтія прибавлена была къ этому еще одна центральная коллегія для государственной администраціи. При этомъ личный составъ въ высшихъ чиновныхъ должностяхъ былъ самый ограниченный, то есть, онъ заключался въ одномъ лицѣ. При такой системѣ управленія, разумѣется, бо́льшая часть дѣлъ зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія одного; все шло патріархально-абсолютистскимъ порядкомъ. Князь требовалъ отъ своего народа только вѣрно-подданническихъ отношеній. Нассаускій дворъ имѣлъ характеръ хозяйства богатаго частнаго человѣка, и между гражданиномъ и княземъ было самое довѣрчивое обращеніе, о которомъ еще вспоминаютъ съ удовольствіемъ нѣкоторые коренные Нассаусцы, и которое весьма пригодно для маленькаго государства, гдѣ всѣ жители другъ друга знаютъ лучше нежели четвертая часть жителей въ большомъ городѣ. Представительнаго правленія не было въ нассаускихъ земляхъ никакихъ слѣдовъ съ первобытныхъ временъ и до 1817 г. Только въ Рейнгау, старый ландтагъ, собиравшійся на островѣ на Рейнѣ, удержался даже въ XVI столѣтіи. Но, кажется, и этому обезпеченію противъ своеволія князей не придавали важности, ибо княжеская власть и безъ того была лучше, нежели гдѣ-нибудь, сдерживаема многочисленными поземельными владѣльцами. И это было естественнымъ послѣдствіемъ стараго мелко-государственнаго порядка, ибо фактическое содержаніе власти мелкаго владѣтельнаго князя не много превышало права большаго помѣщика. Но когда послѣ наполеоновской эры стали устроивать малыя государства точно такъ же какъ первостепенныя державы, то безъ всякаго сомнѣнія и въ нихъ должна быть создана представительная система. Между тѣмъ не во всѣхъ малыхъ государствахъ Германіи имѣются всѣ *общественные* элементы, необходимые для представительства. Во всѣхъ этихъ маленькихъ землицахъ недостаетъ независимой землевладѣльческой аристократіи, или она ограничивается двумя или тремя лицами. Изъ средняго сословія здѣсь встрѣчаются только мелкіе мѣщане, за недостаткомъ большихъ городовъ, а наши республиканскія малыя государства, вольные города, не имѣютъ сельскаго населенія. Народная группа, которая заключаетъ

въ себѣ только отживки гражданскаго общества, способна къ представительству лишь отдѣльныхъ интересовъ, а не *къ представительству народному*. Ибо народъ долженъ обнимать собою все общество.

«Но ни въ чемъ не выказывается такъ рѣзко слабая сторона мелкихъ государствъ, какъ въ институтѣ палаты депутатовъ, которая существенно разсчитана на болѣе обширную группу земель. Нассауское герцогство имѣло по послѣднему закону о выборахъ сорокъ одного представителя на ландтагѣ. Если-бы во Франціи народные представители считались въ той же пропорціи, то она должна бы посылать въ свой парламентъ до двухъ тысячъ человѣкъ! Изъ этого оказывается, что расходы на народное представительство возрастаютъ въ обратной прогрессіи съ величиною государства. Нассауская народная камера употребила въ 1848 г. на однѣ издержки печатанія своихъ протоколовъ 12,000 гульденовъ (до 6 т. р. с), въ то время какъ весь итогъ государственныхъ доходовъ составляетъ только нѣсколько милліоновъ гульденовъ (въ томъ числѣ откупная сумму за азартныя игры занимаетъ главное мѣсто!) Къ тому же число 41 депутата, собственно еще слишкомъ мало, хотя въ такой маленькой странѣ и не можетъ быть истиннаго общественнаго и народнаго представительства. Для того, чтобъ опредѣлить истинную мѣру народнаго преставительства, не достаточно брать въ соображеніе пропорцію числа представителей, съ числомъ избирателей, а вообще необходимо, чтобы народное собраніе было довольно обширно, иначе оно не будетъ имѣть характера народнаго представительства. Но какъ при случайностяхъ выборовъ на десять свищей можно по большой мѣрѣ лишь полагать одинъ орѣхъ съ зерномъ, и только при большемъ числѣ избранныхъ случайности отдѣльныхъ выборовъ между собою уравниваются, то сорокъ человѣкъ точно также недостаточны, чтобы заключить въ себѣ полное представительство четырехъ сотъ тысячъ головъ, какъ пять или шесть сотъ человѣкъ совершенно достаточны для сорока милліоновъ. Это неудобство народнаго представительства въ малыхъ государствахъ было уже почувствовано, и когда въ 1848 г. раздались голоса, требовавшіе, чтобы дѣло германскаго единства началось съ медіатизаціи отдѣльныхъ камеръ въ малыхъ государствахъ, то эти голоса нашли себѣ громкое эхо въ самыхъ малыхъ государствахъ, и не у однихъ реакціонеровъ и абсолютистовъ. Конечно, эта медіатизація камеръ повела бы къ медіатизаціи министерствъ и т. д.

«Маленькія германскія земли создали для себя учрежденія, которыя, по всей своей сущности, разсчитаны на большія государства. Наши малыя государства похожи на батальйонъ солдатъ, которому данъ генеральный штабъ, устроенный для цѣлаго корпуса. До тѣхъ поръ пока управленіе и устройство германскихъ землицъ органически выростало изъ ихъ историческихъ отношеній, какъ это было до 1816 г., понятіе о мелкихъ государствахъ (Kleinstaaterei) было совершенно неизвѣстно; оно возникло лишь въ то время, когда вздумали дать государствамъ съ нѣсколькими стами тысячъ жителей самую вѣрную копію формъ государственнаго устройства и управленія, предназначенныхъ и весьма полезныхъ для Англіи, Франціи, Россіи. Ибо самое маленькое государство не есть собственно *мелкое государство* (Kleinstaat), пока издержки управленія находятся въ правильной пропорціи къ управляемымъ, предоставленныя государству политическія права къ его политическимъ услугамъ. Даже большое государство можетъ низойдти на степень мелкаго государства, если оно имѣетъ притязаніе быть чѣмъ либо болѣе, нежели оно есть въ дѣйствительности.

«Государственныя учрежденія Нассаускихъ земель 1814 года, и именно введеніе центральныхъ мѣстъ управленія, считались въ двадцатыхъ годахъ образцовыми. Они дѣйствительно образцовыя, но въ смыслѣ мертваго моделя, который былъ созданъ на основаніи отвлеченныхъ афоризмовъ, въ противоположность живому организму. Можно бы подумать, что въ то время, какъ придворный капелланъ представлялъ въ своемъ лицѣ все нассауское министерство, управленіе было болѣе централизировано, чѣмъ въ послѣдствіи, когда оно перешло въ распоряженіе цѣлой системы высшихъ и подчиненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Между тѣмъ было совершенно наоборотъ. Не было ни одного германскаго государственнаго устройства, которое бы въ такой степени, какъ нассауское, послѣдовательно провело по всѣмъ частямъ начало централизаціи, которое бы до такой степени отдало въ руки высшей центральной власти всякое свободное движеніе разнообразныхъ политическихъ и общественныхъ силъ. Извѣстна юмористическая жалоба незабвеннаго Штейна, въ письмахъ его къ Гагерну, что даже быковъ наплемя не можетъ закупать для себя отдѣльная община, по собственному своему соображенію, что даже и это становилось государственнымъ дѣломъ, ибо правительство закупало племенныхъ быковъ

для всего государства. И тотъ же порядокъ, который дѣйствовалъ относительно быковъ, былъ и въ церковномъ управленіи, школахъ, торговлѣ, ремеслахъ и земледѣліи, устройствѣ общинъ, врачебной части, лѣсоводствѣ; все было подъ заботливою опекою правительства, почти всѣ технические вопросы разрѣшали юристы, всѣ силы министерской дѣятельности заключались въ канцеляріяхъ.

«Централизація дошла до такихъ крайностей, что боялись допускать въ государственную службу ученыхъ финансистовъ и камералистовъ, ибо признавалось однимъ изъ основныхъ началъ государственной мудрости, чтобъ и экономическіе вопросы непремѣнно проходили путемъ канцелярій и черезъ руки юристовъ. Полагали, что черезъ вторженіе *техниковъ* будутъ окончательно разстроены однообразіе и дисциплина канцелярій, которыя были дѣйствительно доведены въ большей части малыхъ государствъ до образцоваго единства. Напримѣръ, случалось въ Нассаускомъ государствѣ, что чиновникъ забывалъ въ своемъ донесеніи провести черту, соединяющую текстъ съ подписью, и ему строго наказывалось беречься впредь подобныхъ упущеній. Однажды одинъ чиновникъ представилъ начальству тетрадь, наполненную однѣми подобными черточками, съ покорнѣйшею просьбою выбрать одну изъ нихъ, въ случаѣ, если онъ когда-нибудь забудетъ провести черту; чиновникъ-юмористъ былъ подвергнутъ денежному штрафу.

«Пруссія въ то время преслѣдовала ту же цѣль бюрократической централизаціи, и даже въ малыхъ государствахъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи либеральнѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Но Пруссія въ эту эпоху полнаго цвѣтенія бюрократіи, совершала великій историческій подвигъ,—она очищала поле, она помогала разрушенію послѣднихъ развалинъ вымиравшаго средневѣковаго общества, она вносила строгій порядокъ въ государственное управленіе, она приготовляла новые пути для будущности общегерманской административной жизни, она руководствовала *общественною централизаціею* всего германскаго сѣвера Напротивъ того, въ Нассаускои странѣ все могущество новаго бюрократическаго наряда не въ состояніи было сломить даже обособленіе отдѣльныхъ маленькихъ земель и слить ихъ въ маленькомъ обособленномъ государствѣ.

«Нассаускія земли были тогда, въ продолженіи двухъ двадцатипятилѣтій, такъ часто разстраиваемы въ своемъ территоріяльномъ составѣ, что въ самомъ дѣлѣ необходима была хорошая па-

мять и обширныя историческія и статистическія свѣдѣнія, чтобы въ точности опредѣлить, какія земли, въ теченіи одной человѣческой жизни, были и сдѣлались нассаускими. Когда, въ 1816 году, герцогство было округлено до настоящаго своего положенія, въ его составъ не только вошли чуждыя части, но даже старыя нассаускія земли, сросшіяся съ нимъ въ продолженіе столѣтій, были отъ него отрѣзаны. Поэтому невозможно написать нассаускую исторію, которая бы въ то же время была исторіею Нассаускаго герцогства. Вообще можетъ быть скорѣе исторія нассау-дитцская, нассау-вейзбургская, нассау-узингская, и т. д., чѣмъ нассауская; съ другой стороны судьбы Кирхгеймъ-Боланскаго владѣнія и друг. въ баварскомъ Пфальцѣ гораздо важнѣе для исторіи Нассаускаго герцогства, чѣмъ Рейнгау. Значительную часть своей исторіи должны отыскивать Нассаусцы въ Нидерландахъ, частицу въ южной Франціи, и такимъ образомъ обширный томъ ихъ историческихъ воспоминаній лежитъ in partibus infidelium. Какимъ же образомъ хотятъ послѣ этого говорить о нассауской народности! И ее пришлось бы возсоздавать перомъ и чернилами, такъ же точно какъ изъ дипломатически сшитопаннаго Нассаускаго государства хотѣли, посредствомъ крайней централизаціи, соткать кусокъ цѣльной матеріи. На этомъ пути, дѣйствительно, сгладили многія особенности народной жизни, но желаннаго высшаго цѣлаго не достигли.

«Почти столько же вотчинныхъ владѣній вошли въ герцогство, сколько оно считаетъ у себя отдѣльныхъ округовъ. Оно раздѣляется на католическую и протестантскую половину, и въ строго-протестантскихъ мѣстностяхъ воспоминаніе о старомъ патріархальномъ княжескомъ управленіи такъ же живо, какъ въ строго-католическихъ воспоминаніе о церковномъ господствѣ Куръ-Майнца и Куръ-Трира. Между ними простираются опять меньшія полосы, въ которыхъ, въ XVI и XVII столѣтіи, вѣроисповѣданіе мѣнялось вмѣстѣ съ поколѣніями, вслѣдствіе того начала, что съ господствомъ того или другаго дома, господствуетъ и его религія. Еслибы кто-нибудь захотѣлъ нарисовать карту вѣроисповѣданій этихъ 82 квад миль, то она вышла бы также пестра, какъ геогностическая карта этой страны, не имѣющая ничего подобнаго себѣ по разорванности своихъ формацій на такомъ маломъ пространствѣ.

«Точно также пестро и состояніе общества, а между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы здѣсь находились представители

всѣхъ необходимыхъ и естественныхъ элементовъ гражданскаго общества.

«Бѣдное, но не нуждающееся крестьянское племя, живущее по преданію предковъ, кучами разбросанныхъ дворовъ, а не замкнутыми селеніями, обитаетъ на высокомъ Вестервальдѣ; въ долинѣ Майна и верхняго Лана — аристократическое крестьянство, гордое свое замкнутою собственностію; на восточномъ склонѣ Таунуса, — крестьянскій пролетаріатъ, напоминающій, своимъ страшно-печальнымъ положеніемъ, Ирландію и Силезію; здѣсь скудная почва не можетъ прокормить малочисленное народонаселеніе, неудачныя промышленныя спекуляціи ввергли въ нищенство цѣлыя общины, и въ убогихъ хижинахъ часто кучи листьевъ служатъ вмѣсто постелей; городскаго пролетаріата въ старыя времена почти совсѣмъ здѣсь не было, но нассауское правительство, въ какомъ-то баснословномъ ослѣпленіи, насадило его въ столицѣ, открывъ свободное въ ней пристанище для всѣхъ обѣднѣвшихъ жителей дворянскихъ владѣній, и полагая произвести, посредствомъ неимущей толпы народа, великіи народно-хозяйственный фокусъ. Рейнгау представляетъ намъ третью категорію пролетаріата, винодѣльцевъ, которые должны спекулировать на счастливый жребій винной торговли, и одинъ годъ наслаждаться роскошью для того, чтобы шесть лѣтъ голодать. Къ этому присоединяется, во внутренности страны, полудостаточное, полунуждающееся крестьянство, еще колеблющееся между старыми преданіями крестьянскаго майората и новѣйшимъ раздробленіемъ собственности. Безчисленные маленькіе города, большею частію, наполнены народонаселеніемъ, которое занимается земледѣліемъ и въ то же время ремеслами, и оттого не достигаетъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ ни въ одномъ изъ этихъ занятій. Минеральныя воды окружены, лѣтомъ, обманчивымъ блескомъ столичной жизни; хотя это такіе же провинціяльные городки, какъ и прочія поселенія. Нѣсколько мѣстечекъ имѣютъ даже такой видъ, какъ будто въ нихъ находятся средоточія торговли, между тѣмъ какъ они также мало имѣютъ значенія, при конкурренціи сосѣднихъ большихъ городовъ и бѣдности путей сообщенія во внутренности страны, какъ и промышленность крестьянъ-ремесленниковъ. Такимъ образомъ здѣсь можно найдти всего понемножку, обращики всѣхъ элементовъ большаго государства, и ни одного въ достаточномъ количествѣ.

«Мы находимъ здѣсь то смѣшеніе и тѣ размѣры обществен-

ныхъ стихіи, которые обусловливаются разложеніемъ общества въ средней Германіи; вслѣдствіе безсилія и раздробленія естественныхъ сословій, выступаютъ здѣсь *поддѣльныя* сословія: именно замкнутое, какъ каста, чиновничество, вмѣсто самостоятельнаго, независимаго мѣщанства, и немощное придворное и титулованное дворянство, вмѣсто землевладѣльческой аристократіи на первомъ планѣ.

«Между тридцатью городками Нассаускаго герцогства почти половина была въ прежнее время резиденціями князей и графовъ; эти воспоминанія, еще не совсѣмъ потухшія, были поводомъ къ безконечной зависти и горечи между жителями. Чѣмъ болѣе централизація стремилась сдѣлать Висбаденъ средоточіемъ страны, тѣмъ болѣе усиливалось раздраженіе противъ этого города, который конечно имѣлъ весьма мало историческихъ правъ передъ многими другими старинными резиденціями. И съ революціей разразилась эта зависть, долго тлѣвшая подъ пепломъ.»

«Если мы взглянемъ на умственную жизнь, то здѣсь разъединеніе еще поразительнѣе. Въ старое время былъ университетъ въ Герборнѣ, гдѣ была одна изъ старѣйшихъ и значительнѣйшихъ типографій. Герборнъ заключалъ въ себѣ прочную ученость и былъ важенъ для страны. Его университетъ пришелъ въ упадокъ, когда Нассауская земля хотя и увеличивалась на квадратныя мили, но потеряла всякое политическое значеніе. Ибо въ томъ-то именно и заключается самая удивительная особенность нашихъ мелкихъ государствъ, что хотя бы территоріяльный объемъ ихъ оставался тотъ же самый, они съ каждымъ годомъ дѣлаются меньше, ибо вокругъ нихъ весь міръ дѣлается больше, и взоръ человѣка тою же мѣрою измѣряетъ теперь область цѣлой страны, какъ прежде границы города...

«Искусство, какъ и высшая наука, являются въ мелкомъ конституціонномъ государствѣ какъ излишество, какъ роскошь, на которую ни государство ни владѣтельный князь не имѣютъ достаточно денегъ... Во всѣхъ такихъ маленькихъ государствахъ не достаетъ большихъ сборныхъ пунктовъ для научныхъ и художественныхъ стремленій, и какъ ремесло омужичилось, и крестьяне изнываютъ въ мелкой работѣ для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни, точно также и умственная работа низошла на степень мелочнаго торга. Для ученаго человѣка не открывается здѣсь никакой другой будущности, какъ

потреблять свои талантъ и знаніе на домашній обиходъ узкой канцелярской дѣятельности; поэтому понятно, что влеченія науки не могутъ получить широкаго взмаха, какъ и спекуляція въ промышленномъ кругу. Когда революціонное движеніе нѣкоторымъ образомъ сломило эти преграды, и тамъ и сямъ поставило цѣли для высшихъ побужденій, тогда только съ ужасомъ увидали, какой въ этихъ странахъ недостатокъ въ замѣчательныхъ умахъ; на провинціяльныхъ и государственныхъ выборахъ, самые ничтожные люди получали перевѣсъ, ибо вокругъ нихъ не было соперниковъ. Съ особеннымъ прискорбіемъ замѣтили тогда, какъ мало умственныхъ силъ выступило на сцену со стороны настоящаго мѣщанства, и это обстоятельство способствовало преобладанію чиновничьяго пролетаріата.

«Для осуществленія идей современной политической жизни, люди стоятъ въ мелкихъ государствахъ слишкомъ близко одинъ къ другому; всѣ они смотрятъ другъ на друга съ извѣстной точки зрѣнія того каммердинера, который никакъ не хотѣлъ признавать величія своего господина. Въ старомъ патріархальномъ государствѣ эта близость отношеній имѣла выгодную сторону, ибо и безъ того вся землица имѣла характеръ большаго семейства. При всеобщемъ конституціонномъ направленіи, старались образовать и въ малыхъ государствахъ замкнутыя политическія партіи, но даже въ самые горячіе дни эти попытки оставались всегда неудачными. Ибо необходимое условіе политической партіи выборъ вождя, а въ маломъ государствѣ, какъ въ какомъ-нибудь городишкѣ, никто не хочетъ признавать превосходства въ другомъ. Если и удавалось какой-нибудь партіи собрать въ одномъ городѣ свои силы въ кругу какого-нибудь общества, то обыкновенно никакъ не могли собрать подобныя же общества въ остальныхъ городахъ, для связи съ первымъ. такъ велика была взаимная зависть.

«Чрезъ это самое дѣятельность парламентовъ въ малыхъ государствахъ была гораздо болѣе затруднена, чѣмъ въ большихъ. Несравненно легче сгруппировать прусскіе интересы, чѣмъ вальдекскіе и гессенъ-гомбургскіе.

«Мнѣнія въ этихъ маленькихъ парламентахъ такъ бываютъ раздроблены, что никогда не могло образоваться въ нихъ настоящее большинство. Важнѣйшіе вопросы достигали какого-нибудь окончательнаго разрѣшенія лишь тогда, когда тотъ или другой членъ былъ боленъ, или въ отсутствіи, или даже вышелъ изъ залы. Такъ одинъ голосъ давалъ обыкновенно перевѣсъ рѣше-

нію. У каждаго члена карманъ былъ наполненъ разными спеціяльными вопросами и мѣстными дѣлами его округа, и обыкновенно парламентъ занимался преимущественно взаимною мѣною уступокъ по этихъ дѣламъ. Государственные вопросы вязли въ этой тинѣ мѣстныхъ притязаній.

«Предавая забвенію всѣ мѣстныя особенности, думали, что такимъ образомъ всего легче слить воедино всѣ противоборствующіе элементы въ искусственно-составленныхъ малыхъ государствахъ. Но не таковъ путь *общественной* политики. Слѣдовало напротивъ того дать развиться до извѣстной степени особенностямъ каждой мѣстности. Общинное управленіе было самымъ строгимъ образомъ централизировано, тогда какъ именно въ немъ находятъ для себя самое большее оправданіе мѣстныя различія; и между тѣмъ, несмотря на эту централизацію, никакъ не могли сдѣлать, чтобы кронталеры и прусскіе талеры имѣли одинъ и тотъ же курсъ по обѣ стороны Лана.

«Единицы вѣса и мѣры измѣнялись съ каждымъ городомъ, и не было ни одной общеупотребительной для всей страны, несмотря на самыя сложныя полицейскія пружины централизаціи. Введенъ общій календарь для всего государства, и до сего дня, послѣ новаго года, постоянно производится полиціею свидѣтельствованіе въ каждомъ домѣ, для удостовѣренія имѣется ли въ немъ календарь. Такая противоположность правительственныхъ распоряженій съ дѣйствительностію преисполнена истиннаго комизма... Несмотря на всѣ усилія бюрократической централизаціи установить единство мѣръ и вѣсовъ, оно сдѣлалось возможнымъ только въ самое новѣйшее время (и разумѣется благодаря не централизаціи!). Бюрократія даже любитъ узаконять подобное (по ея соображеніямъ красивое) разнообразіе и собственно преслѣдуетъ только естественныя и необходимыя въ народной жизни особенности и различія. Было время, когда въ Германіи считалось за демагогическій духъ говорить о необходимости единства въ монетной и таможенной системѣ.»

Представивъ такой обращикъ мелкаго среднегерманскаго государства, искусственно составленнаго по кабинетнымъ соображеніямъ дипломатіи и управляемаго на основаніи отвлеченныхъ государственныхъ теорій,—г. Риль говоритъ въ заключеніе: «Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, доказывающихъ несообразность великогосударственныхъ формъ правленія съ мелкогосударственными условіями быта, можно вывести двоякое заключеніе. Новѣйшія

формы государственнаго устройства, разсчитанныя, по самой своей сущности, на большой государственный организмъ, могутъ лишь по буквѣ, а никакъ не по духу, прилагаться къ мелкимъ государствамъ, и въ странахъ такого малаго объема только патріархальная форма правленія можетъ быть истинною. Если же принять въ соображеніе, что патріархальная форма правленія есть совершенная невозможность для нашего времени, то не должно останавливаться и передъ дальнѣйшимъ выводомъ, именно тѣмъ, что *и малыя государства сдѣлались совершенною невозможностію.*»

Таковъ окончательный результатъ наблюденій нашего автора относительно мелкогосударственной Германіи; этотъ выводъ не покажется слишкомъ смѣлымъ, если мы не забудемъ, что г. Риль говоритъ о микроскопическихъ государствахъ средней Германіи, съ которыми, конечно, связано немного политическихъ надеждъ, и если мы именно будемъ разумѣть подъ мелкими государствами такіе политическіе организмы, какъ онъ опредѣляетъ ихъ, никакъ не распространяя этого названія на такія государства, какъ Бельгія, Сардинія и друг., заключающія въ себѣ самостоятельныя общества.

Чтобы дополнить характеристику мелкихъ государствъ, г. Риль указываетъ на государство той же группы, но иной физіономіи. Это Гессенъ-Кассельское курфиршество, претерпѣвшее столько потрясеній въ послѣднее время. Въ самомъ началѣ образованія гессенскихъ земель, онѣ представляли матеріялъ для государства бо́льшихъ размѣровъ; исторія знаетъ о дѣйствительномъ, а не вымышленномъ существованіи особаго гессенскаго племени. Но эта страна, вслѣдствіе стеченія особыхъ историческихъ обстоятельствъ, въ изложеніе которыхъ мы не будемъ входить,—остановилась на переходной ступени отъ малаго государства къ большому. Чрезъ раздѣленіе на Кургессенъ и Гессенъ-Дармштадтъ постепенно образовалось то раздвоеніе Гессенской страны, которое до сихъ поръ обусловливаетъ собою ея политическую жизнь. Дармштадтъ есть государство новаго времени не только хронологически, но и по своему устройству и управленію, издавна здѣсь водворившимся. Кургессенъ былъ постоянно подъ патріархальнымъ образомъ правленія; мы это знаемъ даже изъ характера весьма недавнихъ событій. Между тѣмъ Старо-Гессенцы (на верхнемъ Ланѣ и другихъ мѣстахъ) составляютъ зерно весьма крѣпкой и здоровой народности; они, по многимъ закоренѣлымъ особенностямъ и твердости своего кресть-

янскаго быта, тѣсно связаны съ сѣверо-германскими племенами, и какъ будто противъ воли, въ силу однихъ политическихъ событій, были втянуты въ среднегерманскую государственную жизнь. Какъ вся гессенская земля, въ теченіе вѣковъ, колебалась между распаденіемъ въ мелкогосударственныя формы и вырожденіемъ изъ себя большаго государства, такъ и это старогессенское племя составляетъ переходное звено между массивными сѣверными и разложившимися среднегерманскими народностями. Въ продолженіе весьма тяжкихъ кризисовъ, поразившихъ Гессенское курфиршество въ новѣйшее время, можно было убѣдиться, что здѣсь государственный нарядъ могущественнѣе чѣмъ въ малыхъ государствахъ и немощнѣе чѣмъ въ большихъ, и потому-то преимущественно эта страна была предметомъ борьбы непріязненныхъ силъ мелкогосударственной германской политики. Это положеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ самому характеру народа, занимающему середину между обдуманною энергіею сѣверныхъ Германцевъ и легко воспламеняемымъ, студенческимъ энтузіазмомъ юго-западныхъ либеральныхъ народныхъ массъ. Не только самая сущность политической борьбы, возникшей въ Гессенъ-Кассель, была удобопонятна для народа, но и ея форма, именно форма тяжбы. Въ политической сферѣ тяжба — явленіе новое для Германіи, но въ гражданской жизни она совершенно сроднилась съ народнымъ духомъ. Формы судебной процедуры коротко знакомы самому простому человѣку германскаго народа, и потому уже самое внѣшнее проявленіе политической борьбы въ Гессенъ-Кассель между законодательною и исполнительною властями было близко инстинктамъ массъ, которыя еще плохо понимаютъ въ Германіи значеніе парламентскихъ преній и дипломатическихъ депешъ. Еще Тацитомъ замѣченная страсть Германца къ азартной игрѣ обратилась у него въ привязанность къ иску и судебному разбирательству. Потому политическій споръ, перенесенный въ Гессенъ-Кассель на судебную почву, затронулъ народное воображеніе и сдѣлался такъ *популярнымъ*, какъ рѣдко бываетъ какой-либо политическій споръ въ мелкихъ государствахъ. Назначеніе гессенскихъ земель, по самой природѣ германской этнографіи, заключается въ примиреніи на западѣ крайностей сѣверныхъ народностей съ срединными; то же самое назначеніе имѣютъ саксонскія земли на востокѣ. Раздробленіе тѣхъ и другихъ въ этомъ отношеніи весьма печально.»

Сочиненіе свое *о странѣ и людяхъ* въ Германіи, г. Риль заключаетъ *церковными отношеніями* разныхъ мѣстностей и народностей Германіи. Краткимъ обзоромъ этой части окончимъ и мы нашу статью.

Въ теченіе всего періода мира, религіозный раціонализмъ глубоко проникъ во всѣ изгибы жизни германскаго народа. Движеніе 1848 г. внезапно внесло опять струю мистицизма въ Германію, струю политическихъ и религіозныхъ суевѣрій. Въ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлая особенная литература того времени, которая находила жадныхъ читателей не только въ низшихъ, но и въ образованныхъ классахъ, и которая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возбудила бы въ Германіи только смѣхъ. Это увлеченіе мистическими преданіями и пророчествами повело къ сближенію съ церковью, которая внезапно воскресаетъ съ 1848 г. въ умахъ и жизни германскаго народа. Церковные интересы получаютъ силу, какой давно не имѣли. Католицизмъ и протестантизмъ вступаютъ снова въ борьбу, съ жаромъ, напоминающими давно-забытыя времена. Г. Риль справедливо указываетъ на необходимость не ограничиваться въ изслѣдованіяхъ простонародной поэзіи и суевѣрій историческою ихъ стороною, не видѣть въ нихъ только памятники прошедшаго въ жизни народа, но изучать въ нихъ элементы живые, присущіе до сихъ поръ народу, но только изрѣдка, въ минуты всеобщихъ возбужденій и потрясеній, пробивающіеся наружу. Въ эпоху революціонныхъ движеній народъ въ Германіи захотѣлъ, какъ онъ говоритъ, *освободиться* отъ узкихъ формъ раціонализма, наложенныхъ на него школьными его учителями. Подлѣ труженической работы мысли, въ немъ еще не изсякъ источникъ тонкой мистической поэзіи, которая проходитъ по всѣмъ фазамъ его исторіи. И до сихъ поръ развитіе исторіи ему знакомо только какъ связь предзнаменованій природы съ событіями его жизни. Послѣ землятрясенія 1846 г. для него весьма понятенъ переходъ къ неурожаю слѣдующаго года и потомъ къ революціи, къ продолжительному періоду браней и войны, за которыми онъ ожидаетъ послѣднюю великую битву и за нею золотой вѣкъ для себя. Эта великая, всемірная битва и съ нею водвореніе мира и золотаго вѣка общи всѣмъ народнымъ легендамъ, самымъ древнимъ; въ новѣйшихъ представленіяхъ народной фантазіи всемірная битва монарховъ переродилась въ битву народовъ, въ побѣду новаго порядка надъ всѣми его врагами, которую народъ ожидаетъ и старается

предугадывать въ изреченіяхъ Апокалипсиса. Мы не разъ замѣчали это и у насъ; въ то время, какъ литература образованнаго класса предвозвѣщаетъ великія общественныя событія внезапно оживляющеюся журнальною полемикою по нѣкоторымъ вопросамъ, народъ вкладываетъ, какъ умѣетъ, новое содержаніе ожидающагося переворота, новое содержаніе его потребностей въ старыя формы своимъ сказаніемъ и создаетъ самыя чудовищныя смѣшенія современныхъ именъ съ давно погасшими, новыхъ чисто экономическихъ понятій съ вѣковыми преданіями о золотомъ вѣкѣ и днѣ страшнаго суда. Мы сами слышали подобные разказы, краснорѣчиво свидѣтельствующіе о настроеніи воображенія въ народѣ. Любопытно было бы собраніе и изданіе всѣхъ этихъ произведеній народной мысли; мы нашли бы въ нихъ много поучительнаго, относительно предметовъ нашихъ споровъ, какъ понимаетъ народъ право на благотвореніе, это микроскопическое проявленіе права на работу на русской почвѣ, общинное пользованіе землею и т д.

Изъ движенія 1848 года всего болѣе, можетъ быть, пріобрѣла церковь; ни одна сила не возросла въ окончательномъ результатѣ столько, какъ она. Усиленіе церковныхъ интересовъ не такъ замѣтно въ строго протестантскихъ и строго католическихъ странахъ сѣвера и юга, гдѣ они никогда не упадали, и въ эту эпоху только выступили болѣе наружу, но особенно замѣтно въ среднегерманскихъ земляхъ, въ полосѣ церковнаго индифферентизма. Здѣсь являются подвиги паломничества, давно здѣсь невиданныя религіозныя процессіи, хотя бы и связанныя съ революціонными событіями. Вниманіе къ дѣламъ церкви пробуждается въ народѣ вмѣстѣ съ пробужденіемъ его духа. Церковь была всегда слаба въ тѣ эпохи, когда она отрывалась въ своихъ заботахъ отъ помысловъ народа. Эпохи, самыя богатыя богословскими спорами, были эпохами изнеможенія церкви. Она дѣлается могущественною, когда вступаетъ въ соприкосновеніе съ народною жизнію, съ его практическими потребностями.

Стремленія къ независимости вѣроисповѣданій отъ всякаго церковнаго союза, постепенно усиливавшіяся и распространявшіяся въ Германіи съ начала XIX столѣтія, достигли, къ эпохѣ революціоннаго взрыва, самаго крайняго своего развитія. Въ первые дни революціоннаго движенія эти стремленія смѣшались со всѣми другими, при всеобщемъ разгарѣ и раздраженіи умовъ.

Передовые противники церковныхъ союзовъ покинули поле религіозныхъ вопросовъ, и перешли къ политическимъ, сосредоточившимъ на себѣ всѣ силы того времени. Но во всеобщемъ смѣшеніи партій, смѣло выступила впередъ католическая партія, съ точно-опредѣленными положеніями и цѣлями и въ крѣпкозамкнутыхъ массахъ. Католицизмъ вдругъ выросъ изъ земли, даже въ тѣхъ странахъ средней Германіи, гдѣ давно привыкли считать его погребеннымъ на вѣки. Вездѣ возникали католическія товарищества, которыя искусно пользовались всѣми обстоятельствами времени и вмѣшивались въ разрѣшеніе всѣхъ политическихъ вопросовъ. Во многихъ мѣстахъ такія общества взяли даже для себя титулъ «за свободу вѣроисповѣданія» и громко призывали къ себѣ во имя этого начала всѣхъ заблудшихъ сыновъ протестантизма и сознавшихся въ его лжи служителей церкви. «Замѣчательно, говоритъ г. Риль, какъ ясно католическое духовенство въ ту эпоху всеобщаго смѣшенія понятій, поняло смыелъ религіозной свободы и тотчасъ увидало, что для успѣховъ церкви, всего благопріятнѣе освобожденіе ея отъ опаснаго союза съ полиціей и жандармами.

«Распространеніе католическихъ обществъ въ Германіи достигало баснословныхъ размѣровъ. Такое явленіе не можетъ быть вызвано въ обществѣ *внѣшними* мѣрами. Эти общества, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли корень *въ народѣ*. Крѣпость ихъ союза, ихъ дисциплина могутъ сравниться только съ организаціею радикальныхъ обществъ. Подлѣ этихъ исполненныхъ горячей крови крайностей, собранія умѣренныхъ партій похожи были на арлекинады.

«Я имѣлъ случай присутствовать, въ самые бурные дни, на одномъ провинціяльномъ собраніи нѣсколькихъ религіозныхъ обществъ: это собраніе было въ странѣ, глубоко изрытой историческими переворотами и крайне непріязненной къ церкви. Впечатлѣнія, вынесенныя мною, были совершенно романтическія. Не допуская къ себѣ слишкомъ большой публики, члены позаботились собраться въ такой залѣ, которой окна не могли бы быть выбиты съ улицы. Вмѣсто обычнаго шума всѣхъ тогдашнихъ народныхъ сборищъ, здѣсь царствовала торжественная тишина. Для подобія картины этого собранія съ уединеніемъ пещеръ, въ которыхъ совершались таинственные обряды первыхъ христіянскихъ общинъ, не было недостатка и въ преслѣдованіи язычниковъ, которые здѣсь были представлены уличною толпою,

подозрительн окружавшею домъ. Посреди благоговѣйнаго молчанія было прочитано посланіе папы, признавшаго направленіе соединившихся обществъ. Говорили только опытные ораторы; не всякому желающему доставалась эта честь. Здѣсь услышали мы не одинъ только широковѣщательный, флегматическій голосъ проповѣди, но и тѣ ударенія воспламененной религіознымъ экстазомъ рѣчи, тѣ восторженные звуки, которые будто раздавались изъ устъ странствующаго крестоносца среднихъ вѣковъ, приправлялись выходками народнаго юмора и вызывали отжившія преданія о капуцинахъ. Но самою драматическою минутою было появленіе на каѳедрѣ исторической фигуры гофрата Бусса; онъ совершалъ одну изъ своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ, и былъ приведенъ сюда прямо съ одной сосѣдней станціи, гдѣ онъ едва вырвался изъ толпы ругавшихся надъ нимъ уличныхъ бродягъ. Тугая натура этого замѣчательнаго человѣка, — удивительное смѣшеніе раскаленной страсти и наружной сухости, — производила свое особенное вліяніе. Большею частію отвлеченный въ способѣ своего мышленія, безъ всякаго образнаго выраженія, путающіися въ длинныхъ періодахъ, неясный вслѣдствіе напора идей, неудержимымъ потокомъ тѣснившихся въ его голову, — этотъ народный агитаторъ сдѣлался особенно популяренъ въ своихъ кругахъ, единственно чрезъ обаяніе никогда не охладѣвавшаго рвенія, чрезъ напряженіе всѣхъ усилій духа къ одной высочайшей для него точкѣ, къ одному неувядаемому для него идеалу—величію и красотѣ католической церкви. Можетъ-быть вся наша революціонная эпоха не выставила ни одного болѣе ревностнаго и болѣе исключительнаго характера. Но тугость его натуры олицетворяла тугость всей партіи. Всѣ другія партіи никогда не могли удержаться, чтобы не взглянуть то въ ту, то въ другую сторону; одни ультрамонтаны непреклонно шли къ одной цѣли, и каждая новая политическая мысль, возникавшая въ безконечной борьбѣ умовъ, тотчасъ обращалась въ служительницу мысли объ усиленіи церкви.»

Такъ организовалась мало-по-малу сильная католическая партія въ Германіи, сильная, если не католичествомъ, то внутреннимъ своимъ единствомъ и непреклонностью стремленій... Нашъ авторъ обвиняетъ демократовъ въ ослѣпленіи, что они не поняли съ первой минуты значенія этой партіи въ народной жизни, думали достигнуть своихъ цѣлей помимо ея и не заключили съ нею союза въ то время, какъ она еще стояла совершенно независимою и одинаково непріязненною ко всѣмъ партіямъ.

Потомъ она уже соединялась съ сторонниками протестантскихъ правительствъ. Но едва ли справедливъ этотъ упрекъ. Едва ли возможенъ союзъ сколько-нибудь долговѣчный между такими противоположными силами. Ультракатолицизмъ лишь моментально можетъ поднимать знамя свободы совѣсти, только для того, чтобы подъ прикрытіемъ этого бѣлаго флага политическихъ и общественныхъ движеній входить безпрестанно въ чужія гавани, и водворившись въ нихъ, водружать свое собственное знамя, не терпящее подлѣ себя никакихъ другихъ проявленій человѣческой мысли. Такой-же характеръ ознаменовывалъ и многія дѣянія ультра-демократическихъ стремленій; не такова же ли была стратегія нынѣ распространяющейся во Франціи бонапартистской партіи: и она вступила на поле дѣйствій во имя всепрощенія и свободы!

Поборники протестантскои церкви всѣхъ вѣроисповѣданій дѣйствовали не такъ рѣшительно какъ католики; они гораздо позже сумѣли образовать общества и партіи. Въ то время, какъ протестантскія церковныя учрежденія старались дѣйствовать какъ можно уступчивѣе передъ требованіями времени, католики дѣйствовали наступательно. Протестантизмъ стремился дѣлать пріобрѣтенія, идя юридическимъ и парламентскимъ путемъ; католицизмъ смѣло схватилъ въ свои руки оружіе народнаго возмущенія и всенароднои проповѣди. Долго не рѣшался протестантизмъ вмѣшаться непосредственно въ политическую борьбу. Но въ послѣдствіи, когда борьба уже стихла, онъ организовался также какъ политическая сила, которая сосредоточилась на сѣверѣ въ формахъ церковно-охранительной партіи, стремящейся помазать прусскую державу новымъ елеемъ законнаго раціонализма. Партія эта постепенно усиливалась; нынѣ она собираетъ вокругъ себя всѣ реакціонерные соки германскаго общества и бережно привлекаетъ къ себѣ всѣ элементы, противные требованіямъ и духу времени Намъ уже извѣстны многія воззрѣнія этой партіи изъ весьма не двумысленныхъ статей любимаго ея органа· *Новой Прусской Газеты,* съ такою ненавистью преслѣдующей всякое нѣсколько смѣлое движеніе правительствъ и народовъ. Пробужденіе умственнои жизни въ Россіи не разъ уже удостоивалось строгихъ порицаніи въ этой газетѣ.

Эти два существенно разли нныя, но во многихъ отношеніяхъ къ общественной жизни сходныя, направленія — католицизмъ и церковныи протестантизмъ, достигаютъ крайняго своего выра-

женія, одинъ на югѣ—въ ультрамонтанизмѣ, а другой на сѣверѣ въ такъ-называемомъ неокатолицизмѣ. Эти двѣ вершины двухъ направленій, раздѣляющихъ развитіе народнаго образованія въ Германіи по двумъ различнымъ путямъ, принадлежатъ такъ же двумъ центрамъ — Австріи и Пруссіи, около которыхъ вращается вся нравственная и политическая жизнь Германіи; отъ нихъ расходятся лучи въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, безпрестанно пересѣкаются между собою и переломляются въ средѣ германскаго общества, но никогда не совпадаютъ.

Приверженцы той и другой церкви съ чрезвычайною ревностью обратились въ послѣднее время къ изученію практическихъ общественныхъ вопросовъ, народнаго воспитанія, нищеты рабочаго класса и т. д. Въ этомъ отношеніи іезуиты не отстаютъ отъ миссіонеровъ сѣверо-германскихъ протестанскихъ союзовъ; какъ тѣ, такъ и другіе, возбуждаютъ въ народѣ несравненно-сильнѣйшее чѣмъ когда-либо вниманіе къ своимъ проповѣдямъ, ибо, оставивъ на время богословскія толкованія, они занялись насущными нуждами простаго народа. Но несмотря на то, что церковники того и другаго направленія встрѣтились между собою въ одной и той же дѣятельности, коренное различіе ихъ воззрѣній обнаружилось весьма скоро, и борьба между католиками и протестантами, борьба, глубоко скрывающаяся во всѣхъ началахъ германскаго общества, снова загорѣлась, болѣе ожесточенная чѣмъ когда-либо. Опять обозначилась въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ эта двоиственность умственой жизни, основанная не на однихъ формальныхъ различіяхъ вѣроисповѣданія, но на всѣхъ историческихъ и физіологическихъ особенностяхъ германскаго общества

Великія политическія и общественныя потрясенія всегда влекли за собою пробужденіе религіозныхъ инстинктовъ въ народѣ, и гораздо дѣятельнѣе обращали его къ церкви, чѣмъ школа и проповѣди. Послѣ мартовскаго движенія, образованные классы Германіи замѣтно начали сближаться съ церковными учрежденіями, и совершенно независимыя отношенія къ церковнымъ союзамъ остались болѣе принадлежностью низшихъ слоевъ общества и пролетаріата. «Если влеченіе къ освобожденію отъ всякой церковной зависимости, говоритъ г. Риль, переселяется изъ болѣе образованныхъ круговъ въ менѣе образованные, то это явленіе совершенно естественно. Важные результаты науки обыкновенно проходятъ по всей лѣстницѣ народныхъ массъ въ

такомъ порядкѣ, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ низшая общественная группа принимаетъ умственное наслѣдство высшей по образованію, чтобы приспособить его къ своему пониманію и опошлить.

«Такъ въ IV столѣтіи критическая, разлагающая философія, получила начало отъ передовыхъ мыслителей народа; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ схватили въ свои руки это пріобрѣтеніе люди, сдѣлавшіе изъ ума промыселъ, остряки, пасторы, педагоги; они обобщили ее въ литературѣ, богословіи, воспитаніи. Еще позже этотъ раціонализмъ попалъ къ болѣе образованному среднему сословію и развелъ водою эту матерію, и безъ того уже разведенную,—для того, чтобы сдѣлать изъ нея практическую нравственность своей жизни. Третья степень этого процесса разжиженія произошла чрезъ такъ-называемое германское католичество, обобщившее матерію философіи уже для полуобразованныхъ, и наконецъ мы присутствуемъ теперь при послѣднемъ, четвертомъ актѣ. Ибо то, что теперь понимается необразованными людьми подъ фирмою независимости отъ церкви (Freikirchenthum), есть не что иное какъ пѣна старой скептической и критической философіи, въ своемъ безконечномъ улетучиваніи. Ученый поневолѣ будетъ сердиться, когда будутъ выдавать ему каждую изъ этихъ формъ разжиженія за нѣчто новое: онъ очень хорошо знаетъ, что все это уже было, и вся новость заключается только въ новой фазѣ того же самаго процесса.

«Насупротивъ этого процесса опошленія переданныхъ результатовъ замѣтно теперь во всѣхъ здоровыхъ, своеобразныхъ сокахъ умственной жизни рѣшительное стремленіе оторваться отъ XVII и XVIII столѣтія. Либералы и консерваторы, философы и богословы всѣ подняли знамя освобожденія отъ оковъ эпохи париковъ, еще не совсѣмъ для насъ чуждыхъ. Эта эпоха была не только временемъ политическаго произвола, который всячески хочетъ устранить современный свободно-мыслящій государственный мужъ, временемъ изуродованія природы, противъ котораго борется истинный художникъ,—она была также временемъ самаго печальнаго общественнаго упадка. Теперь спрашивается, гдѣ же оканчивается время париковъ, и гдѣ же начинается новое время наше, нашими убѣжденіями оправданное время? объ этомъ люди ученые думаютъ весьма различно. Либералы признаютъ періодъ просвѣщенія XVIII столѣтія зарею этого благословеннаго новаго времени; напротивъ приверженцы

церкви называютъ этотъ періодъ совершенною мглою. Съ обѣихъ сторонъ здѣсь крайности: нѣтъ ни одного періода во всемірной исторіи, который бы можно было абсолютно осуждать и порицать. За сто лѣтъ до насъ образованная Европа готова была давать всѣмъ духовнымъ потребностямъ человѣка свѣтское значеніе; въ новѣйшей литературѣ весьма могущественная группа людей старается дать дѣламъ свѣтскимъ духовное значеніе. Искусство, наука, общественныя и государственныя учрежденія обсуждается съ точки зрѣнія церкви. Но можно признавать значеніе церкви для общей жизни народовъ и въ то же время слѣдовать существенному требованію нашего вѣка, исходящему изъ всѣхъ условій современнаго общества, требованію, чтобы свѣтское рѣшалось свѣтскимъ, а духовное духовнымъ путемъ, и чтобы государство и общество оставались областью государственнаго мужа, искусство областью художника, а церковь распоряжалась бы въ своемъ собственномъ домѣ. Всѣ эти силы должны совокупно дѣйствовать къ возсозданію общественной жизни, каждая въ своемъ кругу, и каждая съ своими собственными правами на жизнь.»

Настоящею статьею заканчиваемъ мы рядъ нашихъ очерковъ изъ *Естественной Исторіи Народа*, г. Риля; въ послѣдствіи могутъ быть сообщены читателямъ главнѣйшіе результаты остальныхъ частей этого сочиненія, особенно книги о *Гражданскомъ Обществѣ*, или о сословіяхъ, самой важной въ числѣ его трудовъ. Отдѣльныя части произведеній нашего автора не находятся между собою въ такой неразрывной связи, чтобы одна не представляла интереса, независимо отъ другихъ. Въ настоящее же время публика наша слишкомъ, можетъ-быть, озабочена многими горячими практическими вопросами въ кругу нашихъ отечественныхъ явленій, чтобъ отвлекать ея вниманіе къ задачамъ другаго общества.

Но посвятивъ нѣсколько статей обозрѣнію трудовъ г. Риля, мы обязаны высказать нѣсколько общихъ мыслей о ихъ характерѣ и значеніи, болѣе умѣстныхъ теперь, когда содержаніе его сочиненія нѣсколько знакомо читателямъ.

Мы считали особенно полезнымъ представить возможно кратчайшее извлеченіе изъ сочиненія г. Риля, собравъ около самыхъ крупныхъ чертъ описываемыхъ имъ предметовъ главнѣйшія его наблюденія; не разъ позволяли мы себѣ указать на ложность направленія въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ автора, собственно въ кругу

примѣненія добытыхъ имъ результатовъ къ современной жизни.

Иныя критическія отношенія къ трудамъ автора мы не считаемъ по нашему разумѣнію возможными; ибо его заслуга заключается именно въ томъ, что онъ представилъ цѣлый рядъ непосредственныхъ наблюденій надъ разными внутренними явленіями народной жизни въ Германіи, не бывшими до него вовсе предметомъ изслѣдованій. Можно находить, что избранный имъ кругъ явленій не заслуживаетъ изученія, можно порицать избранный имъ способъ изслѣдованія, можно наконецъ, въ виду другихъ, оставленныхъ имъ безъ вниманія, явленій общественной жизни, не соглашаться съ выводимыми имъ общими воззрѣніями на общество и практическую политическую жизнь,—все это въ предѣлахъ возможнаго и зависитъ отъ личныхъ убѣжденій и взглядовъ критика; но подтвердить или опровергнуть самыя наблюденія г. Риля возможно не иначе, какъ на основаніи такихъ жеточно, новыхъ непосредственныхъ наблюденіи надъ тѣми же явленіями. Нужно имѣть право сказать ему: «я это видѣлъ или такой-то другой изслѣдователь это видѣлъ, и не видѣлъ, какъ вы представляете.» Между тѣмъ именно та работа, которую себѣ задалъ авторъ, совершенно новая въ кругу общественныхъ и политическихъ наукъ, и повѣрить большую часть его наблюденій свидѣтельствами другихъ, такихъ же очевидцевъ какъ онъ, невозможно. Потому критика такого рода произведеній зависитъ отъ времени, которое или подтвердитъ, или опровергнетъ собранныя авторомъ данныя. Такого же рода отношенія критики и во всѣхъ другихъ отрасляхъ наукъ къ изслѣдованіямъ новымъ и самостоятельнымъ. Всѣ они сперва должны быть принимаемы на вѣру, если нѣтъ возможности для точной ихъ повѣрки повторить всѣ положенныя въ основаніе ихъ наблюденія, а это послѣднее необходимо для всякой дѣйствительно ученой критики. Натуралистъ проникаетъ въ совершенно неизвѣстныя страны, сообщаетъ намъ цѣлый рядъ фактовъ изъ жизни растеній и животныхъ, фактовъ новыхъ въ области знаній; сначала степень довѣрія къ этимъ фактамъ основывается на степени довѣрія, пріобрѣтеннаго ученымъ еще прежде въ образованной публикѣ. Настоящая критика начинается съ тои поры когда другой натуралистъ проникнетъ въ ту же страну и подтвердитъ или опровергнетъ наблюденія перваго.

Хотя г. Риль изслѣдовалъ страны весьма извѣстныя, но область явленій, которой онъ посвятилъ свои труды, нова въ наукѣ.

Авторъ принадлежитъ къ числу самыхъ яркихъ представителей особеннаго направленія въ политическихъ наукахъ, возникшаго съ нѣкоторыхъ поръ въ Германіи. Это направленіе явилось какъ справедливая реакція противъ всѣхъ оттѣнковъ политическихъ партій, стремящихся и въ теоріи, и въ практикѣ провести какую-нибудь одну любимую идею, произвольно взятую изъ круга отвлеченныхъ понятій. Иногда такая политическая теорія не была плодомъ только вымысла, но опиралась на нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ жизни какого-либо народа и страны, безъ надлежащей полноты и безъ достаточнаго различенія существенныхъ признаковъ отъ случайныхъ. Такой характеръ имѣла такъ-называемая партія доктринеровъ во Франціи; взявъ въ образецъ нѣкоторыя парламентскія формы, хотя и сосѣдней, но совершенно различной по своему историческому развитію страны, она весьма чистосердечно убѣждена была, что только въ этихъ формахъ заключается спасеніе для Франціи отъ всѣхъ внутреннихъ потрясеній, раздирающихъ ея общественный организмъ. Между тѣмъ главное и единственно-достойное подражанія въ Англіи — принципъ равновѣсія, какъ условіе истинной свободы, и постепенность прогресса сообразно съ естественными потребностями страны и народа, — оставалось безъ подражанія. Событія доказали шаткость политическихъ началъ доктринеровъ; малѣйшаго взрыва страстей, раздѣлявшихъ между собою различныя общественныя группы, достаточно было, чтобы снести всѣ политическія декораціи, которыми мечтали заслонить игру дѣйствительной жизни, выводя на сцену только тѣ фигуры, которыя входили въ разъ навсегда составленную доктрину. Франція и до сихъ поръ, съ страшными муками, силится выработать политическія учрежденія, сообразныя внутреннему содержанію ея общественной жизни. Современная государственная наука именно обратилась къ изученію дѣйствительной жизни народа; всѣ современныя историческія и статистическія изслѣдованія направлены къ тому, чтобъ открыть, въ безконечномъ сплетеніи общественныхъ явленій, ихъ *законность* и *необходимость*. Эта идея *необходимой* связи одного факта экономической, юридической, нравственной жизни общества, съ другимъ фактомъ, никакъ не должна однако вести къ отрицанію *возможности* благодѣтельнаго или зловреднаго вліянія со стороны политической власти на подчиненную ей общественную дѣятельность. Это вліяніе точно такъ же возможно, какъ возможно вліяніе человѣка на неодушев-

ленную природу, несмотря на непреложность законовъ, ею управляющихъ. Открытіе закона въ неодушевленной природѣ позволяетъ намъ узнать въ какой степени одно явленіе зависитъ отъ другаго, и потому въ какой степени мы должны сообразовать съ ними наши дѣйствія. Открытіе экономическаго закона кредита позволяетъ намъ такъ сообразовать наши государственныя распоряженія, чтобы не препятствовать и даже содѣйствовать развитію частнаго кредита въ народѣ.

Но когда мы говоримъ о возможности того или другаго вліянія человѣческой воли на общественныя явленія, то мы уже тѣмъ самымъ предполагаемъ существованіе цѣли. Дѣйствительно, несмотря на разнообразіе естественныхъ условій развитія народовъ и странъ, мы, въ историческомъ ходѣ событій, не можемъ не открыть нѣкоторыхъ общихъ цѣлей, къ которымъ образованная часть человѣчества стремится, въ силу *единства* человѣческаго духа, несмотря ни на какія разнообразія мѣстныхъ и временныхъ условій жизни отдѣльныхъ народовъ. Лишь это-то *единство* стремленій человѣческой личности, во всѣ времена и на всѣхъ точкахъ земнаго шара, и даетъ возможность создать науку о государствѣ и обществѣ, ибо безъ единства началъ не могло бы быть науки. Это раскрытіе общихъ цѣлей, къ которымъ тяготѣютъ всѣ народы въ своемъ историческомъ развитіи, и есть послѣдняя задача и вѣнецъ науки. Еще весьма мало сдѣлано человѣческимъ умомъ дѣйствительныхъ побѣдъ на этомъ полѣ; иначе не было бы такого разнорѣчія въ политическихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ, которыя мы видимъ до сихъ поръ Но точныя историческія и физіологическія изслѣдованія общественной жизни должны вести къ тому, чтобы выяснить эти общечеловѣческія цѣли народовъ изъ самой дѣйствительности ихъ жизни, а не изъ того или другаго пристрастія политическаго писателя или государственнаго человѣка. Эти законы необходимости общественныхъ явленій и эти общія начала человѣческой дѣятельности, дѣйствительность народнаго быта и общечеловѣческія цѣли, къ которымъ стремится каждый народъ при устройствѣ своего быта, и должны руководить государственнаго человѣка въ его дѣятельности. Такихъ непреложныхъ законовъ въ жизни общества и общихъ началъ открыто современною наукою еще немного; но существенный успѣхъ ея заключается въ томъ, что она вступила на путь точныхъ наблюденій надъ дѣйствительностію жизни, на тотъ путь, которымъ естественныя и техническія науки достигли такихъ

блестящихъ результатовъ. Изо всего сказаннаго мы можемъ вывести то заключеніе, что существованіе возникающей *науки объ обществѣ* оправдывается само въ себѣ, какъ существованіе всякой науки, изслѣдующей опредѣленный кругъ явленій; здѣсь наука имѣетъ свое законное право на бытіе, какъ всякая истина, какова бы она ни была. Но кромѣ того, она имѣетъ и свою чрезвычайно-важную практическую сторону; она должна получить преобладающее вліяніе на направленіе политической дѣятельности. Изслѣдуя всѣ мельчайшія подробности дѣйствительной народной жизни, она должна выставить внутреннія потребности этой жизни и условія, налагаемыя ими на всѣ государственныя учрежденія.

Г. Риль наблюдалъ народную жизнь въ Германіи, въ самой ея дѣйствительности, и выставилъ эту дѣйствительность вопреки узкимъ воззрѣніямъ тощихъ бюрократовъ и фантастическимъ представленіямъ жизни въ умахъ мыслителей-идеалистовъ. Въ этомъ его заслуга, но не въ этомъ вся задача современной науки. Г. Риль такъ близко подошелъ ко всѣмъ изслѣдованнымъ имъ явленіямъ, что онъ замѣчаетъ обыкновенно только временную, матеріяльную форму народныхъ вѣрованій и стремленій. Какъ очевидецъ, онъ разказываетъ то, что видѣлъ, и даетъ намъ запасъ драгоцѣнныхъ наблюденій и фактовъ. Но упуская изъ виду общее направленіе современной жизни, онъ даетъ слишкомъ много значенія отдѣльному факту, который только тогда можетъ служитъ опорою для положительнаго законодательства и государственнаго управленія, когда разсматривается въ связи со всѣми предшествовавшими и современными фактами. Таковы восторженныя увлеченія автора при описаніи *дичи* въ природѣ и народной жизни; отсталость нѣкоторыхъ поселеній, какъ бы забытыхъ историческимъ движеніемъ просвѣщенія, необходимо должна обусловливать собою общую систему государственныхъ установленій, учреждаемыхъ въ странѣ, но при этомъ каждое изъ этихъ установленій должно имѣть въ виду, что естественное, первоначальное хозяйство горнаго или лѣснаго дикаря только первая ступень къ болѣе утонченному хозяйству промышленнаго крестьянина и горожанина, что первое необходимо, по крайней мѣрѣ исторически, позади втораго. Печальныя стороны жизни всемірныхъ городовъ или рынковъ для развитія художественныхъ и нравственныхъ ичтересовъ народа представлены авторомъ весьма выпукло и во многихъ отношеніяхъ вѣрно; но необходимость громаднаго развитія всемірныхъ горо-

довъ въ общемъ ходѣ современнаго просвѣщенія, какъ будто не существуетъ для него, ибо онъ не хочетъ постигнуть всей совокупности интересовъ этого просвѣщенія. Такимъ образомъ чуждо ему промышленное движеніе вѣка, въ которомъ онъ усмотрѣлъ только пѣну, прибитую волнами движенія къ нѣкоторымъ формамъ народнаго быта, и дурно окрасившую многія проявленія народной жизни, микроскопически осмотрѣнныя авторомъ. Но общаго характера движенія, постепенно водворяющаго благосостояніе въ массахъ, постепенно увеличивающаго число участниковъ въ наслажденіяхъ жизни, онъ не признаетъ и не можетъ признать, ибо его глазъ устремленъ лишь на нѣсколько камешковъ, по которымъ бѣжитъ эта широкая струя; онъ занятъ только судьбою этихъ камешковъ и не видитъ ни отдаленныхъ истоковъ потока, ни тѣхъ колоссальныхъ переворотовъ, которые производитъ его теченіе на всемъ пространствѣ береговъ, ни тѣхъ далекихъ странъ, къ которымъ онъ стремится. А между тѣмъ и изъ вліянія потока на каждую отдѣльную песчинку на его пути, и изъ сопротивленія, оказываемаго теченію каждою песчинкою, слагается все направленіе и все значеніе потока. Съ этой точки зрѣнія наблюденія г. Риля неоцѣнимы для науки и для жизни, неоцѣнимы какъ живой матеріялъ общества и государства.

